

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО–ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

На правах рукописи

Такоева Тамара Астановна

**Способы вербализации категории аспектуальности в английском,
осетинском и турецком языках**

Специальность 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно–
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент
Калабекова Людмила
Тазретовна

Владикавказ – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Сопоставительно–типологические разыскания как один из рациональных методов изучения аспектуальности разносистемных языков.....	14
1.1. Методологические основы сопоставительных исследований.....	14
1.2. Теория функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности на службе контрастивно-типологических разысканий.....	28
Выводы к главе 1.....	38
Глава 2. Механизмы реализации функционально-семантической категории аспектуальности в разноструктурных языках: от системного описания к типологии.....	41
2.1. Специфика репрезентации глагольного вида в современном английском языке.....	41
2.2. Аспектуальные критерии турецкого глагола.....	55
2.3. Категория вида в осетинском языке преимущественно флективном в своей языковой сущности.....	65
2.4. Сопоставительный анализ аспектуальных параметров английской, турецкой и осетинской лингвосистем.....	75
2.4.1. Основные разновидности фазовости глагольного действия в языках разной структурной модели. Начинательный способ действия в его двух логико-вербальных ипостасях: инхоативность, ингрессивность процесса.....	75
2.4.2. Лимитативность как одна из ключевых характеристик ФСП аспектуальности.....	85
2.4.3. Завершенность/прекращение процесса как один из основных аспектуальных критериев глагольного действия	90
2.4.4. Способы экспликации длительности глагольного действия в разносистемных языках (английском, турецком, осетинском)	93
2.4.5. Категория кратности как одна из универсальных семантических	

субкатегорий ФСП аспектуальности (квантитативная характеристика процесса)	98
2.4.6. Грамматикализованность средств экспликации аспектуальных значений в разноструктурных языках: критерии оценки	109
Выводы к главе 2	112
Глава 3. Межъязыковые коллизии в аспекте функциональных сближений грамматических категорий разноструктурных языков.....	122
3.1. Взаимосвязь и взаимообусловленность языковых категорий с позиций объективной реальности.....	122
3.2. Функциональные параметры конкуренции видов глагола в языках разной этимологической модели.....	130
Выводы к главе 3	142
Заключение.....	148
Список использованной литературы	156
Список литературных источников и условных сокращений.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация представляет собой опыт сопоставительно-типологического анализа аспектуальных систем трех генетически и структурно различных языков: английского, осетинского и турецкого. Аспектуальные языковые системы – это не просто грамматические правила, это зеркало когнитивных процессов и культурных моделей (инструмент познания мира). То, как язык кодирует различные аспектуальные процессы: длительность, завершённость, повторяемость, мгновенность и т. д., как он формирует восприятие реального мира, напрямую связано с тем, каким образом его носители концептуализируют временные изменения и саму природу действий. Категория аспектуальности, отражающая характер протекания действия во времени, представляет собой фундаментальный элемент грамматической организации большинства языковых систем, исследование которой открывает уникальные возможности не только для анализа временной референции, но и для понимания глубинных связей между языковой структурой и когнитивными механизмами восприятия глагольного действия. Функционально-семантический подход к анализу языковых процессов, основанный на комплексном изучении разноуровневых языковых компонентов, объединенных общей аспектуальной семантикой, даёт возможность увидеть полевую организацию любого языка, постичь гармоничное устройство языковой системы и понять закономерности использования средств различных языковых уровней для трансляции смысла высказывания.

Настоящая работа предлагает комплексное сопоставительное изучение аспектуальных систем трех разноструктурных языков (английского, осетинского и турецкого). Исследование вносит безусловный вклад в развитие типологии языков, аспектологии и контрастивной лингвистики, а также способствует сохранению и популяризации осетинского языка в контексте мировой лингвистической науки.

Актуальность. Изучение аспектуальности в английском, турецком и осетинском языках актуально как для фундаментальной науки в плане расширения типологических и когнитивных моделей, так и для прикладных областей знаний, таких как образование, переводческая практика, компьютерные технологии. Такого рода исследования способствуют преодолению языковых барьеров в глобальном мире, углубляют понимание связей между языком, мышлением и культурой человека, расширяют теоретическую базу типологии языков. Они демонстрируют, каким образом неродственные лингвосистемы кодируют аспектуальные значения под всевозможными языковыми схемами. Исследование этих фундаментальных различий способствует лучшему осмыслению культурно-языковой картины мира, усовершенствованию методики обучения иностранным языкам, повышению качества перевода, снижая, таким образом, уровень всякого рода погрешностей в межкультурной коммуникации. Все перечисленное, безусловно, важно для межкультурного диалога в любой сфере человеческой деятельности.

Следует учитывать и тот факт, что из трех языков, привлекаемых к анализу, осетинский язык все еще остаётся недостаточно изученным в аспектологическом контексте. Всестороннее описание видовой системы осетинского языка играет ключевую роль в деле его сохранения и популяризации в лингвистическом и культурном пространстве. Насколько позволяет судить проведённый библиографический обзор, несмотря на значительное количество исследований аспектологического порядка, предпринятых в рамках отдельных языковых систем, сопоставительное исследование аспектуальных систем английского, осетинского и турецкого языков до сих пор не проводилось.

Объект анализа – аспектуальные системы трех разноструктурных языков: английского, осетинского и турецкого.

Предметом исследования являются способы вербализации категории аспектуальности в английской, осетинской и турецкой языковых системах,

обусловленные типологическими особенностями каждого из привлеченных к анализу языков.

Целью работы является сопоставительное изучение аспектуальных систем английского, осетинского и турецкого языков, направленное на установление языковых коллизий (типологических сходств и различий) трех разносистемных языков, а также на формирование методологического аппарата, сосредоточенного на применении полученных результатов в переводческой и педагогической практике.

Гипотеза исследования. Несмотря на типологические различия, английский, турецкий и осетинский языки эксплуатируют комбинацию морфологических, лексических и лексико-синтаксических средств для экспликации аспектуальных значений. Однако делают это с разной степенью интенсивности. Выбор конкретных языковых параметров обусловлен структурными особенностями каждой из привлеченных к анализу языковых систем.

В соответствии с объектом, предметом, целью и гипотезой были определены следующие исследовательские **задачи**:

- определить содержание функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности в каждом из трёх исследуемых языков;
- дифференцировать морфологические, лексические и лексико-синтаксические средства трансляции аспектуальных значений;
- провести сопоставительный анализ на материале параллельных текстов и выявить типологические закономерности, а также культурно-обусловленные отличия в концептуализации действия;
- предложить методические рекомендации для освоения категории аспектуальности в рамках контрастивного изучения языков;
- разработать универсальную модель для сопоставительного анализа аспектуальных систем осетинского, английского и турецкого языков.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили параллельные тексты эпоса «Сказания о Нартах» на английском, осетинском

и турецком языках. Фактологический материал английского и турецкого языков (переводы с осетинского) привлекался в качестве самостоятельных источников. Это позволило зафиксировать существующие средства экспликации аспектуальных значений в каждом из анализируемых языков, а также сопоставить способы трансляции сходных аспектуальных значений.

Исследование проводилось в три этапа: 1) сплошная выборка глагольных форм и конструкций с аспектуальными значениями (анализу подверглись около 350 контекстов из каждого языка); 2) семантическая классификация аспектуальных средств по типам значений (начинательность, длительность, предельность, результативность, однократность, многократность); 3) сопоставление полученных данных по каждому из значений и обнаружение языковых коллизий. Критерием сопоставимости служило значение, а не форма.

Для подтверждения объективности полученных результатов к анализу были привлечены данные корпусной лингвистики: *British National Corpus* (BNC), *Turkish National Corpus* (TNC) и Национальный корпус осетинского языка.

Методологической базой лингвистического разбора эмпирического материала стали контрастивный и описательный методы анализа, объединенные в рамках диалектического подхода, постулирующего единство противоположностей. В нашем случае имеется в виду неделимость формы и содержания, когда в сферу исследования попадают как структурные особенности сопоставляемых языков, так и содержательная сторона конкретного высказывания, а также элементы когнитивного, контекстуально-дискурсивного и корпусного анализа.

Научная новизна. Впервые проводится комплексное сопоставление *функционально-семантических полей* (ФСП) аспектуальности в типологически различных языках (английском, осетинском и турецком).

Определяется уровень вовлеченности морфологических, лексических и лексико-синтаксических элементов ФСП аспектуальности в экспликацию

видовых значений каждого из сопоставляемых языков:

- а) присутствие морфологических маркеров в осетинском, английском и турецком языках;
- б) влияние семантической наполненности глагольной лексики на экспликацию конкретных аспектуальных значений;
- в) значимые параметры лексико-синтаксических элементов для аспектуальной характеристики глагольного действия.

Степень научной разработанности темы. Теоретико-методологическую базу исследования составили фундаментальные работы по современной аспектологии. Анализ научных трудов в данной области позволил использовать не только соответствующий терминологический аппарат, частично модифицированный в соответствии с целями настоящей работы, но и опереться на основополагающие концепции, посвященные структурной организации ФСП аспектуальности. В классических исследованиях по данной проблематике систематизированы ключевые закономерности функционирования аспектуальных систем, что послужило важной основой для авторской интерпретации языковых явлений. Русский язык анализу не подвергался, а был привлечен лишь в качестве теоретической базы, так как именно на его материале была разработана одна из наиболее стройных и верифицированных моделей категории аспектуальности, инструментарий которой предоставил возможность единообразной интерпретации аспектуальных систем трех разноструктурных языков.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области общего языкознания и, в частности, теории аспектуальности и типологии языковых систем: А.В. Бондарко, В.Г. Гака, Анны А. Зализняк, М.Я. Гловинской, Ю.С. Маслова, В.С. Храковского, А.Д. Шмелева, Robert I. Binnick, B. Comrie, Östen Dahl, C. S. Smith, H.J. Verkuyl, Z. Vendler и др.

В диссертации представлены труды ученых, посвященные

аспектуальности английского глагола, таких как А. Кеннеди, Дж. Керм, Э. Крейзинг, Г. Поутсма, В.Д. Аракин, И.П. Иванова, В.Н. Жигadlo, Г. Суит, А.И. Смирницкий, Б.А. Ильиш, Л.С. Бархударов, Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская, В.Н. Ярцева. К анализу привлечены исследования *ведущих тюркологов*, посвященные проблемам аспектуальности турецкого глагола, таких как Н.А. Баскаков, А.Н. Кононов, Б.А. Серебренников, Н.К. Дмитриев, Ф.А. Ганиев, А.А. Юлдашев, П.И. Кузнецов, Д.М. Насилов, В.Г. Гузев, М.М. Текуев, Э.И. Грунина, Л. Йохансон, Ayhan Aksu-Koç и Seçkin Arslan. В работе нашли отражение научные изыскания таких известных *грамматистов - осетиноведов*, как В.И. Абаев, Н.К. Багаев, Н.Я. Габараев, К.Е. Гагкаев, М.И. Исаев, Х.А. Токазов, Е.З. Козырева, А.А. Левитская.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в дальнейшем развитии функционально-семантического подхода, разработанного А.В. Бондарко и его последователями на материале русского языка, применительно к новому, типологически разнородному материалу: аспектуальным системам английского, осетинского и турецкого языков. Обозначенные языки существенно различаются по генетическому происхождению, морфологическому типу и грамматическому строю, что делает их сопоставление особенно показательным для проверки потенциала теории функционально-семантических полей. *Теоретическая значимость* работы состоит также в уточнении соотношения понятий *аспект* и *Aktionsart*; в разработке принципов сопоставления разноструктурных языков на базе единой семантической основы; в развитии теории грамматикализации применительно к аспектуальным значениям; в углублении понимания межкатегориальных связей. Аспектуальность рассматривается нами не как набор определенных смыслов, а как семантическая доминанта, организующая вокруг себя разноуровневые языковые средства. Сказанное позволяет включить в анализ такие явления, которые традиционно остаются за пределами аспектологии: контекстуальные употребления, нарративные стратегии, дискурсивные функции. Исследование вносит несомненный вклад

в расширение предметного поля аспектологии и в установление связей функционально-семантического подхода с корпусной и когнитивной лингвистикой.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть учтены при написании учебников и учебных пособий по грамматике осетинского, турецкого и английского языков. Результаты предпринятого анализа включают в себя рекомендации для переводчиков, работающих с анализируемыми языками. Данные, полученные в результате реферируемого исследования, могут быть интегрированы в цифровые инструменты, такие, например, как алгоритмы машинного перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аспектуальные параметры рассмотренных в диссертации языков (английского, осетинского и турецкого) представляют собой функционально-семантическое поле (ФСП), в рамках которого морфологические, лексические и лексико-синтаксические языковые средства проявляются с разной степенью актуализации. Предпочтение тем или иным компонентам обуславливается степенью грамматикализации исследуемой категории в каждой из языковых систем. Однако одним из ключевых звеньев ФСП аспектуальности является лексическая составляющая, под которой понимается смысловое содержание глагольной лексики, эксплицирующей любой вербальный процесс.

2. Способы экспликации различных аспектуальных смыслов определяются степенью вовлеченности функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности в грамматическую систему языка и напрямую зависят от структурных, семантических и коммуникативно-прагматических особенностей каждого из языков. Языковые системы грамматикализуют, как правило, те аспектуальные смыслы, которые в меньшей степени зависят от контекста, однако являются в высшей степени значимыми для недвусмысленного понимания глагольного действия.

3. Установлены следующие типологические параметры:

1) В английской языковой системе для экспликации аспектуальных значений доминируют аналитические конструкции. Английский язык (вопреки распространенному мнению о грамматикализованности вида: *continuous vs. non-continuous*) в значительной степени задействует лексические и контекстуальные языковые средства: фразовые глаголы, наречия интенсивности и т.д.

2) Типологической особенностью тюркской языковой системы (в состав которой входит турецкий язык) является преимущественно аффиксальная и аналитическая экспликация аспектуальных смыслов. Корневая основа турецкого глагола выступает в качестве носителя лексической семантики, создающей определенные предпосылки для аспектуальной интерпретации глагольного действия, однако сама по себе она, как правило, аспектуально нейтральна. Для отнесения глагольной формы к той или иной аспектуальной модели корневая основа требует обязательного грамматического окружения. Турецкому языку при этом (как, впрочем, и осетинскому) присуще частотное воспроизведение длительных, повторяющихся (реже – однократных) действий посредством ономатопеических глаголов и редупликации.

3) В осетинском языке, синтетическом по своему структурному укладу, с элементами агглютинации, аспектуальные значения формируются посредством комбинации префиксов, суффиксов и частиц, что отражает, с одной стороны, его принадлежность к иранской группе языков, с другой – демонстрирует влияние внешних языковых контактов. Имеется в виду влияние русского языка, соседствовавшего с осетинским на протяжении нескольких веков.

4. Принципиальные различия в аспектуальных системах трех исследуемых языков интерпретируются в настоящем исследовании как отражение разных когнитивных приоритетов, реконструируемых на основе языковой структуры: английская языковая система кодирует в первую

очередь процессность, осетинская – результативность. Что касается турецкой языковой системы, то особую значимость здесь приобретает информативный компонент высказывания. Указанные приоритеты не исключают, безусловно, и другие аспектуальные смыслы, однако они определяют доминирующую ориентацию языковой системы в целом.

Апробация диссертации.

Результаты диссертации апробированы в материалах научных конференций различного уровня, в том числе: на международной научно-практической конференции «Перспективы развития науки и образования» (г. Тамбов, 30 апреля 2016 г.), доклад *«Специфика репрезентации глагольного вида в современном английском языке»*; на 58-й международной научной конференции «Итоги науки в теории и практике 2019» (г. Москва, декабрь 2019 г.), доклад *«Лимитивность как одна из ключевых субкатегорий аспектуальности»*; на II международной научной конференции «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации» (г. Владикавказ, 26–27 октября 2023 г., СОИГСИ ВНЦ РАН), доклад *«Анализ отдельных способов действия в языках разной типологической модели (на материале осетинского и английского языков)»*; на всероссийской научной конференции «Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации» (г. Владикавказ, 22 декабря 2023 г., Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова), доклад *«Межкатегориальные взаимосвязи в типологическом аспекте»*; на II всероссийской конференции с международным участием «Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации» (г. Владикавказ, 27 ноября 2025 г., Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова), доклад *«Структура функционально-семантического поля аспектуальности в английском языке»*; на ежегодных научно-исследовательских конференциях, проводимых в рамках Дней науки на факультете международных отношений СОГУ им. К.Л. Хетагурова, по результатам которых опубликовано 9 статей.

Структура работы определяется поэтапным решением поставленных задач и соответствует логике исследования: от осмысления теоретических основ ФСК аспектуальности к ее прикладному применению. Композиционно диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка литературных источников. Работа изложена на 183 страницах.

Глава 1. Сопоставительно-типологические разыскания как один из рациональных методов изучения аспектуальности разносистемных языков

1.1. Методологические основы сопоставительных исследований

Все нарастающий исследовательский интерес к сравнительным изысканиям обусловлен не только попыткой постичь механизмы функционирования и взаимодействия разнохарактерных языковых систем, но и насущной потребностью научного сообщества в эффективном построении межкультурной коммуникации и в перманентном повышении качества переводов. Осмысление истории сопоставительного языкознания в рамках настоящего исследования даёт возможность, с одной стороны, проследить преемственность научной мысли, а с другой – обозначить специфику контрастивного анализа, выполненного в синхронной перспективе на материале неродственных языков. Контрастивные исследования базируются на сопоставительном анализе, который восходит к фундаментальной способности человека к сравнению. Как отмечает Л.Т. Калабекова, «контрастивная лингвистика, которая по справедливости считается одним из наиболее молодых направлений в современном языкознании, имеет в действительности прочные традиции» [Калабекова 2013: 18]. «Само разнообразие мира обуславливает постоянное сопоставление человеческим сознанием различных явлений. Сопоставление (синоним – сравнение), очевидно, есть одно из базовых свойств абстрактного мышления человека, способ познания действительности и дифференциации сходных объектов и явлений» [Стернина 2021: 6].

Необходимость сравнения языков возникала из насущных практических потребностей. Торговля, дипломатия, завоевания и межкультурные контакты требовали взаимопонимания между носителями разных языковых культур. Именно эта необходимость привела к созданию

первых двуязычных словарей и разговорников, которые явились, по сути, результатом стихийного сравнительного анализа.

Формирование научного подхода к сопоставлению языков заняло, между тем, несколько столетий и прошло ряд этапов, каждый из которых характеризуется собственными целями, методами и объектом исследования. Первым таким этапом стало сравнительно-историческое языкознание, которое поставило сравнение на строгую научную основу, но ограничило его генетически родственными языками и диахронической перспективой.

Открытие санскрита и обнаружение его сходства с европейскими языками, а также теоретическое осмысление и классификация собранного к тому времени обширного языкового материала явились основными предпосылками возникновения сравнительно-исторического языкознания. Сходство индийских слов с латинскими заметил ещё в XVI в. Ф. Сассетти, но научно не обосновал. Появление сравнительно-исторического языкознания как нового направления лингвистики связывают с именем английского востоковеда В. Джонсона, выдвинувшего идею родства санскрита, греческого, латинского, германского, кельтского и древнеперсидского языков и существования общего праязыка. Подтвердили это уже другие исследователи. В XIX в. центром сопоставительного анализа стала Германия; первые обоснования метода находим в трудах Ф. Боппа (1816), Р. Раска (1818), Я. Грима (1819–1837), А. Х. Востокова (1820). Именно в этот период были заложены основы научного сопоставления языков. Однако методологический аппарат компаративистики был ориентирован на реконструкцию праязыковых состояний, а не на синхронное описание различий между неродственными языками.

Первый опыт типологической классификации принадлежит Фридриху фон Шлегелю, который в книге «О языке и мудрости индийцев» (1808) впервые употребил термин «сравнительная грамматика». Сопоставив санскрит с греческим, латинским и тюркскими языками, ученый выделил два типа языков: флективные (санскрит, латынь, греческий) и аффиксирующие

(тюркские языки). Позже Вильгельм фон Шлегель добавил третий–аморфный (китайский). А. Шлейхер дополнил классификацию, указав на синтетический и аналитический векторы во флективных языках [Германова 2020: 10]. Типологические изыскания способствовали становлению лингвистики универсалий, концептуальной основой которой стала «Грамматика Пор-Рояля», заложившая идею универсальности грамматических категорий и возможности их выражения разными языками.

Так, уже в рамках типологических исследований XIX века были заложены предпосылки для последующего обособления контрастивной лингвистики: сравнивались не только родственные, но и типологически различные языки. Однако целью такого сравнения было построение классификаций, а не выявление конкретных сходств и различий между отдельными языковыми системами.

В отличие от типологической лингвистики контрастивная лингвистика не ставит своей целью выявление языковых разновидностей и языковых универсалий. Она направлена на обнаружение сходств и различий между сравниваемыми языками и предоставляет, таким образом, материал для типологических исследований. Сопоставительный метод позволяет легче разобраться в особенностях каждого из привлеченных к анализу языков, которые по справедливому замечанию О.Ю. Иньковой вполне могут «ускользнуть» от внимания исследователя при монологичном дескриптивном подходе, изучающем язык «в себе и для себя» [Инькова 2022: 17–31].

Экскурс к трудам основоположников сравнительного языкознания В. Джонсона, Ф. Боппа и Я. Гримма призван проследить эволюцию научных взглядов на сравнительное изучение языков, показать, каким образом интерес к системным параллелям между языками, зародившийся в рамках компаративистики XIX века, постепенно трансформировался в самостоятельную типологическую парадигму XX столетия. Фундаментальный вклад в становление методологии сопоставительной лингвистики внесли труды Р. Ладо, разработавшего концепцию

контрастивного анализа. По мнению ученого, ключевым методологическим постулатом контрастивного анализа выступает принцип функциональной эквивалентности, предполагающий сравнение не формальных признаков, а функциональных расхождений в сопоставляемых языковых системах [Lado 1957].

Контрастивная лингвистика унаследовала от компаративистики саму идею научного сопоставления языков, а от типологии – интерес к языкам различного строя. Однако если компаративистика ограничивалась генетически родственными языками и диахронической перспективой, а типология ставила целью выявление универсалий и построение классификаций, то контрастивная лингвистика обратилась к синхронному сопоставлению двух или нескольких языков независимо от их родства для выявления их сходств и различий. Именно сопоставление разноструктурных языков в синхронной перспективе и составляет методологическую основу настоящего исследования.

«Языковая картина современного нам мира неоднородна и поляризована: по одну сторону находятся так называемые языки-гиганты, насчитывающие до миллиарда носителей, по другую – большое количество малых языков. При этом независимо от того, какова «география», структурная организация или какие-либо другие характеристики того или иного естественного языка, каждая лингвокультура уникальна. Вместе с тем в основе структуры и функционирования самых разных языковых культур лежат одни и те же вербальные процессы» [Такоева 2022: 173]. Речь идет о так называемых языковых универсалиях, присутствие которых позволяет постигать, а потом и сопоставлять формальную экспликацию этих последних в языках разных типов и систем. При этом, несмотря на наличие универсальных принципов структурной организации языковых систем, каждый язык сохраняет свою уникальность. Собственно, диалектическое единство универсального и уникального в границах различных лингвосистем формирует методологическую основу для их научного сопоставления,

позволяя выявлять как общие закономерности, так и специфические признаки каждого языка.

Как известно, «сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства [Ярцева 1981: 9]». В отличие от *уникалий*, показывающих структурные характеристики конкретно взятой лингвокультуры, языковые универсалии как одно из важнейших понятий типологии, присущи всем или большинству естественных языков.

Вопрос об универсальных языковых характеристиках и возможности создания всеобъемлющей грамматики интересовал лингвистов с давних пор. Термин *grammatica universalis* появился в XIII в., а широкое распространение получил после знаменитой "Граматики Пор-Рояля", разработанной А. Арно и К. Лансло. В XX в. важным событием стала конференция в Нью-Йорке (апрель 1961 г.), собравшая корифеев современной лингвистики, а также представителей смежных наук. Материалы конференции были изданы в 1963г. под названием *Universals of Language* под редакцией Дж. Гринберга. В русском переводе большая часть научных статей этого сборника появилась в периодическом издании «Новое в лингвистике» [Успенский 1970].

Идея универсальной грамматики связана с именем Н. Хомского, который полагал, что все языки одинаковы по своей сути, а их глубинное сходство заключается в синтаксической организации; человек рождается с универсальной синтаксической матрицей, и ему остаётся лишь установить верное для его конкретного языка значение параметров. Последователь идей Н. Хомского, американский лингвист М. Бейкер, попытался выявить лингвистические закономерности, которые позволили бы создать в языкознании что-то подобное периодической таблице химических элементов Д.И. Менделеева [2008].

Поиск фундаментальных параметров, формирующих грамматический строй любого языка, нашел свое непосредственное отражение и в области

аспектологических разысканий. Параметрический подход, ключевой для генеративизма, был довольно продуктивно адаптирован и для анализа того, как различные языки реализуют общие семантические категории. Примером сказанного может послужить двухкомпонентная теория аспекта Карлоты С. Смит, которая, по сути, представляет собой развернутую параметрическую модель [Smith 1997]. В рамках упомянутой концепции аспектуальная система любого языка описывается через универсальные параметры – такие как «тип ситуации» (situation type) и «аспектуальная перспектива» (viewpoint aspect), которые, в свою очередь, получают конкретные значения в зависимости от грамматического строя языка.

Современные контрастивные исследования, в том числе и в области аспектологии, продвигаются не в сторону создания жесткой «таблицы Менделеева» для языковых систем, а в направлении обнаружения гибких критериев и принципов их варьирования. Сказанное позволяет системно описывать и сопоставлять даже настолько различные по своему устройству языки, как английский, турецкий и осетинский, наглядно демонстрируя при этом, как общая когнитивная основа реализуется в уникальном грамматическом строе каждого из перечисленных языков.

Несмотря на тот очевидный факт, что далеко не все сходные характеристики различных лингвокультур стали предметом научных разысканий, ученые все охотнее прибегают к термину *языковые универсалии* для описания новых лингвокультурных явлений, попавших в поле зрения исследователей. Однако только этим сфера применения обозначенного термина, безусловно, не ограничивается. В зависимости от характеристик, лежащих в основе конкретно взятой классификации, выделяют несколько типов языковых универсалий. Так, например, по степени интенсивности типологических свойств дифференцируют *абсолютные* (полные, неограниченные), *простые* (утверждающие наличие какого-либо явления в языке) и *сложные* (импликационные), констатирующие связь между двумя языковыми явлениями. С учетом временных параметров языковые

универсалии могут актуализироваться как *синхронические* и *диахронические*, а по способу их обнаружения как *дедуктивные* либо *индуктивные*, а также *экстралингвистические* и *собственно лингвистические*. Кроме того, лингвистические универсалии могут подразделяться на универсалии языка и речи. При этом следует помнить и о том, что языковые универсалии обнаруживаются на всех языковых уровнях.

Видовременная система типологически различных языковых систем заслуживает особого интереса исследователей. Если говорить о многофункциональности лингвистической категории, то она может подвергаться анализу с разных позиций, а именно как универсальность значения, выражения, функции и т. д. Так, в частности, универсальность значения категории аспектуальности признается в лингвистике большинством ученых и традиционно считается понятийным, функционально-семантическим концептом. В тех же случаях, когда воззрения исследователей на упомянутую проблематику расходятся, речь идет лишь о понимании сущности глагольного вида и его взаимосвязи со способами глагольного действия (СД). Наличие последних во всех естественных языках сомнений не вызывает, в то время как по отношению к универсальности экспликации тех или иных аспектуальных смыслов большинство лингвистов не столь единодушно во мнении, так как вряд ли можно говорить о наличии семантических универсалий, которые бы во всех существующих лингвокультурах оформлялись идентичными языковыми средствами.

Мы вправе говорить лишь об определенной тенденции или установленной эмпирическим путем частотности. Ведь в зависимости от того, как соотносятся имеющиеся в языке аспектуальные значения и формы их экспликации, реализация видовых смыслов может приобретать самые разнообразные конфигурации. Категория аспектуальности, по мнению П. Фридриха, может считаться кандидатом в члены универсальных признаков, которые являются врожденными или генетически предопределенными

[Friedrich 1974].

Т.В. Белошапкова, исследуя функционирование категории аспектуальности с позиций когнитивной лингвистики, причислила аспектуальные концепты «к семантическим примитивам (термин А. Вежбицкой), т.е. к набору лексических универсалий, лежащих в основе человеческой коммуникации и мышления», подтверждая тем самым «что концептуальное устройство категории аспектуальности относится к базовому уровню концептуальной системы языка» [Белошапкова 2005: 186].

В современной аспектологической литературе принято считать, что все глагольные формы эксплицируют то или иное видовое значение. Н.Б. Телин в своей статье, посвященной виду и способам глагольного действия русского языка, приводит цитату Е. Куриловича, считавшего, что «как существительное может обходиться без артикля, глагольная система может функционировать без формального различения времен (ср. семитские языки). Однако вид является *конститутивной* категорией глагола, существующей во всех языках» [цит. по: Телину 1985: 252]. И, хотя среди исследователей встречаются и те, которые рассматривают глагольный вид как явление, присущее сугубо славянским языковым культурам, все же идея универсальности аспектуальной категории получила в лингвистической литературе большое распространение. Что же касается принятия или отрицания всеохватности аспектуальной категории, то такое положение вещей во многом связано с самой трактовкой содержательной стороны последней [Цеплинская 2016: 4].

Использование функционально-семантического подхода к анализу языковых фактов, предложенного для изучения русского языка, где видовая категория проявляется наиболее зримо и интенсивно, а само её существование ни у кого не вызывает сомнений, можно считать универсальным и, следовательно, применимым при постижении аспектуальных явлений других естественных языков, в особенности тех, где категория вида находит свое четкое морфологическое воплощение, а целая

гамма дополнительных видовых значений инкорпорируется в высказывание средствами других языковых уровней [Калабекова 2015: 44].

Безусловно, все сказанное вызывает определенные трудности при трансляции глагольных конструкций, отягощенных аспектуальным значением, и возникают они независимо от того, с какой парой языков работает переводчик. Отсутствие или несовпадение тех или иных грамматических фигур в языке оригинала или перевода не может не провоцировать профессиональные трудности, сопряженные с системными особенностями временных форм, наличием бинарной видовой оппозиции, как, например, в русской языковой системе, или ее отсутствием, как в английской и турецкой лингвокультурах.

Исследование любой грамматической категории, ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения, должно учитывать присутствие в ней значения времени. Грамматически выраженные значения времени, пространства (это последнее тяготеет более весомо к лексико-синтаксическим способам его речевой актуализации), вида, модальности и залога формируют наиболее существенные системообразующие категории в виде некоего функционального единства, цементирующей силой которого становится временное значение, всегда присутствующее как обязательная составляющая в любой из упомянутых грамматических категорий, независимо от того, в какой ближайшей функции она (эта категория) выступает в конкретной речевой реализации [Калабекова 2012: 196].

Существование *абсолютных/относительных* временных форм обуславливается их соотношением с моментом речи. Если абсолютные временные формы эксплицируют глагольное действие, совпадающее, свершающееся до или вслед за моментом речи, то относительные времена рассматриваются с позиций временной формы / момента речи, условно принятых за точку отсчёта. Русской языковой культуре свойственны абсолютные временные формы, в привлеченных к анализу английском и

турецком языках встречаются как абсолютные, так и относительные времена. Наличие последних в английской и в турецкой языковых культурах приводит к тому, что разветвленные системы времен английского и турецкого языков располагают значительно большим набором грамматических средств выражения реального времени. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в анализируемом нами эмпирическом материале (тексте сказаний о нартах) наиболее частотно используется прошедшее повествовательное время, которое как одна из временных форм изъявительного наклонения, сообщает получателю информации лишь сведения о предшествовании действия настоящему периоду времени и не содержит каких-либо других аспектуальных значений. В силу сказанного, экспликация необходимой информации об аспектуальном статусе процесса в обозначенных языках осуществляется в пределах лексических, лексико–синтаксических языковых средств.

На современном этапе развития науки контрастивная лингвистика, обладая огромным внутренним потенциалом, является одним из наиболее востребованных направлений современного языкознания. Исследователи языка, руководствуясь первостепенными запросами и используя самые продуктивные методы анализа, обращаются не просто к лексикографическим данным, а их внимание привлекают все больше речевые акты [Калабекова 2012: 321], которые являются отображением языковых средств в дискурсе. В связи со сказанным заметим, в частности, что аспектологический разбор любого эмпирического материала не будет достоверным, если не уделять должного внимания дискурсной концепции вида. Данная теория ни в коей мере не противоречит традиционному синтаксическому подходу, а, напротив, свидетельствует о расширении границ его возможностей. Дискурсная концепция объективно определяет роль той или иной языковой единицы в конкретно взятом текстовом фрагменте, устанавливает статус данной словоформы в границах заданного текста. И тот факт, что граммема аспектуального порядка выходит на уровень текстового использования,

свидетельствует о ее в высшей степени зрелости и грамматикализованности [Плунгян 2004: 391–396].

Сказанное о роли дискурса с особой очевидностью проявляется при сопоставлении разноструктурных языков. В языках с разной структурной организацией и внутриязыковыми установками, таких как осетинский, турецкий и английский, средства репрезентации характера протекания действия принципиально разнятся. Существенным фактором в постижении межъязыковых коллизий становится, безусловно, этническая составляющая. Речь идет о неодинаковом ментальном восприятии окружающего мира разными этносами, о способности последних по-разному отражать одни и те же явления действительности. Вместе с тем постулируется идея, в соответствии с которой существует некий общеевропейский языковой стандарт: в границах европейского ареала обнаруживается значительная группа языков, объединенных общностью их структурной идентичности [Dahl 1990: 5]. Происходит это потому, что ареальная близость языков оказывает значительное влияние не только на инвентарь грамматических значений, но также и на принципы устройства самих языковых систем [Плунгян 2011: 144].

Сопоставительная лингвистика заслуживает в наши дни безусловного внимания, а в особенности, если анализу подвергаются языки с разной структурной организацией. Обозначенная методология априори обеспечивается богатым эмпирическим материалом, способным стать основой для лингвистического разбора. Контрастивная грамматика, как показывает языковая реальность, выходит за рамки грамматики, базирующейся на информации словарей; она берет на себя более значимые функции: отражает сходства и различия в ментальных, культурных и духовных установках представителей самых разных этнических сообществ. Как отмечают А.К. Оглоблин и В.С. Храковский, в этом контексте следует выделить неоценимый вклад Петербургской (Ленинградской) типологической школы, в основе деятельности которой лежит теория А. А.

Холодовича. Последний исходил из того, что за формальным разнообразием языков мира стоит ограниченный, единый для всех языков набор семантических признаков (*универсальная библиотека смыслов*). Задача лингвиста — выявить эти признаки, описать их парадигматическую организацию и учесть все возможные формальные средства их выражения в разных языках [Оглоблин, Храковский 2011: 11–12].

Таким образом, говорить об абсолютной идентичности языковых систем вряд ли возможно. При сопоставлении осетинского, турецкого и английского языков требуется учитывать, как универсальные факторы (в частности, существование общеевропейского стандарта), так и этноспецифические особенности ментального восприятия.

Современный этап развития сопоставительных разысканий характеризуется межпарадигмальным синтезом, который объединяет новейшие достижения структурной, функциональной и когнитивной лингвистики. А.В. Бондарко совместно с группой единомышленников разработал концепцию функционально-семантических полей, которая позволяет сопоставлять разноуровневые средства экспликации сходных смыслов [Бондарко 1987]. Теория А.В. Бондарко позволяет учитывать при анализе языкового материала различную или не совсем одинаковую функциональную значимость обозначенной категории в языках разной типологической модели, помогает обнаружить некоторые дифференциальные и интегральные черты сравниваемых языков в варианте их способности эксплицировать те или иные аспектуальные смыслы. Как справедливо отмечает Ю.С. Холод, на формирование современного когнитивного подхода, который акцентирует внимание исследователей на общих механизмах категоризации действительности, оказали неоспоримое влияние научные разыскания основателей когнитивной лингвистики Л. Талми и Р. Лангакера [Холод 2018: 175-176].

Системность всякого сопоставительного анализа обеспечивается соблюдением принципа функциональной соотносимости, который

предполагает сравнение элементов, реализующих в коммуникации сходные функции, даже при их формальном несовпадении. Наглядным примером сказанного могут послужить способы экспликации аспектуальных значений в русском и английском языках. В русском языке видовые смыслы проявляются чаще всего на морфологическом уровне (противопоставлением совершенного и несовершенного видов), в английском языке для дифференциации аспектуальных значений чаще всего прибегают к лексико-синтаксическим конструкциям. Мониторинг типологических параметров требует учета особенностей языкового строя. Так, например, сопоставление агглютинативных и флективных языковых систем влечет за собой применение различных аналитических процедур, среди которых принцип уровневой стратификации, предусматривающий последовательный анализ морфологического, синтаксического и дискурсивного уровней с последующим синтезом полученных данных. Это позволяет выявить как прямые соответствия, так и компенсаторные механизмы языковых систем. Принцип направленности сравнения различает двунаправленную (симметричную) и однонаправленную (асимметричную) модели. В первом случае языки анализируются как равноправные системы, во втором – один язык выступает своеобразным эталоном для описания другого.

Методологический аппарат сопоставительно-типологических изысканий охватывает следующие ключевые компоненты анализа:

а) метод оппозитивного анализа, разработанный пражской лингвистической школой, который позволяет выявлять дифференциальные признаки сравниваемых явлений. Применительно к категории аспектуальности обозначенный метод проявляется в сопоставлении оппозиций *совершенного/несовершенного* видов в славянских языках с временными противопоставлениями в германских языках;

б) метод семантического картирования предполагает создание семантических карт, визуализирующих зоны пересечения и расхождения значений. Обозначенная методика особенно продуктивна при сопоставлении

многозначных грамматических конструкций;

в) корпусные методы анализа обеспечивают эмпирическую базу исследования посредством анализа параллельных и сопоставимых корпусов текстов;

г) статистические методы применяются для оценки значимости наблюдаемых различий и сходств; и, наконец,

д) квантитативный анализ позволяет перейти от единичных наблюдений к системным закономерностям.

Методология сопоставительных исследований сталкивается с рядом фундаментальных трудностей. Среди них:

а) вопрос эквивалентности, который представляет максимальную сложность, поскольку абсолютное тождество языковых единиц встречается крайне редко. В современной лингвистической литературе принято дифференцировать несколько типов эквивалентности: формальную, семантическую, прагматическую и функциональную;

б) проблема языковой асимметрии, которая проявляется в отсутствии прямых соответствий между языковыми системами. Так, например, при сопоставлении аспектологических явлений русского и английского языков обнаруживаются зоны безэквивалентности, которые требуют отображения через компенсаторные механизмы;

в) проблема языковой интерференции, которая связана с влиянием одного языка на другой. Такого рода воздействие особенно актуально при сопоставлении типологически различных языков, когда колоссален риск наложения категориальных сеток;

г) проблема уровня абстракции затрагивает оптимальную степень обобщения при формулировке выводов. Излишняя генерализация приводит к нивелированию специфики, тогда как чрезмерная детализация препятствует выявлению системных закономерностей.

Методология сопоставительных исследований продолжает развиваться, интегрируя новые подходы из корпусной лингвистики, компьютерной

лингвистики и когнитивной науки. Перспективным направлением в этой области знаний представляется разработка мультипараметрических моделей сравнения, учитывающих одновременно структурные, функциональные и когнитивные аспекты языка. Важнейшей задачей современной сопоставительной лингвистики остаётся расширение эмпирической базы за счёт включения языков различных типов и систем. Это потребует дальнейшего совершенствования методологического аппарата и разработки новых процедур анализа, адекватных для сопоставления разноструктурных языков.

Сравнение языков тесно связано с вопросами идентичности и национального самосознания. Через сопоставление своего языка с другими языками народы осмысливают своё место в мире, свою уникальность и общность с другими культурами. Это особенно ярко проявляется в периоды национального возрождения, когда интерес к родному языку и его сравнению с языками соседей или завоевателей становится инструментом национальной консолидации. Лингвистический национализм, с одной стороны, и идеи языкового универсализма с другой, представляют собой две стороны одного и того же сопоставительного процесса.

1.2. Теория функционально-семантического поля аспектуальности на службе контрастивных разысканий

Появление новых концепций в лингвистической науке, как, впрочем, и в других областях знаний, редко бывает случайным, чаще всего – это закономерная реакция на накопившиеся проблемы и вызовы. Одним из ключевых факторов, детерминирующих такого рода процесс можно считать неспособность уже существующих теорий объяснять новые данные, технологический прогресс и развитие смежных наук, скопление критической массы эмпирического материала. Совокупность всех перечисленных факторов и приводит к зарождению новых парадигм.

Грамматический строй любого естественного языка представляет собой сложную систему, все элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. При попытке сопоставить генетически неродственные и типологически разнотипные языки особенно остро проявляются ограниченные возможности традиционного формального подхода. Его редукция к поиску прямых формальных соответствий оказывается методологически несостоятельной при анализе языков с отличной структурной организацией. Анализ радикально отличных друг от друга лингвосистем демонстрирует невозможность адекватного описания их грамматических категорий путем простого наложения на них готовых категориальных сеток родного или какого-либо другого хорошо описанного грамматического строя. Проекция моделей, унаследованных из европейской лингвистической традиции, зачастую приводит к ошибочному отрицанию наличия отдельных грамматических категорий в языках с иным типом организации, особенно если такая категория не имеет в языке морфологического выражения. В подобных случаях требуется иной подход, исходящий не из форм, а из функций. Системный кризис формализма обусловил смену парадигмы и потребность перехода от формально-центрического к функциональному подходу, в рамках которого и сформировалась теория функционально-семантических полей (ФСП) как адекватный инструмент кросс-лингвистического анализа, позволяющего выявить универсальные и уникальные языковые механизмы и глубже разобраться в сложном процессе взаимодействия между языком, когнитивными процессами и доступной информацией.

Функционально-семантический подход, зародившийся в лингвистике еще в XIX веке, эволюционировал от интуитивных наблюдений к сложной, многоаспектной теории, признающей системность семантических отношений и их первостепенную роль в языке. А.М. Ключина замечает, что становление и развитие теории функционально-семантических полей (ФСП) представляет собой четко структурированный исторический процесс, в котором можно

выделить несколько ключевых периодов, каждый из которых связан с неоценимым вкладом конкретных научных школ [Клюшина 2020: 117]. Так, период до 40-х гг. XX века можно считать эпохой становления идей и формирования основ полевого подхода. На этом этапе ведущую роль сыграла немецкая лингвистическая школа, яркими представителями которой были Й. Трир и В. Порциг, Пражский лингвистический кружок во главе с В. Матезиусом и Р. Якобсоном, а также Московский лингвистический кружок, председателями которого в разное время были М.Н. Петерсон, В.О. Винокур, Н.Ф. Яковлев. Совместными усилиями всех отмеченных исследователей были введены и разработаны фундаментальные для всей последующей теории языка понятия: «семантическое поле», «понятийное поле» и «синтагматическое поле». Главным достижением этого периода стало осознание системности языковых значений и установление первоначальных принципов функционального подхода к анализу языковых явлений.

Немного позже начался период развития методологии (1940–1960 гг.). Произошло углубление и расширение исходных идей. Лондонская лингвистическая школа, яркими представителями которой были Б. Малиновский и Дж. Ферс, Парижское лингвистическое общество во главе с Ш. Балли, а также исследования Л. Вайсгербера, подтвердили идею главенства семантических процессов в лингвистическом анализе. В научный обиход вошло понятие «ассоциативных полей», начал учитываться социокультурный аспект функционирования языковых единиц, что значительно обогатило методологическую базу функционально-семантической концепции.

Теория поля обрела отчетливые очертания и систематизировалась. Московская семантическая школа во главе с выдающимися исследователями Ю. Апресяном и И. Мельчуком разработала учение о лексических функциях. Ленинградская грамматическая школа, в частности В. Адмони, а также школа Е. Гулыги и Е. Шендельс занялись структурированием грамматико-

лексических полей. Как отмечает А.М. Ключина, основополагающим итогом этого периода стало детальное описание полевой структуры, а также интенсивное освоение таких категорий, как время, пространство, модальность... [Ключина 2020: 117]. Развиваясь параллельно в разных национальных научных течениях, концепция обогащалась уникальным опытом. Каждая из научных школ вносила свой вклад в формирование общего подхода, а сформулированные учеными принципы легли в основу современной полевой парадигмы в языкознании.

С 1980-х годов наступает новый период в становлении теории полей, период интеграции и расширения. В это время происходит окончательное оформление теории ФСП, связанное, прежде всего, с деятельностью Петербургской научной школы А.В. Бондарко, на базе которой была создана целостная теория и описана разветвленная система функционально-семантических категорий, ставшая одним из фундаментальных достижений отечественной функциональной грамматики.

Функциональная грамматика, как одно из ведущих направлений современной лингвистики, постулирует невозможность адекватного описания языковой системы без учёта её коммуникативного предназначения. Такой подход исходит из тезиса о неразрывной связи между функциональной и грамматической сторонами языка [Кибрик 1997: 276]. В рамках приведенной парадигмы язык исследуется как целостная система, где разноуровневые средства объединены на основе общности их семантических функций [Кибрик 1997: 276; Бондарко 1987: 6]. Ключевым понятием в рамках данного подхода выступает *функционально-семантическое поле* (ФСП), определяемое А.В. Бондарко как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1987: 11].

Цементирующим элементом устройства всякого *функционально-*

семантического поля (ФСП) является понятие «*семантического инварианта* (категории)», под которым понимается абстрактное значение, объединяющее компоненты поля в единое целое. Способ организации ФСП в языках разной типологической модели может не совпадать, а значимость его ключевых компонентов существенно разниться. Однако любое ФСП включает в свой состав ядерный компонент и периферию. *Ядро* (центр) поля формируется из наиболее грамматикализованных, облигаторных и системных средств экспликации инварианта, а *периферия* – разноуровневыми средствами, выражающими значение факультативно, менее регулярно или в сочетании с другими языковыми компонентами (лексикой, синтаксическими конструкциями, контекстом).

Одним из наиболее информативных способов репрезентации ФСП представляется концентрическая модель, в фокусе которой размещается абстрактный *семантический инвариант*, являющийся цементирующей основой полевого единства. Вокруг него консолидируется *ядро* – зона частотных и облигаторных грамматических показателей. Концентрические круги, расходящиеся от ядра, формируют *периферийные зоны*: ближнюю периферию и дальнюю периферию. К ближней периферии относим лексико-грамматические средства, которые тесно переплетены с ядром поля. Дальнюю периферию формируют лексические и синтаксические средства языка.

ФСП всегда интегрировано со смежными полями в общей системе языка, оно неоднородно, элементы ФСП находятся в отношениях взаимодополнения. Происходит это в том случае, когда разноуровневые языковые средства дополняют друг друга для более полной экспликации смысла высказывания. Они могут выступать синонимами, антонимами, однако при этом границы между компонентами поля зачастую размыты. Ключевые признаки и структура ФСП аспектуальности определяются взаимодействием грамматических, морфологических, синтаксических, а также взаимодействующих с ними лексических, лексико–синтаксических,

словообразовательных элементов, относящихся к тому же семантическому сектору, так как все перечисленные языковые средства выполняют в высказывании одну и ту же функцию.

Принято выделять два основных структурных типа ФСП: *моноцентрические поля* с целостным грамматическим ядром, опирающиеся на грамматическую категорию, и *полицентрические поля*, базирующиеся на определенной совокупности различных языковых средств, не образующих, однако, единой системы. В полицентрических полях ядро почти не выделено, так как происходит пересечение нескольких ФСП, которые представляют собой, в свою очередь, своего рода микрополя в семантическом единстве [Бондарко 1987]. ФСП не являются изолированными, они пересекаются и взаимодействуют друг с другом, образуя сложную языковую паутину. Так, к примеру, ФСП аспектуальности, представляющее объект нашего исследования, тесно связано с ФСП темпоральности и таксиса.

Функционально-семантическое поле (ФСП) аспектуальности представляет собой одну из наиболее сложных и многоаспектных подсистем языка. *Аспектуальность* — функционально-семантическая макрокатегория, выражающая характер протекания действия во времени, его внутреннюю структуру, безотносительно к его временной отнесенности. В соответствии с концепцией А.В. Бондарко, ФСП аспектуальности базируется на семантическом инварианте — общекатегориальном значении внутренней временной структуры действия, его фазовой и количественной характеристиках; оно отличается сложной организацией, основанной на принципе иерархической стратификации элементов по степени их грамматикализации и функциональной нагрузки (см. [Бондарко 1987]).

Центральное положение в структуре ФСП аспектуальности занимает ядро, состоящее из наиболее грамматикализованных средств экспликации аспектуальных значений. В языках с развитой видовой системой, как, например, славянские языки и, в частности, русский, ядро поля аспектуальности формирует грамматическая категория вида с ее бинарной

оппозицией совершенного/несовершенного вида. Именно видовые противопоставления служат основным средством экспликации таких аспектуальных смыслов как *предельность/непредельность*, *результативность/длительность* и т.д. Между тем ядерные средства аспектуальности не сводятся исключительно к аспектуальным оппозициям; они охватывают также и другие грамматические показатели темпоральной характеристики действия [Плунгян 2000: 303].

Периферия ФСП аспектуальности отличается значительной разнородностью и включает в себя несколько уровней структурной организации. Ближняя периферия представлена способами глагольного действия (СД) – словообразовательными классами глаголов, выражающими различные фазы и модусы протекания процесса во времени (инхоативы, делимитативы, итеративы и др.). Именно СД образуют промежуточную зону между грамматическим видом и лексической семантикой глагола. Дальняя периферия включает разнообразные лексические и синтаксические средства выражения аспектуальных значений: темпоральные наречия (*долго, быстро, постоянно*), фазовые глаголы (*начать, продолжать, закончить*), конструкции с временными значениями, а также контекстуальные показатели.

«Иерархию основных аспектологических понятий можно представить в виде нисходящей линии по степени обобщенности: аспектуальность (межуровневое понятие) – вид (морфологическое понятие) – предельность – непредельность (лексико-грамматические разряды) – характеризованные и нехарактеризованные способы действия, которые ориентированы (особенно последние) на лексическую семантику глаголов, т. е. они лексикоцентричны» [Мурясов 2001: 89]. Особенностью дальней периферии ФСП аспектуальности является ее способность компенсировать отсутствие грамматикализированных средств в языках с менее развитой видовой системой.

ФСП аспектуальности демонстрирует высокую степень взаимопроницаемости с сопредельными функционально-семантическими

полями, прежде всего с полями темпоральности, таксиса и модальности. Важной типологической особенностью ФСП аспектуальности является вариативность его организации в разных языках. Так, если в русской языковой системе преобладает моноцентрическая структура с грамматической категорией вида в качестве системообразующего ядра, то в английском и турецком языках отмечается полицентрическая организация ФСП, когда аспектуальные значения распределяются между различными видо-временными формами, аналитическими конструкциями и лексическими показателями. Динамичность ФСП аспектуальности проявляется в непрерывном взаимодействии его элементов, в его способности к функциональной перестройке в зависимости от дискурсной ситуации и коммуникативных задач. Все перечисленное делает ФСП аспектуальности одной из наиболее гибких и адаптивных подсистем языка, отражающей сложность концептуализации временных характеристик действия в человеческом сознании.

Теория функционально-семантических полей (ФСП) предлагает единую функциональную основу для сопоставительного анализа аспектуальности в разноструктурных языках. Возникнув на стыке идей системности, функционализма и полевой модели, она позволяет преодолеть ограничения формально-структурных методов, что особенно актуально при сравнении языков с различной степенью грамматикализации аспектуальных значений. В отличие от традиционных подходов, теория ФСП фокусируется не на сравнении формальных средств, а на анализе функциональных соответствий, выявляя при этом как универсальные закономерности, так и специфику конкретного языка в репрезентации характера протекания действия. Данная теория представляет собой развитие и синтез полевых идей применительно к грамматическому уровню, обеспечивая системное описание языка через объединение разноуровневых средств, ориентированных на экспликацию единой семантической функции.

Отличительной чертой современного этапа развития теории ФСП

является активное проведение межъязыковых сопоставлений, а также учет экстралингвистических факторов, что позволяет получить комплексное представление о конкретной семантической категории в ее культурном и коммуникативном контексте. Эволюция теории функционально-семантических полей демонстрирует последовательное движение от анализа изолированных лексических групп к построению комплексной и многоаспектной лингвистической парадигмы, интегрирующей структурные, функциональные, когнитивные и социокультурные подходы к изучению языка. Принципиальной позицией теории ФСП является понятие функциональной эквивалентности, которое позволяет устанавливать соответствия между разноуровневыми средствами разных языков, выполняющими сходные семантические функции. Упомянутый принцип особенно важен для контрастивных исследований, так как он дает возможность сопоставлять языки с различным типологическим строем, выявляя не только формальные соответствия, но и функциональные аналоги.

Применение теории ФСП в сопоставительных исследованиях предполагает несколько последовательных этапов анализа. Первый этап включает в себя обнаружение всего спектра средств экспликации аспектуальности отдельно в каждом из сопоставляемых языков: от грамматических до контекстуальных. Второй этап заключается в определении места каждого из выявленных элементов в структуре ФСП (ядро/периферия) и установлении его семантических функций. Третий этап предполагает сопоставление функциональных секторов в разных языках и выявление зон эквивалентности и лакуарности. Ключевым преимуществом полевого подхода является его способность учитывать компенсаторные механизмы в языках с полицентрическим ядром ФСП аспектуальности. Так, например, в английском языке функции выражения аспектуальных значений распределяются между временными формами, фразовыми глаголами, лексическими показателями и другими периферийными средствами.

Методология полевого анализа позволяет также обнаруживать участки

пересечения различных функционально-семантических полей. Так, в частности, в перфектных формах, транслирующих актуальность последствий предыдущего действия для настоящего момента речи, поле аспектуальности тесно взаимодействует с полем темпоральности (временной локализованности). Такого рода зоны пересечения представляют особый интерес для сопоставительного анализа, поскольку могут существенно различаться в разных языковых системах.

Применение теории ФСП аспектуальности для сопоставительного анализа демонстрирует свою особую эффективность на материале языков, принадлежащих к разным типологическим классам. Например, при сравнении русской и английской языковых систем обнаруживаем существенные различия в способах грамматикализации аспектуальных значений. В славянских языках, к которым принадлежит и русский, доминирующую роль играет грамматическая (морфологическая) категория вида, образующая ядро ФСП аспектуальности, тогда как в германских языках, к которым принадлежит английский, границы между ядром и периферией ФСП аспектуальности размыты, так как видовые значения эксплицируются видовременными формами. Сопоставление аспектуальных систем в неродственных языках показывает, что языки могут обладать развитой системой экспликации аспектуальных значений, однако средства реализации этих последних будут существенно различаться.

Помимо сопоставительных разысканий, полевой подход имеет важное прикладное значение и для других областей лингвистики и смежных дисциплин. В лингводидактике полевой подход позволяет разрабатывать более эффективные методики преподавания теории аспектуальности в иноязычной аудитории, учитывая при этом как различия в структуре ФСП, так и границы функциональной эквивалентности родного и изучаемого языков. В теории и практике перевода понимание функциональных соответствий между аспектуальными системами разных языков помогает отыскивать адекватные переводческие решения, особенно в случаях

отсутствия прямых формальных соответствий. В компьютерной лингвистике теория ФСП может быть использована для разработки алгоритмов автоматического анализа и генерации текста, учитывающих аспектуальные значения.

Многочисленные исследования в этой области наглядно демонстрируют эффективность обозначенной методики при сопоставлении как родственных, так и неродственных языков, принося значительный вклад в развитие типологии, лингводидактики, теории перевода и компьютерной лингвистики. Дальнейшее развитие теории ФСП аспектуальности открывает новые горизонты для сопоставительных исследований, дает возможность более глубокого постижения языковых коллизий: универсальных и специфических особенностей каждого из сопоставляемых языков. Теория ФСП аспектуальности позволяет преодолевать при анализе эмпирического материала структурные различия между языками (в нашем случае осетинском, английском, турецком), обеспечивает единую функциональную основу для сравнения, фокусируясь при этом на семантических инвариантах, а не на формальных различиях.

Выводы к главе 1

Современная сопоставительная лингвистика – это не просто продукт эволюции, а движение от практического, «стихийного» сравнения языков к становлению сравнительно-сопоставительного метода анализа как строгой научной дисциплины. Это путь к смене научной парадигмы с системоцентрической на антропоцентрическую, фокусирующуюся на человеке как носителе языка и на его когнитивно-коммуникативной деятельности.

Сравнение языков ориентировано сегодня не на констатацию универсальных и дифференциальных черт, а на поиск глубинных причин межъязыкового варьирования, границы которого определяются

особенностями человеческого интеллекта и коммуникативной активности, то есть когнитивными способностями человека. Когниция является культурно обусловленной, так как многие языковые расхождения невозможно адекватно оценить без учета специфики мировосприятия, особенностей менталитета, национального характера, без обращения к культурным ценностям и социальному строю конкретного лингвокультурного единства.

Методологической основой современных сопоставительных исследований является не один конкретный метод, а гибкая система анализа, объединяющая структурный, функциональный, когнитивный и культурологический подходы к языковому материалу, подкрепленные современным инструментарием корпусной лингвистики и статистического анализа. Ключевым принципом сопоставительного анализа при этом становится функциональная эквивалентность, позволяющая сопоставлять разноуровневые средства разных языковых систем, осуществляющие сходные семантические функции, а центральной проблемой остается преодоление возникающей языковой асимметрии. Абсолютное тождество языковых единиц встречается крайне редко, а проекция категориальных сеток одного языка на другой часто приводит к всевозможным искажениям, что требует от исследователя, работающего с материалом разноструктурных языков, самого пристального внимания.

Теория функционально-семантических полей (ФСП) предлагает объективный и эффективный инструментарий для преодоления показанных методологических трудностей. Сфокусировавшись не на форме, а на семантической функции, теория ФСП позволяет выявить и сопоставить все средства языка (грамматические, лексические, лексико-синтаксические), объединенные общей семантикой, как в рамках одной языковой системы, так и при кросс-лингвистическом анализе, позволяющем постигнуть, как типологические параметры языковых систем влияют на когнитивные процессы и коммуникацию.

На примере ФСП аспектуальности можно проследить то, как полевой

подход позволяет системно описать процесс протекания действия во времени в языковых системах с разной структурной организацией. Ядерный компонент поля аспектуальности в одном языке, не являясь таковым в другом, может, однако, быть функционально компенсирован периферийными языковыми средствами, аналитическими конструкциями, семантикой глагольной лексики. Все сказанное делает теорию ФСП аспектуальности мощным инструментом для обнаружения универсальных закономерностей в концептуализации действительности и специфики её языкового воплощения.

Глава 2. Механизмы реализации функционально-семантической категории аспектуальности в разноструктурных языках: от системного описания к типологии

2.1. Специфика репрезентации глагольного вида в современном английском языке

С позиций типологической лингвистики современный английский язык представляет собой классический пример языковой системы аналитического строя. Грамматические значения, в том числе и аспектуальные, которые представляют собой предмет настоящего исследования, эксплицируются в большей степени не за счет изменения формы слова (флексий), как это происходит в синтетических языках, а посредством временных форм, вспомогательных языковых элементов и фиксированного порядка расположения слов в высказывании. Обозначенная специфика английского языка открывает уникальные возможности для трансляции филигранных смыслов, связанных с характером протекания действия. Одним из ключевых инструментов грамматического устройства английского языка выступают вспомогательные и модальные глаголы, предлоги, артикли. Именно эти перечисленные языковые элементы и берут на себя функцию маркировки грамматических отношений. Аспектуальность, то есть характер протекания действия во времени (*длительность, завершенность, результативность, повторяемость* и т.д.) эксплицируется через комплексное взаимодействие нескольких языковых уровней.

Аспектуальная система современного английского языка многоуровневая и самобытна. Это полицентрическая структура, где главную роль играют грамматические оппозиции глагольных форм, которые в сочетании с лексикой и прагматикой создают сложную сеть значений.

При исследовании аспектуального пространства английской лингвокультуры, важно понимать, что воззрения ученых на *вид* как грамматическую категорию, на способы глагольного действия (СД) и на их взаимоотношения существенно разнятся. Одни лингвисты считают, что в

английском языке нерационально выделять *вид* в самостоятельную грамматическую категорию, в силу того, что категория вида исчезла из языка на определенном историческом этапе его развития. А место *вида* заняла разветвленная система видовременных глагольных форм, так как всякое аспектуальное значение неизбежно «сопряжено с указанием на отрезок времени, в котором протекает действие и, соответственно, выражено в рамках времени» [Иванова 1981: 53].

И.Г. Кошечкина также интерпретирует глагольный вид как видовременную грамматическую категорию, представленную оппозицией перфективности/имперфективности, в основе формирования которой лежит значение достигнутой /недостигнутой действительности предела [Кошечкина 1982: 146]. Автономных аспектуальных форм вне временных границ в английской языковой культуре не существует. «Имеющиеся формы длительного и перфектного вида неразрывно связаны с выражением категории времени, а потому не могут рассматриваться как чисто морфологические показатели грамматического вида» [Лаврова 2018:118–123]. Отличительной особенностью английских аспектуальных форм является сопряженность последних с временным отрезком, в границах которого конструируется искомое глагольное действие [Аракин 1989:78–79]. На тесную взаимосвязь времени и вида в английском языке указывают многие лингвисты. Среди них В.Н. Жигадло и Г. Суит. В.Н. Жигадло, в частности, отмечает, что если *вид* транслирует способ и характер протекания действия во времени, то и рассматриваться он должен как составная часть единой видовременной системы [Жигадло 1956: 92].

Между тем, некоторым исследователям *аспект* представляется самостоятельной категориальной единицей, хотя при этом статус и аспектуальный потенциал отдельных временных форм трактуется ими неоднозначно. Концепция Л.С. Бархударова по обозначенному вопросу строится на понимании того, что *вид* в английском языке это – противопоставление *недлительного (общего)* /*длительного* действий. И если

форма длительного вида акцентирует внимание реципиента на течении и развитии процесса, то общий вид демонстрирует сам факт совершения действия [Бархударов 1975: 150]. В концепции А.А. Ривлиной вид в английском языке (равно как и время) представляет собой систему двух категорий: категории развития (*the aspective category of development*) и категории ретроспективной координации (*the category of retrospective coordination*). Категория развития строится на противопоставлении продолженных и непродолженных глагольных форм, а категория ретроспективной координации — на оппозиции перфектных и неперфектных форм. По мнению исследователя, эти категории взаимосвязаны: любое действие сначала осмысливается как развивающееся или неразвивающееся, и лишь затем — как ретроспективно соотнесённое или несоотнесённое с другим действием или временным пределом [Ривлина 2009 <https://studfile.net/preview/13717163/>].

Концепция известного американского лингвиста Р. Картера строится на осознании того, что в рамках категории вида следует дифференцировать *продолженный (progressive aspect)* и *неперфектный (perfect aspect)* вид [Carter 2007: 218]. Аналогичной точки зрения придерживаются Р.А. Клоуз [Close 1979: 241] и Р. Кверк [Quirk 1982: 41], а также С. Гринбаум, Дж. Лич, Я. Свартвик. В славянских языках (и, в частности, в русском), имеющих развитую аспектуальную систему *вид* является облигаторной и регулярной грамматической категорией, а аспектуальные пары могут формироваться глагольными лексемами совершенного/несовершенного вида (СВ/НСВ) с одинаковым лексическим значением. В английском языке глагольные лексемы общего и длительного вида не способны образовывать подобные оппозиции, так как каждый глагол английского языка, за немногими исключениями, может принимать как форму общего, так и форму длительного вида.

Сторонники признания вида самостоятельной грамматической категорией сталкиваются с отсутствием консенсуса в трактовке статуса

отдельных аспектуальных форм. Наибольшие разногласия вызывает статус английского перфекта. Мнения исследователей по обозначенной проблематике расходятся в большей или меньшей степени. Б.А. Ильиш, например, трактует перфект как отдельную аспектуальную единицу, отмечая при этом, что вид и время – это разные грамматические категории, которые, однако, безусловно, взаимосвязаны [Ильиш 1971: 90]. М.А. Ганшина и Н.М. Василевская считают перфект частью временной системы [Ганшина 1958: 127]. А.И. Смирницкий впервые в отечественной англистике выделил перфект в особую категорию глагола, тесно связанную с категориями времени и вида, однако имеющую свой особый статус в системе глагольных категорий. Ученый назвал ее категорией временной отнесенности¹ [Смирницкий 1959: 274–316]. Говоря о категории вида английского глагола, А.И. Смирницкий выделял две формы его проявления: *длительный/недлительный вид* [Смирницкий 2009: 15–29].

Грамматическое значение перфекта включает в себя два тесно связанных между собой компонента: предшествование и корреляцию с другим действием или моментом времени – настоящим, прошедшим или будущим. Так же, как категории времени и вида, она носит сугубо антропоцентрический характер, воссоздавая говорящим лицом интерпретацию характера взаимоотношений между действиями, о которых идет речь. Так, ключевое различие между формами *Present Perfect* и *Past Indefinite*, которое также эксплицирует предшествование действия моменту речи, заключается в том, что, используя *Present Perfect*, говорящий акцентирует внимание реципиента на особую значимость прошлого действия для настоящего времени, устанавливая тем самым причинно-следственную связь между событиями [Козлова 2019: 113].

Принципиальное различие между категорией таксиса в русском языке и категорией временной соотнесенности английского языка состоит в том,

¹ По мнению Б. А. Ильиша, более точным представляется термин «временная соотнесенность» (см.: [Ильиш 1971: 92]).

что категория временной соотнесенности является морфологической категорией, имеющей специальные грамматические формы её экспликации, таксистные же значения не имеют специальных морфологических форм и передаются синтаксически, где «доминируют синтагматические отношения» (см.: [Бондарко 2001: 105]).

Настоящее исследование базируется на понимании того, что ядром функционально–семантического поля (ФСП) аспектуальности английского языка является оппозиция видо-временных форм *Simple/Continuous*. При этом важно отметить, что не все английские глагольные лексемы способны свободно сочетаться с обеими обозначенными грамматическими формами. Это ограничение затрагивает в первую очередь стативные глаголы, которые не употребляются в длительной форме, так как описывают не действие как таковое, а состояние. В то же время, многие из этих глаголов могут все же использоваться в форме *Continuous*. Непременным условием такого употребления становится трансформация их лексического значения. Что касается динамических глаголов, обозначающих кратковременные процессы, то они сами по себе подразумевают незавершенное действие и настолько сильно тяготеют к значению «процесс», что в настоящем времени почти всегда используются в длительной форме, как, например, в высказывании: *It's raining (Идёт дождь)*.

Таким образом, грань между действием и состоянием не является абсолютной. Возможность употребления глаголов в продолженном *виде* регулируется не грамматической установкой, а семантикой глагольной лексемы и дискурсной ситуацией в целом. Ключевым становится то обстоятельство, хотим ли мы представить действие как активный процесс, как временное состояние или просто как факт. Все перечисленные условия влекут за собой, безусловно, определенный семантический сдвиг. Грань между действием и состоянием – это не лингвистический барьер, а гибкий инструмент, позволяющий говорящему лицу передавать тончайшие нюансы мысли.

Морфологическая категория вида неразрывно связана с лексико-синтаксической категорией способов глагольного действия (СД), под которыми понимаются «различные типы семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами (приставками, суффиксами или их комбинацией)» [Зализняк 2000: 104]. А поскольку английская языковая система является преимущественно аналитической (в отличие от русской и осетинской), она не располагает развитой системой морфологических средств языка для экспликации различных СД. Функцию словообразовательных формантов берут на себя аналитические конструкции.

Из всех ключевых понятий аспектологической науки СД представляются наиболее субъективной грамматической категорией.² Несмотря на богатую историю изучения СД как в нашей стране, так и за рубежом, единой классификации СД не существует. В научной литературе можно найти диаметрально противоположные воззрения на то, являются ли СД категорией чисто семантической, словообразовательной или лексико-грамматической. Не совсем понятно, какие критерии должны быть положены в основу обособления СД и их классификации, какие средства используются тем или иным языком для экспликации СД и т.д. В качестве основания такого рода систематизации могут выступать различные аспекты протекания действия: *фазовость и линейность, одноактность и многократность, постепенность и мгновенность, интенсивность и ограниченность, смягченность действия, распространенность* действия на один, два или на множество субъектов или объектов и т.д.

В целом понимание вида в глагольной системе английского языка сводится к двум основным истолкованиям: грамматическому и семантическому. Сторонники семантического подхода исследуют *вид*,

² В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. От 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней"), в Главе 1 использованы материалы статьи: Такоева, Т. А. Специфика репрезентации глагольного вида в современном английском языке / Т. А. Такоева // Вестник научных конференций. – 2016. – № 4–4(8). – С. 94–97. – EDN VYUNZV.

исходя из аспектуальной окраски, присущей конкретному глаголу. Так, в частности, целый ряд зарубежных лингвистов (среди них А. Кеннеди, Дж. Керм, Э. Крейзинга, Г. Поутсма) причисляют к категории вида семантический потенциал глагольной лексики: указание на начало, конец, повторяемость действия и т.д. Согласно представленной концепции, в английском языке существует множество видов, при этом одна и та же глагольная форма может быть отнесена к разным видам. А. Кеннеди, например, дифференцирует *повторяющийся* (*iterative*), *начинательный* (*ingressive*), *результативный* (*effective*), *завершенный* (*terminate*) и *продолженный* (*durative*) виды [Kennedy 1935: 303–304]. Дж. Керм выделяет предельный вид (*terminate aspect* – действие как факт), продолженный вид (*progressive aspect* – действие в развитии), а также аспектуальное значение точечного действия (*point-action aspect* – начало либо окончание процесса). В рамках последнего исследователь предлагает отличать *ингрессивный* вид, формулирующий начало действия, и *эффективный* вид, делающий акцент на окончании процесса и достигнутый результат [Curme 1966: 55].

Безусловно, исследование функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности английского языка невозможно без учета тех взаимосвязей, которые складываются между *видом* как грамматической категорией и аспектуальным потенциалом конкретной глагольной лексики. Деление глаголов по аспектологическим классам в английской лингвокультуре общепринято. Предельные глаголы³ (например: *to come, to build, to kill*) обозначают действие, подразумевающее конечную цель, определенный предел, после которого процесс не может продолжаться. В значение такого рода глаголов уже на уровне системы как бы встроен недлительный аспектуальный характер. Основным же характерологическим признаком неопредельных глагольных лексем является отсутствие такого рода ограничений (например: *to live, to sleep, to hope*). В отдельную группу следует

³ В лингвистической литературе их называют неодинаково: терминативные, результативные, глаголы достижения или свершения, телические глаголы (*telic verbs*).

выделить так называемые бинарные глаголы, аспектуальная установка которых формируется исключительно в пределах конкретной дискурсной ситуации.

В своем основополагающем исследовании «Глаголы и времена» З. Вендлер разработал семантическую классификацию глагольных предикатов, ставшую краеугольным камнем современной аспектологической науки. Ученый выделил четыре фундаментальных типа событий, различающихся по характеру протекания действия и по его внутренней временной структуре. К первому типу относятся состояния (*states*), которые описывают статические отношения, такие как *to know* или *to love*, и которые принципиально не могут сочетаться с предложными дополнениями. Вторую группу представляют действия или деятельности (*activities*) типа *to run* или *to drive*. Речь идет о процессах, не имеющих внутреннего предела и не предполагающих логического завершения. Особый класс составляют совершения (*accomplishments*), охватывающие лексемы типа *to paint a picture* или *to build a house*, которые подразумевают целенаправленную деятельность, ведущую к созданию конкретного материального результата. И наконец, последняя разновидность глагольных предикатов – достижения (*achievements*), представленные такими глагольными лексемами, как *recognize* или *notice*, обозначающими моментальные изменения состояния, результатом которых становится не материальный продукт, а когнитивное открытие или «инсайт» (см.: [Vendler 1957: 143–160]).

Приведенная классификация, получившая в лингвистической литературе название акциональных или таксономических категорий, впоследствии была существенно дополнена и детализирована. Кроме того, обозначенная систематизация была применена для других языковых систем. Так, в частности, Ю.С. Маслов предложил для русского языка более подробную идеографическую рубрикацию внутри вендлеровских классов, выделив такие подгруппы, как перформативы (например: *советовать/посоветовать*), глаголы поведения (например: *баловаться, дурачиться*) и глаголы

положения (например: *стоять, висеть, сидеть*). Концепция Ю.С. Маслова получила дальнейшее развитие в исследованиях Анны Вежбицкой, которая не создала новую таксономию аспектуальных классов, а лишь углубила существующие подходы, раскладывая традиционные категории (*состояния, действия, события*) на элементарные смыслы. В основе её методики лежит теория *семантических примитивов* – гипотетического набора неопределяемых универсальных единиц, образующих естественный семантический метаязык (Natural Semantic Metalanguage) (см.: [Вежбицкая 1996: 9-12]).

Именно с помощью этого метаязыка можно объяснить, почему одна и та же глагольная лексема ведёт себя по-разному в неодинаковых контекстах. Сравним:

He remembered doing it – Он помнил, что делал это;

He remembered to do it – Он не забыл сделать это [Вежбицкая 1988: 23].

Один и тот же глагол *to remember*, как видим, реализует в приведенных ситуациях разные, но системно связанные значения. Грамматическая форма обуславливается намерением говорящего, т.е. намерение диктует предпочтение. Каждое из значений имеет уникальную смысловую структуру, которая может быть представлена в виде точной формулы, состоящей из семантических примитивов. Представляется, что это и есть практическая демонстрация того, как поликатегориальность глагола (его способность выступать в разных смысловых ролях) материализуется в грамматике через выбор разных компонентов. Грамматика поневоле становится видимым следствием невидимой семантической структуры. Концепция А. Вежбицкой предоставляет исследователям тот семантический фундамент, на котором могут быть выстроены новые классификации. Методология, предложенная А. Вежбицкой, не является чисто грамматической: она сохраняет связь с лексической семантикой глагола и отображает сложное взаимодействие семантических и грамматических факторов в образовании аспектуальных значений.

Обзор научной литературы показывает, что, несмотря на непрекращающуюся полемику о многослойных компонентах, формирующих семантическую структуру ФСП аспектуальности, единой общепринятой классификации поля аспектуальности английского языка в настоящее время не существует. Теоретическое разграничение лексического и грамматического уровней аспектуальности было впервые последовательно проведено в работе Ю.С. Маслова «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» (см.: [Маслов 1948]). Независимо от Ю.С. Маслова, аналогичная классификация глагольных предикатов по их темпоральным признакам, заложившая основы современного понимания лексического аспекта, была разработана З. Вендлером (см.: [Вендлер 1957]). Знаковым этапом в терминологическом и концептуальном оформлении разграничения лексического и грамматического уровней аспектуальности стало исследование Б. Комри «Aspect», где понятия грамматического вида (Aspect) и лексического аспекта (Aktionsart) были четко дифференцированы. Теория Б. Комри способствовала унификации терминологического аппарата категории аспектуальности в пределах общей лингвистики (см.: [Комри 1976]).

Очередной попыткой предложить универсальный описательный аппарат стала двухкомпонентная теория аспекта Карлоты С. Смит, представляющая собой системный подход к анализу временной организации высказывания. Концепция ученого постулирует существование двух самостоятельных, но взаимодействующих уровней репрезентации глагольного действия. Развивая идеи своих предшественников, Карлота Смит в своей работе «The Parameter of Aspect» (см.: [Smith 1997]) предложила двухкомпонентную теорию аспектуальности («Two-component theory of aspect»). В рамках отмеченной концепции следует выделять две обязательные составляющие: лексический *аспект*, обозначенный исследователем как *Situation Type/Situation Aspect* (видовая характеристика ситуации), и грамматический *аспект*, отмеченный как *Viewpoint Aspect*

(аспектуальная перспектива). Лексический аспект формируется посредством лексической семантики глагола и его актантов, грамматический – представлен грамматической категорией, эксплицирующей технологию представления ситуации (*Perfective/Imperfective/Neutral*).

Таким образом, в рамках двухкомпонентной теории аспектuality, предложенной К. Смит, дифференцируются *Situation Type* (аспект ситуации, или тип ситуации), определяющий внутреннюю темпоральную структуру предикации, и *Viewpoint Aspect* (аспектуальная перспектива), отражающая способ репрезентации ситуации говорящим лицом. Существенным уточнением, предложенным К. Смит, стало положение о том, что тип ситуации (*Situation Aspect*) определяется не только семантикой глагола, но и особенностями всей глагольной группы (предикации) в целом. Согласно концепции К. Смит, аспектuality семантика любого высказывания формируется посредством пересечения *типа ситуации* (*Situation Aspect*) и ее *аспектуальной перспективы* (*Viewpoint Aspect*). Тип ситуации категоризирует внутреннюю темпоральную структуру действия через систему таких признаков, как *динамичность*, *предельность*, *длительность* и т. д.

Сказанное позволяет выделить пять базовых разновидностей ситуаций: а) ситуации *состояния* (статические, неменяющиеся ситуации); б) ситуации *активности* (процессы без внутреннего предела); в) ситуации *свершения* (процессы, направленные на результат); г) ситуации *достижения* (мгновенные изменения состояния) и д) *семельфактивы* (одномоментные действия без результата). Существенно то, что разновидность ситуации обуславливается не семантикой изолированного глагола, а всей глагольной констелляцией, т. е. комплексом, включающим в себя предикат и его актанты (функциональные синтаксические единицы). Аспектuality перспектива (*Viewpoint Aspect*) относится к грамматическому уровню и воспроизводит предпочтения говорящего для воссоздания объективной картины процессного действия.

Согласно теории Карлоты С. Смит, целесообразно выделить три основные разновидности такого рода ситуаций: а) *перфективный тип* (ситуация представлена как целостный завершённый отрезок с отчетливыми временными границами); б) *имперфективный тип* (ситуация показана как внутренняя фаза действия без указания на начальную или финальную точку); в) *нейтральный тип*, который не выражает никакой отчетливой перспективы. Последний приведенный тип ситуаций присущ языкам со слабой грамматикализацией *вида*, когда для уяснения аспектуального значения недостаточно иметь сведения о самой глагольной лексеме (объективный тип ситуации) или же знать только грамматическую форму, в которую облекается глагол (субъективная точка зрения). Полную семантическую интерпретацию высказывания мы получаем лишь при наложении *аспектуальной перспективы* действия на выбранный тип ситуации (см.: [Смит 1991, 1997]). Новизна теории Карлоты С. Смит заключается в утверждении о композиционной природе аспектуального значения. Обозначенная концепция предоставляет инструмент, позволяющий системно описывать и сравнивать аспектуальные системы любых языков независимо от их грамматического строя.

Английский язык в силу своего аналитического устройства (как, впрочем, и другие естественные языки той же типологической модели) для экспликации тех или иных аспектуальных смыслов и для уточнения характера протекания действия прибегает к внеглагольным средствам языка, в частности, к грамматическим маркерам времени и частотности [Калабекова 1985: 5]. Так, семантический признак *предельности/непредельности* глагольного действия раскрывается в английском языке через его сочетаемость с временными обстоятельствами. Ключевым диагностическим критерием здесь служит тип используемого временного показателя. К примеру, грамматические форманты, указывающие на срок завершения действия типа *in a week, in two days, in three months* и др., маркируют глагольную структуру как предельную, тогда как обстоятельства

длительности типа *for three days, for two hours* и др. указывают на неопределенный характер процесса.

Особый интерес представляют английские глагольные лексемы, которые по своей семантической наполненности являются неопределенными. Дело в том, что глаголы такого рода демонстрируют способность сочетаться с обоими типами временных обстоятельств, а при их отсутствии сохраняют аспектуальную амбивалентность. Такая же амбивалентность сохраняется и при добавлении временных обстоятельств. Например:

*For seven days and nights they **rode**, and on the eighth day came to the Kirmiz steppe [TN: 458]. Семь дней и семь ночей ехали они, на восьмой день добрались до степей Кирмыза [CH: 389]);*

*Meanwhile Asamazh **rode through** the Black Ravine, climbed the pass, looked all round, and in a nearby ravine he saw something wonderful [TN: 457]. – Тем временем Ацамаз проехал по Черному ущелью, поднялся на перевал, огляделся по сторонам и в соседнем ущелье увидел нечто удивительное.⁴*

В первом высказывании акцент делается на длительность действия, а во втором – на его завершенность. Хотя, по сути, в обоих контекстах употребляется одна и та же глагольная форма *rode*. Упомянутая особенность английской глагольной системы говорит в пользу особой значимости контекстуальных факторов при интерпретации видовых значений [Лаврова 2018: 118-123]. Следует заметить, что роль контекстной ситуации для экспликации аспектуальных значений в английском языке существенно больше, чем в русском [Нерушева 2019: 237-250].

В формировании аспектуальных смыслов особая роль в английском языке отводится фразовым глаголам и идиомам, которые способны расширить границы возможностей грамматических структур. Например:

*Finally, they **thought up** a plan, and called the leader of their Council to come to the Nart meeting place, and there they said to him, “We beg you, our respected leader, to find yourself a wife! [TN: 517]. – Наконец они придумали*

⁴ Здесь и далее, если не указан источник, перевод выполнен автором диссертации.

план, позвали своего главу на них и сказали: просим тебя, наш уважаемый предводитель, найди себе жену!

В данном отрывке текста наречие *finally* выполняет дискурсивно-темпоральную функцию: маркирует событие как заключительное в ряду предшествующих. Аспектуальное значение завершённости транслируется фразовым глаголом *thought up*, послелог придаёт глаголу *think* результативное значение. И как следствие фразовый глагол *think up* расширяет свои потенциальные аспектуальные возможности.

Расширить границы возможностей грамматических структур способна и квантификация объекта:

*Akhshar went on to slay **all** his Bisenag opponents, to the last one* [TN: 84].
– *Ахсар принялся уничтожать быценагов, всех до последнего.*

Количественная характеристика объекта *all his Bisenag opponents* создаёт семантическую множественность ситуации, действие распадается на ряд однотипных актов. В результате отрезок получает комплетивное аспектуальное прочтение. Иначе говоря, действие не просто завершено, оно исчерпывающе охватывает всех участников.

В качестве примера, в котором задействовано идиоматическое выражение, можно привести следующий контекст:

*Soon the night descended, and all grew dark and cold. The Narts then stopped and pitched their tents for the night, and Urizhmag said, “You young Narts **set about catching** something to set before it gets quite dark* [TN: 321] – *А тут как раз настала холодная ночь. Остановились нарты на ночевку. И сказал Урызмаг нартским юношам: Займитесь-ка охотой, молодежь. Может, пошлет нам что-нибудь Афсати, чтобы мы могли утолить свой голод* [СН: 266], где фразеологическая единица *to set about doing something* (приступить к чему-либо, начать делать что-либо (часто с энтузиазмом или решительностью)), семантически включает в себя значение начала и незамедлительного перехода к самой деятельности благодаря форманту *set about*.

Весь проведенный анализ говорит в пользу того, что для экспликации аспектуальных смыслов английская языковая система задействует все языковые уровни: *морфологический, лексический, лексико-синтаксический*. При этом финальная интерпретация процессного действия зачастую зависит от совокупности всех упомянутых факторов, а также от прагматических намерений говорящего. Все перечисленные составляющие формируют гибкую и контекстно-зависимую систему экспликации аспектуальных значений, когда одна и та же грамматическая структура способна транслировать разные смысловые нюансы, а схожие аспектуальные значения могут выражаться разными языковыми схемами. Английская языковая система демонстрирует ярко выраженную зависимость от контекстуальных факторов, что придает особую значимость прагматическому уровню высказывания при интерпретации видовых значений.

2.2. Аспектуальные критерии турецкого глагола

Несмотря на давние традиции в изучении турецкого языка в целом и его грамматической системы, в частности [Jendraschek 2011: 245–270], функционально-семантическая категория аспектуальности турецкого глагола по-прежнему остается предметом непрекращающихся дискуссий и требует самого пристального внимания со стороны специалистов-аспектологов.

В тюркологической литературе существует разный подход к тому, что представляет собой аспектуальная система турецкого языка. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно организации функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности, а также аспектуального статуса многих глагольных форм. Специфика агглютинативного строя турецкого языка объективно обуславливает подобные расхождения, связанные прежде всего со структурой его глагольной системы.

Аспектуальность, определяемая как «характер протекания и распределения действия во времени» [Пешковский 2001: 105] или как

«внутренняя характеристика протекания и распределения действия во времени» [Бондарко 1987: 40–41], по мнению целого ряда лингвистов, является категорией даже более универсальной, чем категория времени. При этом обе обозначенные грамматические категории находятся в самой тесной взаимосвязи. В силу сказанного методология исследования грамматической категории аспектуальности, находящей свою ближайшую языковую реализацию в спрягаемых глагольных формах, изначально должна учитывать темпоральную семантику, неотъемлемо присущую такого рода формам [Калабекова 2012: 195].

Временная форма представляет собой темпорально-аспектуальный комплекс, несущий в себе одновременно как указание на время, так и на характер протекания действия. При этом, как отмечает известный советский тюрколог А.Н. Кононов, «корневая морфема турецкого глагола сама по себе лишена видовой характеристики» [Кононов 1956: 207]. Аспектуальное значение проявляется не на уровне лексики, а на уровне грамматической формы, так как одна и та же глагольная основа может быть задействована для экспликации самых разных аспектуальных смыслов. Определяющим звеном в таких случаях становятся такие грамматические параметры, как время, наклонение, а также сама аналитическая конструкция, в пределах которой транслируется глагольная лексема. Различия аспектуального порядка, такие как *итеративность* или *длительность*, обнаруживаются в турецкой лингвосистеме лишь при сопоставительном анализе парных форм. Так, в частности, семантически нейтральной глагольной лексеме *okumak* (*читать*) может быть противопоставлена аналитическая конструкция *okuur durmak*, предназначенная для экспликации прерывистой, регулярной длительности действия (*почитывать*), где аспектуальные параметры протекания процесса (*регулярная, прерывистая длительность*) грамматизируются посредством аналитической конструкции «деепричастие на *-(y)ip* + вспомогательный глагол *durmak*». В обозначенном синтезе глагол *durmak* (*останавливаться, стоять*) утрачивает свое основное значение, полностью грамматизируется

и переходит из разряда глагольных лексем в разряд аспектуальных маркеров. Он трансформирует смысловой глагол, сообщая ему значение длительного, многократно повторяющегося действия. Сказанное подтверждает целый ряд примеров. Приведем некоторые из них:

1. *Evde bir çocuk oynayıp **duruyordu*** [NOHD: 44]. – В доме играл ребенок, где действие трактуется как длительный процесс;

2. *Ok ve yayla oynayabilecek kadar büyüdüklerinde bu oyunu **oynamak** için bir gün sokağa çıktılar* [NOHD: 33]. – Когда стали они достаточно взрослыми, чтобы играть в лук и стрелы, вышли они однажды на улицу, чтобы сыграть в эту игру, где основа глагола *oynamak* аспектуально нейтральна. Она лишь называет действие, а видовое значение целостного вербального акта ему сообщает когнитивно-коммуникативная ситуация в целом.

Аспектуальная система турецкого языка представляет собой функционально-семантическую категорию (ФСК), организованную по полевому принципу. При этом принято считать, что поле аспектуальности представляет собой универсальное единство. Основными компонентами структуры любого функционально-семантического поля (ФСП) являются ядро и периферия.⁵ В качестве ядра ФСП аспектуальности выступает грамматическая (морфологическая) категория вида. Периферия представлена лексическими, лексико-синтаксическими, а также морфологическими составляющими с разной степенью соотнесенности.

Вопрос о статусе видовой категории в турецком языке сохраняет свою дискуссионность и сегодня. В рамках её осмысления, ученые-аспектологи проводят основополагающее разграничение между грамматическим *видом* (*aspect*), отражающим характер протекания действия в субъективном восприятии говорящего, и лексико-грамматическими *способами глагольного действия* (*Aktionsart*), транслирующими объективную характеристику процесса посредством таких аспектуальных значений, как *длительность*,

⁵ О структуре ФСП аспектуальности см. параграф 1.2.

прерывистость, стремительность [Маслов 1962: 36].

Акционал турецкого глагола, по определению П.И. Кузнецова, формирует самостоятельный пласт и не входит в систему собственно грамматического функционала [Кузнецов 1982: 51]. Обе упомянутые парадигмы – *вид* и *способы глагольного действия* – в своей совокупности образуют смысловое ядро более широкой грамматической категории – *категории аспектуальности*. Значимыми носителями как чисто видовых, так и акциональных значений выступают также и сложные глагольные формы (*перифрастические* или *аналитические*), которые реализуют общие функционально-семантические связи (см.: [Михайлов 1965; Юлдашев 1965; Насилов 1989]).

Для более полного понимания сути полемики, развернувшейся вокруг обозначенной проблематики, целесообразно обратиться к историографии вопроса. Следует отметить, что на протяжении значительного периода времени в тюркологическом языкознании господствовала скептическая позиция, отрицающая наличие в турецком языке грамматической категории вида как самостоятельной морфологической единицы. Так, в частности, Н.А. Баскаков и Б.А. Серебренников рассматривали аспектуальные значения турецкого глагола преимущественно как явление лексико-словообразовательного или синтаксического уровня, при этом исследователи отрицали категорию вида как облигаторную морфологическую категорию турецкой глагольной системы. Н.А. Баскаков, например, трактует любые глагольные действия, имеющие место в турецком языке, как непреложно обладающие аспектуальным значением, однако при этом саму категорию вида ученый причисляет к области лексического словообразования. Согласно концепции ученого, *вид* объективно характеризует действие, указывая на характер протекания процесса вне зависимости от действующего лица [Баскаков 1952: 306-308; 352-386]. Несколько иное понимание категории вида турецкого глагола встречаем у тех исследователей, которые признают существование вида в тюркских языках (и, в частности, в турецком), однако

обращают внимание на характерность его формальных показателей, не имеющих ничего общего со славянской аспектуальной системой, в которой видовая категория проявляется достаточно четко и интенсивно. В.А. Богородицкий в этой связи отмечает, что при смысловой общности глагольных категорий способ их экспликации в агглютинативных языках является сугубо специфическим и реализуется преимущественно посредством аффиксов и вспомогательных глаголов [Богородицкий 1953: 170-171]. А.Н. Кононов воспринимает категорию вида турецкого глагола более широко, а именно – как совокупность глагольных форм, интегрирующих лексические, морфологические и синтаксические характеристики действия, куда входят признаки протекания процесса, такие как *повторяемость, длительность, мгновенность* и фазовые особенности, среди которых: *результативность, завершенность, намерение* [Кононов 1956: 206-208]. Исследователь делает вывод о том, что турецкий глагол формирует собственные, зачастую более разнообразные, чем в славянских языках, аспектуальные корреляции.

Известный специалист в области сравнительно-исторического языкознания, Б.А. Серебренников, предлагает чётко сформулированную классификацию «видовых образований», выделяя потенциальные общетаксономические «собственно виды» и частные «видовые классы» лексического порядка. Б. А. Серебренников – сторонник принципиального дифференцирования «видового значения» и грамматической категории вида, так как, по мнению исследователя, в турецкой языковой системе отсутствуют «собственно виды» как обязательная системообразующая категория. Что касается глагольно-аналитических конструкций с деепричастиями, то они, хотя и транслируют аспектуальные значения завершенности или длительности процесса, все же не образуют грамматической категории в силу облигаторного присутствия в высказывании дополнительных семантических компонентов для экспликации тех или иных аспектуальных смыслов [Серебренников 1960: 24-30].

Важно отметить, что даже среди исследователей, признающих наличие в турецком языке грамматической категории вида, отсутствует консенсус относительно способа ее организации. Остаются все еще дискуссионными вопросы интерпретации видовременного устройства, системы оппозиций, а также статуса смежных лексико-грамматических категорий. Это же относится и к толкованию способов глагольного действия (СД), категории предельности/непредельности и роли аспектологического контекста. L. Johanson, например, справедливо предлагает не смешивать *вид* со *способами глагольного действия*. Видовая категория рассматривается ученым как ключевая глагольная категория, а центральным объектом аспектологического анализа становятся аффиксальные сегменты, присоединяемые к корневой основе для образования финитных форм [Johanson 1971:19].

Согласно П.И. Кузнецову, в турецком языке нет единой категории вида, которая бы пронизывала всю систему глагола. Вместе с тем, исследователь указывает на то обстоятельство, что различия между настоящими⁶ и собственно прошедшими временами носят видовой, а не темпоральный характер [Кузнецов 1982: 7]. П.И. Кузнецов предлагает подробную таксономию, согласно которой аспектуальные образования подразделяются на *виды, подвиды, подсистемы, разряды, классы* и *аспекты*. При этом термин «видовой» ученым используется в значении *акционсарт* [Кузнецов 1975: 71]. В противовес представленной концепции, согласно уже упомянутой теории Б.А. Серебренникова, сочетания глагольных лексем со вспомогательными элементами квалифицируются лишь как «видовые классы», обладающие аспектуальной семантикой, но не формирующие при

⁶ Турецкая временная парадигма представляет собой инструментарий, содержащий, по мнению В.Г. Гузева, не менее двадцати темпоральных форм. Содержание значения некоторых из них является достаточно сложным, поскольку включает в себя не только темпоральные, но и аспектуальные, модальные или интервальные семы. Так, в системе настоящих времен индикатива В.Г. Гузев выделяет «настоящее данного момента» с аффиксом *-(I)yor*, настоящее-будущее с морфемой *-(A)r/-mAz* – так называемый аорист (*geniş zaman*), который эксплицирует привычные действия и общие события, настоящее длительное с морфемой *-mAktA*, а также словоформу с морфемой *-mAđA* [Гузев 2009: 116].

этом грамматической категории вида [Серебренников 1960: 23–26]. Представляется, что принципиальное различие между облигаторной морфологической категорией вида и лексико-синтаксической категорией СД сводится к широте охвата глагольной системы.

В.Г. Гузев, стремясь обозначить системные закономерности и ядерную позицию в сложно организованном ФСП аспектуальности турецкого языка, «в качестве ядерных видовых форм выделяет два сложных глагольных образования, которые, по мнению исследователя, могут рассматриваться как носители собственно аспектуальных значений». Речь идет о 1) *-miş ol /-miş bulun* и 2) *-makta ol- / -makta bulun-* и *(i)yor ol /-(i)yor bulun* [Гузев 2015: 145–151].⁷ Первая модель (*-miş ol/-miş bulun*) функционирует как показатель послепредельного (посттерминального) вида, приближаясь по семантике к совершенному виду русского глагола. Это подтверждается многочисленными примерами, в том числе следующими:

1. *Akrabalarım ve köylülerim benim hayatta ve rehin alınmış olduğumu öğrenirlerse beni kurtarmak için hiç bir şey esirgemezler* [NOHD: 60] – *Если семья моя и односельчане узнают, что я жив и взят в плен, то ничего не пожалеют они, чтоб освободить меня;*

2. *Nartlar, sürülerinin eksiksiz ve iyi beslenmiş olarak geri döndüğünü görünce çok mutlu oldular ve Soslan onların gözündə daha da büyüdü* [NOHD: 90]. – *Когда увидели Нарты, что скот их весь цел и хорошо откормлен, очень обрадовались они и стали еще больше уважать Сослана...*[CH: 153–154].

Вторая комбинация (*makta ol / -makta bulun* и *-(i)yor ol / -(i)yor bulun-*) транслирует интратерминальное значение, описывая действие, представленное корневой основой, как процесс вне связи с его начальной или финальной фазой. Речь идет о *дуративном, курсивном и прогрессивном*

⁷ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. От 16.10.2024) “О порядке присуждения ученых степеней” (вместе с “Положением о присуждении ученых степеней”), в главе 1 использованы материалы статьи: Такоева, Т. А. Аспектуальные параметры турецкого глагола / Т. А. Такоева // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 320–332.

значениях, что видно из приведенных ниже контекстов:

1. *Soslan nehir boyunca aşağılara doğru inmeye devam etti ve balık tutmakta olan bir başka balıkçının yanına geldi* [NOHD: 72]. – *Сослан продолжил путь вниз по реке и подошел к другому рыбаку, который ловил рыбу.*

2. *Gerçekten, dağların ardında batmakta olan güneş orada biraz daha kaldı* [NOHD: 53]. – *Действительно, солнце, садившееся за горы, задержалось (там) еще немного.*

Герд Йендрашек, немецкий лингвист, специализирующийся в том числе и на турецком языке, предлагает более лаконичную и типологически обоснованную модель видо-временной системы турецкого языка, где ядро строится на взаимодействии четырех аспектов (*прогрессивного, диспозитивного, проспективного и перфективного*) и двух времён (*настоящего, то есть нулевого маркера, и прошедшего*), с чётким разделением их функций и позиций в словоформе. Согласно теории исследователя, такие формы, как *okuyor, okur, okuyacak, okumuş* (*читает, прочтёт, прочитал*), где «*читает*» в первом случае эксплицируется как процесс, а во втором – как способность, привычка или достоверный факт, являются глагольными формами, маркированными по аспекту, но не по времени. Ошибочное игнорирование нулевой экспоненты настоящего времени привело к тому, что аспектуальные морфемы часто анализируются как временные маркеры. Сравнение с маркировкой времени у неглагольных предикатов показывает, что настоящее время не выражено самим причастием, прилагательным или существительным, а обозначается отсутствием маркера прошедшего времени (то есть нулевым маркером). Таким образом, время, согласно концепции ученого, – это словоизменятельная категория предиката в целом (глагольного или неглагольного), а аспект – словоизменятельная категория глагола [Jendraschek 2011: 270].

Промежуточное положение, тяготеющее к ядру функционально-

семантического поля (ФСП) аспектуальности турецкого глагола, занимают аналитические конструкции.⁸ Статус последних определяется высокой степенью грамматикализации и их системной значимостью. Упомянутые образования формируются по чётким грамматическим моделям и представляют собой ключевые способы экспликации целого ряда аспектуальных значений (*Aktionsart*), которые в других языках часто входят в грамматику вида. Более того, многие из таких грамматических моделей достаточно продуктивны и способны коррелировать с большим числом глагольных лексем. Синтаксические (аналитические) конструкции, ключевым механизмом которых является сочетание деепричастий на -(y)a или -(y)ıp с последующим модифицирующим глаголом-аспектуализатором [Кононов 1956: 209-212], передают аспектуальные значения, чем расширяют аспектуальные возможности языка.

Промежуточное звено в системе аспектуальности турецкого глагола занимают перифрастические конструкции.⁹ Однако при использовании критериев облигаторности и частотности они однозначно тяготеют к периферии ФСП аспектуальности. Их периферийный статус обусловлен тремя факторами: а) низкой степенью грамматикализации (вспомогательные глаголы *olmak* / *bulunmak* сохраняют своё исходное лексическое значение); б) семантической абстрактностью и в) необязательностью употребления (в большинстве когнитивно-коммуникативных ситуаций говорящий может обойтись простыми видо-временными формами).

В то же время если в качестве критерия определения ядра ФСП аспектуальности принять способность образовывать чистые, системные и парадигматические оппозиции грамматических значений, то некоторые из

⁸ Аналитическая конструкция в турецком языке – это сложная глагольная форма, состоящая из деепричастия основного глагола на *-ıp* или *-a* и вспомогательного глагола в личной форме. Аналитическая конструкция эксплицирует конкретный способ протекания действия: его *начало*, *завершение*, *длительность*, *повторяемость*, *интенсивность* и т.д.

⁹ Перифрастическая глагольная конструкция в турецком языке – это грамматикализованное сложное сказуемое, образуемое сочетанием причастной формы смыслового глагола со спрягаемыми вспомогательными глаголами *olmak*, реже *bulunmak*. Обозначенная модель служит для экспликации абстрактных аспектуальных значений, смещая фокус высказывания на состояние участников ситуации в ходе или по завершении действия.

этих конструкций, например, *-miş ol-* (перфект) и *-makta ol-* (дуратив), могут рассматриваться как потенциальное ядро. Дело в том, что в обозначенных грамматических формах аспектуальное значение (перфект/ дуратив) отделено от временного. Эти формы образуют чёткую систему оппозиций, а обозначенная модель достаточно продуктивна и регулярна. Таким образом, любая глагольная лексема может быть включена в отмеченную парадигму для экспликации чисто аспектуального значения [Гузов 2015: 146].

Функционально-перифрастические конструкции приобретают в высказывании особую значимость: они формируют такие аспектуальные смыслы, как *начинаемость, завершенность, предположительность, результативность, длительность, намерение*, которые не могут быть выражены в полной мере ядерными морфологическими формами. Функционально-перифрастические конструкции конкретизируют либо и вовсе трансформируют акциональную характеристику высказывания, обслуживая при этом как качественную, так и количественную аспектуальность в пределах дискурсной ситуации в целом (см.: [Насилов 1989]). Упомянутые конструкции способны расширить и уточнить весь спектр аспектуальных смыслов. Однако при этом они не являются каркасом аспектуальной системы, но составляют её особо значимую грамматизированную периферию, что полностью соответствует пониманию аспектуальности как совокупности форм, эксплицирующих как акциональные (акционсартовые), так и собственно видовые значения [Маслов 1962; Кононов 1956].

Периферия ФСП аспектуальности турецкой глагольной системы формируется в том числе такими лексико-синтаксическими средствами, как редуцированные конструкции, представляющие собой парное сочетание (повтор) финитных глагольных форм или деепричастий. Например: *gittiler, gittiler* – *ехали они, ехали* (длительность действия), *yara yara*¹⁰ – *рассекая и*

¹⁰ yararak- *рассекать* [Большой турецко-русский словарь 1998: 914]

*рассекая, sürüne sürüne*¹¹ – ползком (многократная длительность процесса), *gelir gelmez* – как только пришёл (мгновенность действия) и т. д., а также лексическими составляющими и контекстом в целом. Например:

1. **Gittiler, gittiler.** *Şiddetli rüzgâr ve kar fırtınaları dinmek bilmiyordu* [NOHD: 48]. — Едут они, а снежный ураган что ни час, то злее [СН: 84];

2. *Urismeg'in dor atı göğsüyle karları yara yara ilerlemeye çalışıyordu* [NOHD: 48]. — Гнедой конь Уризмага, рассекая грудью снег, пытался идти вперед;

3. *Tümseklerden, çukurlardan sürüne sürüne Soslan geyiğe yaklaştı* [NOHD: 76]. — Ползком преодолевая холмы и ямы, Сослан приблизился к оленю;

4. *Hemits kızı görür görmez bir ok atarak kızın tahta kovasını paramparça etti ve üzerindeki giysilerini de yırttı* [NOHD: 33]. – Как только завидел девочку Хамиц, пустил он стрелу. В мелкие черепки превратился кувшин девочки, и стрела продырявила ей платье [СН: 59].

Таким образом, проведенный анализ эмпирического материала показывает, что аспектуальность в турецком языке реализуется посредством целого комплекса грамматических, лексических и лексико-синтаксических составляющих. При этом ядерную позицию в системе аспектуальности занимают видо-временные глагольные формы. Ближняя периферия показана лексическими средствами, а дальнюю периферию представляют аналитические конструкции, редупликация и контекст в целом. Все перечисленные языковые параметры дают возможность эксплицировать тончайшие смысловые оттенки протекания действия.

2.3. Категория вида в осетинском языке преимущественно флективным в своей языковой сущности

Аспектуальная система осетинского языка, занимающего обособленное положение в иранской языковой семье, представляет собой сложно

¹¹ *sürünmek*- ползти [Большой турецко-русский словарь 1998: 800]

организованное функционально-семантическое поле (ФСП), формирование и специфика которого являются предметом непрекращающейся научной дискуссии. Традиционно аспектуальное устройство осетинского языка связывается с его длительной ареальной близостью со славянскими языками, и, в частности, с русским. Это привело к нехарактерному для иранских языков развитию превербальной системы с видообразующей функцией.

В.И. Абаев в своем фундаментальном труде «Скифо-европейские изоглоссы» (см.: [Абаев 1965]) продемонстрировал наличие подобий в лексике, фонетике и грамматическом строе, которые не могут быть объяснены исключительно общим индоевропейским происхождением рассматриваемых языков. Ключевым аргументом служит исторический контекст: предки осетин (скифо-сармато-аланские племена) на протяжении многих веков населяли Восточную Европу и Северное Причерноморье, находясь в зоне интенсивных этнокультурных и языковых контактов с предками славян. Длительный симбиоз привёл к формированию общих изоглосс, которые, с одной стороны, обособили осетинский язык в ираноязычной среде, с другой сблизили его с европейскими, прежде всего славянскими, языками. Наглядной иллюстрацией масштаба и системности обозначенных контактов служит трансформация глагольной системы [Там же: 53].

В древних иранских языках глагольные превербы функционировали преимущественно как наречные определители, уточнявшие пространственную характеристику или направление действия [Там же: 55]. В славянских языках, напротив, сформировалась развитая система превербов, главной функцией которой стала перфективация – образование глаголов совершенного вида от несовершенного. Согласно концепции В.И. Абаева, осетинский язык в ходе длительного взаимодействия со славянскими диалектами усвоил именно этот структурный принцип. Приставки осетинского языка, восходящие к пространственным показателям (*a-* — удаление, *ба-* — приближение, *ра-* — движение наружу, *ны-* — движение

вниз), под влиянием славянской модели видообразования сформировали новую грамматическую функцию — способность изменять аспектуальную направленность глагола, став полифункциональными. Например: *ахъазын — поиграть*, *адзурын — поговорить*, что сближает значение этой приставки со значением преверба *фæ-* (*фæкусын (=акусын) — поработать*). То есть превербу *а-* свойственна не только пространственная этимология, но и этимология единичности действия, как, собственно, и другим превербам этого ряда. Аналогичное значение в английском передаётся с помощью глагольных словосочетаний: *to have a meal — поесть* (ср. *to eat — есть*), *to have a drink — выпить* (ср. *to drink — пить*.) Приведём аналогичные примеры с другими превербами: *радзурын — рассказать*, *бафæрсын — 1) спросить; 2) прочитывать; баулæфын — 1) отдохнуть; 2) обратиться к кому-л. (за помощью, советом); нынуазын — напиться*, и т. д.

Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой формирование аспектуальных корреляций в осетинском и русском языках шло схожими, но параллельными путями. При этом прямое влияние русского языка на осетинский не было определяющим. А.А. Левитская отмечает, что в русском и осетинском языках отправной точкой зарождения грамматической категории вида стали приставочные глаголы движения. Именно в них столкнулись значения процесса и предела, что создало условия для формирования аспектуальной пары, необходимой для появления совершенного вида. Если у приставочного глагола нет парной оппозиционной формы, которая обозначала бы тот же процесс, но уже как продолжающийся (имперфектив), то вид не формируется. На формирование вида в осетинском языке повлияло также соседство с кавказскими языками, грамматический строй которых позволял аспектуальным формам эксплицировать значения пространственно-ориентационной категории. По мнению А.А. Левитской, грамматический вид в осетинском и русском языках являет собой лишь пример типологического сходства, когда разные языки приходят к одним и тем же грамматическим явлениям похожими путями.

Изучение даже небольшой группы «особенных» глаголов, неспособных сформировать видовые пары, помогает понять историю языка и народа. Анализ аспектуальных форм осетинского языка подтверждает общие законы развития категории вида в индоевропейских языках [Левитская 2025: 47].

Признавая дискуссионность вопроса о генезисе и статусе вида в осетинском языке, в настоящей работе мы принимаем точку зрения, согласно которой функционально-семантическая категория аспектуальности осетинской глагольной системы представлена грамматическими составляющими, непосредственно и регулярно эксплицирующими аспектуальные значения.

Ядро ФСП аспектуальности осетинского языка включает в себя морфологическую категорию, представленную оппозицией совершенного и несовершенного вида (СВ/НСВ). При этом существенную роль в оформлении аспектуального характера процесса отводим частицам *-иу-* и *-цæй-*. Частица *-иу-*, присоединяясь к приставочному глаголу образует, как правило, многоактный СД, создавая тем самым немаловажный механизм для экспликации регулярности повторяющихся действий (грамматическая категория политемпоральной кратности). Глаголы с частицей *-цæй-*, формируясь на основе морфологически отмеченных глагольных лексем и нейтрализуя значение граммемы СВ (см.: [Абаев 1959: 61-62]), способствуют образованию общерезультативного СД. Периферия ФСП аспектуальности представлена разноуровневыми языковыми средствами, участвующими в трансляции разнообразных аспектуальных смыслов.

Морфологическая категория вида, если таковая имеется в языке, представляет собой центральную, доминирующую составляющую поля аспектуальности. Основным средством формирования СВ от глагольных основ НСВ в осетинском языке выступает префиксация. Такие продуктивные превербы, как *а-*, *ба-*, *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *ны-*, *(ы)с-*, *фæ-* перфективируют глагольную лексему, меняя характер протекания действия и смещая акцент с процессуальности на целостность, завершенность или достижение действием

определенного предела. В. Миллер, в частности, увидел функциональное сходство осетинского преверба **фæ-** и славянской приставки **по-** [Миллер 1962: 139]. В.И. Абаев отмечал, что перфективация сближает осетинские превербы со славянскими приставками [Абаев 1965: 53]. Например: *кусын* (*работать* – НСВ) – **фæкусин** (*поработать* – СВ); *хъазын* (*играть* – НСВ) – **фæхъазын** (*поиграть* – СВ) [Абаев 1965: 63–66].

Важно отметить, что перфективирующая функция осетинских превербов наиболее последовательно реализуется в прошедшем и будущем временах индикатива, в то время как в настоящем времени эти же морфологические форманты могут утрачивать аспектуальное значение, однако сохраняя при этом локативное или приобретая хабитуально-итеративное [Выдрин 2016: 11–12]. Например:

Хорз куы ныйих ваййы дон, уæд ыл Сослан схæцы, сисы их æмæ йæ Нарты хъæумæ бахæссы, уым ыл Нарты фæсивæд хъулаей фæхъазыны [НК: 97]. – *Когда все крепко замерзает, Сослан выпрямляется, поднимает на себе все, что намерзло на нем, и приносит это в селение нартов. А нартские юноши на этой глыбе играют в альчики* [ОНС: 102].

В данном фрагменте текста речь идет о действии (игре, забаве), не единожды (многократно) совершаемом героем эпоса.

Некоторое исключение из правил представляют осетинские глаголы движения. Дело в том, что приставочные дериваты такого рода лексем показывают аспектуальное поведение, несвойственное перфективным глаголам [Стойнова 2006: 146]. Так, например, глаголы движения с превербом **ны-** достаточно часто эксплицируют направленность движения сверху вниз:

Уым фæд денджызы бынмæ ныххызтис [НК: 28]. – *Там след спустился на дно моря.*

Или еще:

Фæцардысты уым бонтæ 'мæ къуыритæ, стæй иу бон æрæнкъард ис Ахсæртæг – Ахсары æрæмысд – æмæ загъта: – *Мæнæн ам цæрын нал*

æмбæлы, – хъуамæ сагурон ме 'фсымæры æмæ фæцæуон мæ хæдзармæ [НК: 29-30]. – Прожили они там дни и недели, но однажды вспомнил Ахсартаг о брате своем Ахсаре и загрустил. Сказал он: – Не подобает мне больше жить здесь, я должен найти своего брата и идти домой.

В глагольной форме **фæцæуон** преверб **фæ-** совмещает перфективацию с направительным значением, а модальное слово *хъуамæ* привносит в предложение значение долженствования. Действие мыслится как целостное, но нереализованное; эта нереализованность имеет модальную, а не видовую природу. Показательно, что в том же отрывке встречается ещё одна глагольная форма с превербом **фæ-** — **фæцардысты**, которая содержит значение длительности. Однако длительность здесь задаётся не превербом, а лексической семантикой глагола и обстоятельствами.

Как было сказано выше, ключевым средством имперфективации осетинских приставочных глаголов является суффикс **-цæй-**. Например:

Иу афæдз куы рацыд, уæд æппадзы цурты æрбацæйцыд Нарты фыдбылыз Сырдон [НК: 37]. – Прошел год. Бедовый Сырдон проходил мимо склена Дзерассы [СН: 64].

Вместе с тем в осетинской глагольной системе имеют место и другие группы глаголов, которые не имеют имперфективных коррелятов [Левитская 2014: 29-31]. Исходная семантика последних не предполагает представления обозначаемых ими действий как находящихся в процессе. Подтверждением сказанному может послужить следующий текстовый фрагмент:

Йæ бæх ныццæлхъытæ ласта Сослан æмæ уайын байдыдта йæ фæндагыл [НК: 115] - Хлестнул коня Сослан и помчался своей дорогой [СН: 200].

Грамматическая категория политемпоральной кратности представлена оппозицией монотемпорального (однократного в одном временном плане) и политемпорального (многократно повторяющегося в разных временных планах) действия [Левитская 2022: 78]. Формальным грамматическим маркером обозначенной категории является аналитическая конструкция с

приглагольной частицей -иу, которая сообщает действию значение регулярной, ритуализированной повторяемости в полном объеме. Как, например, в следующем текстовом отрывке:

Райсомæй-иу рацыдис Ныхасмæ æмæ-иу йæ бон уым арвыста адæммæ хъусгæйæ; кастис-иу, куыд æхстой фатæй Нарты фæсивæд, æмæ-иу æрлæууыдысты йæ лæппуы бонтæ йæ зæрдыл, æмæ та-иу изæры æнкъардæй бацыдис йæ хæдзармæ [НК: 65–66]. – С утра уходил нарт Урызмаг на нихас и проводил там целые дни, слушая новости, которые рассказывали люди. Глядел, как состязается в стрельбе из луков нартская молодежь, вспоминал свои молодые годы и грустил о том, что никогда они не вернутся [НС: 108].

Категория политемпоральной кратности, наряду с морфологической категорией вида, образует важную ось грамматической аспектуальности в осетинском языке.

Периферия ФСП аспектуальности осетинского языка неоднородна. Её составляют разноуровневые средства, передающие аспектуальные значения как во взаимодействии с ядром, так и самостоятельно — в тех случаях, когда ядерные показатели в высказывании не представлены. К периферийным составляющим ФСП аспектуальности осетинского языка относим в первую очередь лексико-семантические классы глаголов (акциональность): базовая семантика глагола (предельность/непредельность, динамичность/статичность, моментальность /длительность) предопределяет его аспектуальный потенциал и взаимодействие с превербами.

Приставочные глагольные лексемы осетинского языка эксплицируют достаточно широкий спектр аспектуальных значений, таких как *внезапность*, *мгновенность*, *длительность*, *многократность* и *однократность*. Однако интерпретация обозначенных значений зависит не только от семантики самих префиксов, но и от целого ряда объективных факторов, непосредственно влияющих на аспектуальную составляющую глагольного действия. Ключевую роль здесь играет семантика глагольной основы, к

которой присоединяются морфологические форманты, а также общий контекст высказывания. Кроме того, важно отметить, что большинство осетинских провербов являются полисемантическими: один и тот же грамматический маркер может транслировать различные значения [Камболов 2022: 144]. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами:

1. *Ныууарыди ахæм мит, æмæ æппындæр акæсæн нал уыди* [НК: 62]. – *Выпал такой снег, что ничего не было видно* [СН: 72];

2. *Æфсымæрты цæсгæмттæ ныррухс сты* [НК: 29]. – *Радостью осветились лица братьев...* [СН: 52];

3. *Уæд Ахсæртæг бахудти йæ мидбылты фыр цинаей æмæ фелвæста йæ фæснахæй зæлдаг кæлмаерзæны тыхтæй чызджы туджы 'ртæхтæ ...*[НК: 29]. – *И тогда от радости улыбнулся Ахсартаг и вытащил из-за пояса капли крови девушки, завернутые в шелковый платок....*

В первом приведенном фрагменте глагольная лексема совершенного вида с провербом **ны-** эксплицирует интенсивный и кратковременный процессный акт. Во втором и третьем текстовых отрывках провербы **ны-** (в глаголе *ныррухс сты* – осветились) и **ба-** (в глаголе *бахудти* – заулыбался) участвуют в формировании начинательного способа действия.

Проведенный анализ эмпирического материала показывает, что фазовые глаголы осетинского языка эксплицитно обозначают начальную или конечную фазу действия. Например:

1. *Хъуыды кæнын байдыдта Сатана* [НК: 113]. – *И стала придумывать Шатана...* [СН: 198];

2. *Сау æрдиаг байдыдта Уырызмæг, ацы æнамонд цæмæн фæдæн, зæгъгæ, цы уыдзынаен ацы ран, доны цъæхы йедтæмæ куынауал хох зыны, куынауал бæлас?!* [НК: 50]. – *И стал жаловаться на свою судьбу Урызмаг. Увидел он, что верная гибель ждет его здесь, и несчастным называл он себя.* [СН: 79];

3. *Бæхтæ хæст нæма фæсты, афтæ сыл æфсæндзыг бирæгъ йæхи рауагъта.* [НК: 57] – *Еще не закончили кони сражения, а волк с железной*

пастью кинулся на помощь железному жеребцу [СН: 85].

В некоторых случаях общая дискурсивная ситуация способна имплицировать начальную, медиальную или конечную фазу действия, так как аспектуальное значение вытекает из целостного контекста:

1. *Ныллæууыдысты цæуыны къахыл. Æмæ курдиат сахат йæ сæры хил аивæзта Дзерасса, æмæ сæ дыууæ дæр фестадысты æргъæуон бæзджын кæсæгтæ æмæ рараст сты фурды бынæй фурды сæрма* [НК: 30]. – Решили они идти. В назначенный час выдернула Дзерасса волосок из своей головы, и превратились они в рыб с жемчужной чешуей, и выплыли с морского дна на поверхность.

2. *Фараст боны æмæ фараст æхсæвы чындзæхсæв фæкодтой*¹² [НК: 29]. – Девять дней и девять ночей справляли свадьбу.

В первом приведенном примере информацию о том, что герои эпоса отправляются в путь, мы получаем из широкого контекста. Во втором примере значение ограниченной длительности (лимитативности) действия создаётся не самой глагольной формой, а её сочетанием с обстоятельством времени. Глагол *фæкодтой* сам по себе транслирует завершённое действие, однако временной промежуток *фараст боны æмæ фараст æхсæвы* придаёт всей конструкции значение ограниченной длительности. Таким образом, лимитативность эксплицируется здесь не морфологически, а аналитически — через взаимодействие глагольной формы и обстоятельства времени.

Аспектуальная система осетинского языка тесно переплетена с такими основополагающими грамматическими категориями, как время и наклонение. Так, в частности, перфективирующая функция осетинских превербов напрямую зависит от временной формы искомой глагольной лексемы. Например, глаголы СВ в настоящем времени имеют лимитированное употребление, а в глаголах движения превербы в том же настоящем времени нередко эксплицируют не аспектуальные смыслы, а лишь направленность движения.

¹² Фæкæнын – сделать. [Осетинско-русский словарь- 4-е изд. Владикавказ: 1993: 311].

В словообразовательных моделях, которые не сводятся к чистовидовым, но при этом формируют устойчивые аспектуально-акциональные типы (*делимитативы, интенсивы* и т.д.), провербы выступают в своей синкретичной словообразовательно-видообразующей функции и демонстрируют полисемию [Камболов 2022: 144]. Так, в нижеприведенном примере проверб **ны-**, помимо своей основной функции, привносит в семантику глагольной лексемы результативность и (или) направленность движения вниз, а также дистрибутивность процесса (действие распределено между всеми его участниками: **ныффæлдæхтытæ** сты).

Фыццаг куы ацыдтæн, – загъта Уырызмаг, – уæд адæм худæгæй ныффæлдæхтытæ сты, сæ фырхудтæй уæлæмæ стын дæр нал фæрæзтой [НК: 44]. – «Когда я проехал в первый раз», – сказал Урызмаг, – «то люди попадали со смеху, от хохота своего даже встать не могли».

А в настоящем времени изъявительного наклонения приставочные глаголы в осетинском языке приобретают хабитуальное значение, тот же маркер **ны-**эксплицирует привычный, повторяющийся порядок действий:

*Уæдæ ма 'ндæр цы хъæзтытæ фæкæны Сослан? – фæрсы та йæ Бибыц. – Хохы бын æрцытæ фидар æрсадзы, йæхæдæг хохы сæрма ссæуы æмæ уырдыгæй ракафы айнæгыл; айнæгæй йæхи разыввытт кæны æмæ хохы рæбын æрцытæм йæ сæр æрхæссы æмæ съл хъен **ныллаууы*** [НК: 100]. – А какими другими играми забавляется Сослан? – спросил он. У подошвы горы втыкает он прочно копыя остриями вверх. Поднимается сам на вершину горы и там весело пляшет, а в разгаре пляски бросается вниз головой, летит прямо на копыя и, упираясь в них головой, становится вверх ногами. [СН: 152]. Таким образом, узуальная многократность формируется не только грамматическим маркером, но и его взаимодействием с временной формой.

Проведенный анализ языкового материала говорит в пользу того, что ФСП аспектуальности осетинской глагольной системы отличается сложной структурной организацией. Семантическое ядро эксплицируется морфологической оппозицией вида (СВ/НСВ) и реализуется

преимущественно посредством префиксации. Существенную роль при этом отводим и аспектуальному значению политемпоральной кратности, эксплицируемому частицей *-иу*. Периферия поля аспектуальности представлена широким спектром взаимодействующих компонентов, среди них: акциональные классы глаголов, морфологические маркеры, лексические и синтаксические распространители. Важно при этом помнить, что видовая категория осетинской глагольной системы тесно переплетена с грамматическими категориями времени и модальности. Обозначенная структура ФСП аспектуальности осетинского языка, с одной стороны, сближает его со славянскими языками в части развитой превербальной перфективации, с другой – обособляет его благодаря грамматикализации политемпоральной кратности, создающей особый инструментарий для изображения циклически повторяющихся действий, глубоко укорененных в культурной картине мира, отраженной, в частности, в Нартском эпосе.

2.4. Сопоставительный анализ аспектуальных параметров английской, турецкой и осетинской лингвосистем

В задачи настоящего параграфа входит: систематизировать и описать зоны относительной эквивалентности, языковой асимметрии и лакунарности, обнаружить компенсаторные механизмы, используемые каждой из лингвосистем, и объяснить выявленные языковые коллизии. Рассмотрим основные аспектуальные значения и возможности их реализации в каждом из анализируемых языков.

2.4.1 Основные разновидности фазовости глагольного действия в языках разной структурной модели (английском, турецком, осетинском)

Начинательный способ действия в его двух логико-вербальных ипостасях: инхоативность, ингрессивность процесса

Потребность обозначить начальную стадию действия, которую принято

относить к числу фундаментальных видовых значений ФСП аспектуальности, свойственна всем естественным языкам. Каждая лингвосистема в ответ на коммуникативный запрос её носителей формирует для экспликации идеи начала действия или события единственный в своем роде набор разноуровневых языковых средств. В аспектологической литературе начинательность интерпретируется как составная часть более широкой грамматической категории – категории фазовости, обладающей совокупной аспектуальной семантикой инициирования глагольного действия. На основе фазового признака глагольные образования, транслирующие значение начала, объединяются в начинательный способ действия (СД). При этом в русском языке, например, под способами глагольного действия понимаются различные типы семантических модификаций глагола с точки зрения временных, количественных и «специально-результативных характеристик» [Русская грамматика 1980: 596], сформулированных установленными формальными языковыми средствами (приставками, суффиксами или всевозможными комбинациями последних) [Зализняк 2000: 104].

В каждом из привлеченных к анализу языков – английском, осетинском и турецком – начинательный СД эксплицируется посредством собственных, характерных для данного конкретного языка средств морфологического, синтаксического, словообразовательного или лексического уровней. Как показывает анализ фактического материала, значение начинательности может кодироваться как на уровне смыслового глагола, так и в рамках словосочетания, предложения или всего контекста. Замечено, что анализируемый СД далеко не однороден в своих дискурсивных проявлениях. В основу описания начинательности положено разграничение инхоативной и ингрессивной моделей, предложенное А.А. Зализняк и А.Д. Шмелевым. Инхоативный СД эксплицирует постепенную активизацию действия и образуется регулярно от обозначений гомогенных ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы развития [Зализняк 2000: 107]; отличительной

чертой таких глаголов является отсутствие вторичных имперфективов. Ингрессивный СД имеет менее обусловленные очертания: он транслирует внезапное начало действия и охватывает глаголы движения, однонаправленного процесса, а также образования от глаголов восприятия и внутреннего состояния. У большинства ингрессивных глаголов значение начала ослаблено и смещено с результативностью: начало процесса оказывается равнозначным его осуществлению. Обе разновидности характеризуют действие как предельное, поскольку указывают на точку отсчёта, ограничивающую его протекание на временной оси. По мнению ученых, у большинства глаголов ингрессивного СД значение начала действия несколько ослаблено, так как искомое видовое значение здесь в каком-то смысле смежается с результативностью. Иначе говоря, начало процесса оказывается равнозначным его осуществлению. Начинательный СД может формироваться и аналитически, посредством фазовых глаголов типа *начать*, *стать*, *приняться*. В английском языке такого рода образования оказываются не просто частотными, но и основными в характеристике искомого аспектуального смысла.

Так, в частности, в английской лингвокультуре в высшей степени востребованными становятся глагольно-аналитические конструкции, образованные посредством фазовых глаголов *to begin*, *to start* в сочетании с глаголом-носителем основного номинативного значения, когда речь заходит о необходимости транслировать аспектуальное значение начальной фазы действия или события. Например:

1. *Nartæ placed the wonderful flute udævdz on the festive table, and it **began to play** on its own accord, merrily and resoundingly: «Take a cup of mead!... [РНК: 17]. – На стол положили нарты эту чудесную свирель, и сама она звонко и весело запела: Подыми чашу ронга! [СН: 45-46];*

2. *Tears **began to flow** from his eyes: «My sons Æxsar and Æxsærtæg have perished, but I am happy that our breed has not passed away» [ТН: 96]. – Слезы потекли из его глаз и сказал он: Погибли сыновья мои Ахсар и Ахсартаг, но*

радуюсь я, что наш род не прервался [СН: 60].

Начинательность в английской языковой системе может быть также показана глагольно-аналитическими конструкциями, где первый компонент представлен одной из следующих глагольных лексем: *to get, to become, to grow, to go, to come, to turn, to fall, to run, to wear*, а второй является не чем иным, как прилагательным психического или физического состояния. Такие образования содержат в своей семантике значение постепенного наступления одного из упомянутых состояний или перехода в это состояние, например, *to grow angry* – злиться, *to go mad* – сойти с ума.

*The young Narts **grew angry** when they heard this, and with offensive words they drove the old woman from the square [TN:107].* – Услышав это, рассердились молодые Нарты, и обидными словами прогнали старуху с нихаса.

Значение начинательности глагольного действия в английском языке способны приносить и отдельные поствербальные частицы. Несмотря на то, что начинательность не является системным значением для большинства поствербальных частиц, так как идея начала действия в английской языковой системе транслируется преимущественно лексическим значением глагола, аналитическими конструкциями и контекстуальными маркерами типа *suddenly*, тем не менее при формировании начинательного СД их роль оказывается довольно значимой. Приведем лишь некоторые примеры:

1. *So the maiden warriors **set off** in the search of the missing Narts, all dressed as men [TN: 560].* – И переодетое в мужские одежды девичье войско вышло на поиски пропавших Нартов.

2. *The apple tree was **suddenly lit up**, and Æxsærtæg saw a pigeon near the magic apple [TN: 85]* – Внезапно осветилась яблоня, и видит Ахсартаг: возле чудесного яблока опустились голубки [СН: 51];

3. *The Nartæ, as befits those who spend their life on campaign, **went off** on a dangerous expedition [РНК: 17].* – Нарты же, как подобает тем, кто проводит всю свою жизнь в походах, отправились в опасный путь [СН: 46].

В приведенных текстовых отрывках глагол определяет характер действия, а частица уточняет его аспектуальные характеристики: *up* в сочетании с лексемой *light* свидетельствует о достижении результата, а *off* в комбинации с глаголом перемещения *go* указывает на удаление от чего-либо (начало пути). При этом во всех эпизодах начинательное прочтение актуализирует контекст.

В осетинском языке в экспликации значения начала действия принимают участие преимущественно морфемы. Среди них формант *а-* с глаголами перемещения, приставки *ба-*, *ны-* для передачи интенсивного/мгновенного начала процесса, а также *с-*, *æр-*, *æрба-* [Ахвледиани 1963: 237–247]. Так, в частности, преверб *а-*, присоединяясь к глаголам движения-перемещения при условии актуализации значения однонаправленности в пределах конкретного контекста, указывающего на конечную цель движения, выступает показателем видового значения начинательности. Подтвердим сказанное несколькими примерами:

1. *Уырызмаг хæрæгыл сбæдтис фæстæрдæм æмæ ацъидис Ныхасы астæуты* [НК: 43]. – *Сел Урузмаг на осла задом наперед и поехал посреди нихаса;*

2. *Сатана хаст галтæ уæрдоны сифтыгъта, гуыффæ байдзаг кодта фæсалæй, гобан дзы айтыдта, гауыз ыл æрæмбæрзта, фынæй лæджы уым авæрдта æмæ араст ис йæ цæгатмæ, хæдзары исбонæй æппындæр ницы рахаста, афтæмæй* [НК: 47]. – *Тогда самых откормленных быков запрягла в большую повозку Шатана, самой мягкой сухой травой выложила она повозку, постелила поверх травы постель, накрыла ее ковром, положила на ковер сонного мужа, и повозка двинулась со двора* [СН: 76];

3. *Хæдзары хъазыд иу чысыл лæппу: куы иуырдаæм азгъоры, куы иннаердаæм – йæ фæзмæлдыл цæст нæ хæцы, афтæ рог* [НК: 51]. – *Увидел Урузмаг, что бегают по дому маленький мальчик и так легко и резво бегают он, что глаза не успевают следить за ним* [СН: 79].

Обращает на себя внимание тот факт, что формант *ба-* участвует в

образовании результативно-начинательного СД. Например:

Уырымæджы зæрдæ йæм бахъазыд æмæ йæм кæсгæйæ баззад [НК: 51]. – И не мог Урызмаг наглядеться на мальчика, и радость наполнила его сердце [СН: 79].

В таких глагольных образованиях значение начала действия является по существу результатом, на достижение которого и направлено искомое действие.

В высшей степени продуктивной в осетинской языковой культуре показывает себя и приставка **ны-**, для которой наиболее типичным аспектуальным значением представляется значение интенсивности. Например:

1. *Рухс хуры тынтæ ныккастис Уæрхæгмæ...[НК: 25]. – Заглянули лучи утреннего солнца в сердце Уархага....[СН: 45];*

2. *Нарты адæм – стырæй, чысылæй, зæрондæй, ногæй – худæгæй ныффæлдæхтытæ сты, сæ фыр худтæй уæлæмæ стын дæр нал фæрæзтой [НК: 43]. – Когда увидели нарты, что едет Урызмаг задом наперед на осле, взрослые и малые, старые и молодые – все от смеха попадали на землю и катались по ней [СН: 67];*

3. *Уæрхæджы хуынд уазджытæ иннабонæй–иннабонмæ минас фæкодтой, стæй уæд фæфардæг сты: Куырдалæгон абадтис цæхæр уады хъысыл æмæ ныппæррæст ласта уæларвмæ, хæдтæхгæ Пакъуындзæйау, Донбеттыр та фестадис æргъæуон цæхæр кæсаг æмæ ныцъыллинг кодта стыр фурды бынмæ; Нарт дæр фæфардæг сты хæтæны, стæронтау [НК: 26]. – Семь дней и семь ночей пировали гости Уархага, а когда кончился пир, вскочил Курдалагон на гребень огненной бури и, словно крылатый Пакундза, умчался в небеса. Перламутровой огненной рыбой обернулся Донбеттыр и скрылся в морской бездне. Ушел и Сайнаг–алдар в свою крепость. Нарты же, как подобает тем, кто проводит всю свою жизнь в походах, отправились в опасный путь [СН:46];*

4. *Кæсы, æмæ'виппайды бæлас ныррухс и, æмæ йыл бады æртæ*

'хсинæджы [НК: 27]. – *Осветилась внезапно яблоня, и увидел Ахсартаг голубку возле чудесного яблока* [СН: 51].

Начинательный СД в осетинской языковой системе, преимущественно синтетической в своей типологической модели, может быть представлен и лексико-синтаксически, посредством глагольных конструкций с фазовыми глаголами. Например:

Райдыдтой Уæрхæджы зæронд хъазын Нарты фæсивæд æмæ йæ скодтой фыдæнæн рæгъаугæс Нартæн [НК: 30]. – *Стали они издеваться над сединами Уархага и назло приставили его бессменно пасти скот* [СН: 54].

В турецком языке, агглютинативном по своей структурной принадлежности, где все грамматические формы эксплицируются преимущественно однозначными аффиксами, а морфология отличается высокой устойчивостью и практически полным отсутствием исключений, значение начинательного СД репрезентируется чаще всего грамматическими конструкциями с фазовыми глаголами *başlamak*, *girişmek*, *koyulmak*, содержащими в своей семантике переход от отсутствия действия или движения к его началу. Так, в частности, искомое аспектуальное значение начинательности эксплицируется глагольно-аналитической конструкцией *başlamak* в сочетании с дательным падежом имени действия на **-mak/-mek** и **-ma/-me**:

Nartlar kavalı masanın üstüne koyar koymaz olağanüstü çalgı çalmaya ve şarkı söylemeye başladı... [NOHD: 25]. – *Как только положили на стол Нарты эту чудесную свирель, так она заиграла и запела.*

Начинательный СД в турецкой лингвокультуре может присутствовать и в семантике полнозначного глагола. Например:

*Bu arada Ehsarteg giysilerini üzerine iyice sararak mutlu bir şekilde denizin derinliklerine **daldi*** [NOHD: 27]. – *Тем временем Ахсартаг, хорошенько запахнув на себе одежду, радостно нырнул в морские глубины.*

В турецком языке, как, впрочем, и в других, независимо от принадлежности к той или иной типологической модели, вполне допустима и

контекстуальная передача видового значения начинательности. В таких ситуациях функцию начинательной детерминации действия берут на себя неглагольные лексические средства, такие как *birden* (вдруг), *ilk defa* (впервые) и другие [Кузнецов 1996: 213–228]. А глагольные формы прошедшего времени служат своеобразным аспектуальным актуализатором обозначенных маркеров. Например:

Birden ağac aydinlandi ve ağacın üzerine üç güvercin konu [NOHD: 26].
–Осветилась внезапно яблоня, и увидел Ахсартаг голубку возле чудесного яблока [СН: 51].

Показательно, что облигаторность аспектуальной маркировки в языковых системах принципиально различна. Так, если в русском языке выражение границ действия, по утверждению Е.В. Петрухиной, характеризуется высокой степенью облигаторности [Петрухина 2009: 109], то в турецком языке маркировка начинательности носит скорее смыслоразличительный характер.

Таким образом, разбор эмпирического материала обнаруживает, что все привлеченные к анализу языки (осетинский, английский, турецкий) располагают достаточным арсеналом для экспликации начинательного СД. Однако соотношение языковых возможностей для трансляции искомого аспектуального смысла в пределах исследуемых языков разнится. В осетинском языке задействованы в первую очередь морфологические составляющие, значимость которых эксплицируется уже тем обстоятельством, что они активно задействованы при формировании аспектуальной корреляции совершенный вид / несовершенный вид глагола [Калабекова 2015: 55]. В английской и турецкой языковых системах приоритетными оказываются аналитические конструкции или контекст в целом, которые зачастую дополняют друг друга.

В английском языке, в котором грамматические отношения транслируются преимущественно синтаксически, основным способом экспликации начинательности становятся глагольно-аналитические

конструкции. Доминирующими среди них являются сочетания фазовых глаголов *to begin, to start* с инфинитивом или герундием: *it began to play on its own accord* [TN: 79]. Значение постепенного перехода в обозначенное состояние передается конструкциями типа *to grow/get/become* + прилагательное (*grew angry*). Существенную роль играют также поствербальные частицы *up, out, off*, привносящие в семантику глагольной лексемы значение начала или интенсификации процесса: *went off on a dangerous expedition* [TN: 80]. Таким образом, английская языковая система смещает акцент с морфологической деривации на синтаксическую комбинаторику.

В осетинском языке, преимущественно синтетическом в своей структурной организации, ядро начинательного СД формируется системой превербов. Ключевыми видообразующими формантами выступают:

а- – для обозначения начала однонаправленного движения: *Уырызмаг хæрæгыл сбадтис фæстæрдæм æмæ ацыдис Ныхасы астæуты* [НК: 43]. – *Сел Урузмаг на осла задом наперед и поехал мимо нихаса;*

ба- – часто с оттенком результативно-начинательного значения: *Уырызмаджы зæрдæ йæм бахъазыд æмæ йæм кæсгæйæ баззад* [НК: 51]. – *И не мог Урызмаг наглядеться на мальчика, и радость наполнила его сердце* [СН: 79];

ны- – для передачи мгновенного начала интенсивного действия: — *Чисты, уæддæр, нæ хуыздæртæ, уый нын зæгъ!* – *ныллаууыдысты Нарты фæсивæд* [НК: 61]. — *Все же скажи, кто лучшие из нас!* — *потребовала молодежь.*

Несмотря на преобладание префиксации при формировании способов действия, осетинский язык допускает употребление аналитических конструкций с фазовыми глаголами (типа *райдайын*), что отчетливо демонстрирует взаимодействие различных языковых уровней в пределах ФСП аспектуальности. Например:

Хæцын байдьдтой фырытæ æмæ йæ бон–изæрма фæхостой [НК: 99].

– Начали биться бараны. С утра до вечера длилась эта игра [CH: 152].

В турецком языке с его агглютинативным укладом значение начинательности довольно часто кодируется аналитически. Основной моделью экспликации обозначенного СД становится лексико-синтаксическая конструкция с фазовым глаголом *başlamak* в сочетании с отглагольным именем на *-mak/-mek*: ...*çalmaya ve şarkı söylemeye başladı* [NOHD: 25]. В ряде случаев значение начала имплицитно содержится в семантике полнозначного глагола.

Güneş doğarken, Uerheg, halâ baba olabilecek yetenekte olduğunu kanıtlamıştı [NOHD: 25]. – В то время как всходило солнце, осознал Уархаг, что все еще может быть отцом.

Doğmak в значении «всходить» (о солнце) уже содержит идею начала процесса, эксплицитные фазовые глаголы не являются обязательными, а глагол *olmak* (быть, становиться) сам по себе может передавать переход в новое состояние. Важную роль приобретает и лексико-контекстуальное окружение, когда функцию ингрессивного маркера берут на себя наречия, а глагольная форма прошедшего времени актуализирует общее значение свершившегося события.

Проведённый анализ языкового материала позволяет констатировать следующее. Все три привлеченные к анализу лингвосистемы обладают развитым арсеналом языковых средств для экспликации начинательного СД. Ключевое различие заключается в типологически обусловленном предпочтении доминирующего уровня для экспликации искомой семантики. Осетинский язык, преимущественно синтетический по своему укладу, опирается на морфологическую деривацию, тесно связанную с видовой парадигматикой. Вместе с тем, наряду с английским и турецким языками, использует фазовые глаголы для экспликации начала действия. Сходства в выражении начинательного СД обусловлены универсальностью самой категории: любой язык, независимо от структурной организации, находит средства экспликации начала действия. Наличие ядерных фазовых глаголов,

сочетаемость последних с определенными семантическими классами и контактное положение с компонентом (смысловым глаголом) – это признаки, сближающие аналитические конструкции в разносистемных языках. Различия же в передаче идеи начала действия кроются в типологических особенностях языков.

Так, для экспликации начинательного СД английская языковая система делает акцент на глагольно-аналитических конструкциях, часто в сочетании с лексическими и контекстуальными маркерами, тяготея тем самым к более эксплицитному и частотному выражению обозначенного СД. Турецкая лингвосистема также отдает предпочтение аналитическим конструкциям и контекстуальным маркерам, однако демонстрирует при этом большую избирательность: начало действия здесь часто выводится из контекста в целом, из общего смысла высказывания или из грамматической формы самой глагольной лексики, а фазовые глаголы наделены дополнительным смыслом или модальным оттенком. Универсальность аспектуальной семантики начинательного СД реализуется через принцип функциональной компенсации: одно и то же видовое значение эксплицируется различными, но типологически мотивированными средствами, что подтверждает тезис о системном характере языковых коллизий.

2.4.2 Лимитативность как одна из ключевых характеристик ФСП аспектуальности

Исследование ФСК аспектуальности предполагает не только анализ морфологической категории вида, но и сопредельных с ней грамматических категорий, формирующих целостную семантику протекания действия. К числу таких ключевых субкатегорий относим *лимитативность*, определяемую А.В. Бондарко как семантическая категория, «объединяющая разные типы отношения действия (в широком смысле) к пределу», а также соответствующее функционально-семантическое поле, охватывающее

языковые средства выражения данных отношений [Теория функциональной грамматики 2003: 45].

В рамках обозначенной концепции предел действия интерпретируется как временная граница, переход за которую делает продолжение процесса невозможным [Там же]. При этом следует четко дифференцировать внутренний и внешний предел всякого глагольного действия. Внешний предел детерминирован экстралингвистическими факторами, такими, например, как указание на срок или наступление другого действия или события. Внутренний предел обусловлен собственной семантикой глагольной лексемы, отраженной в категории вида или способа глагольного действия [Там же: 47]. Дальнейшая аспектуальная дифференциация, представленная в работе, отражает в первую очередь характер достижения действием своего предела. Ю.С. Маслов разграничивает реальное достижение предела и направленность на него [Маслов 2004: 319-320], что абсолютно коррелирует с представлением А.В. Бондарко о наличии реального и потенциального предела глагольного действия¹³ [Теория функциональной грамматики 2003: 48]. Кроме того, обособляется эксплицитный предел, выраженный формально (например, формой совершенного вида), и имплицитный предел, который лишь подразумевается в пределах конкретного контекста [Там же: 56]. Что касается результативности, то данное аспектуальное значение трактуется как уже достигнутый предел направленного на него процессного действия [Там же].

Видовая корреляция предельность / неопредельность глагольного действия, в основе которой лежит наличие или отсутствие какой-либо смысловой завершенности, представляет собой фундаментальный лексико-семантический признак глагольной системы любого естественного языка [Калабекова 2013: 28-29]. При этом важно отметить, что способы экспликации обозначенного противопоставления в языках разных

¹³ В настоящем параграфе диссертации, для более глубокого осмысления заданной проблематики, к анализу привлечен теоретический материал русского языка, где видовая категория изучена наиболее полно и проявляется четко и интенсивно.

типологических классов различны. В славянских языках, например, оппозиция предельность / неопределенность глагольного действия практически изоморфна противопоставлению совершенного и несовершенного вида глагола. В таких же языках, как английский и турецкий, вопрос о классификации глаголов по обозначенному признаку остаётся дискуссионным. Это обусловлено существованием значительного пласта глаголов с аспектуально нейтральной или двойственной семантикой. В научной литературе сформировалось несколько основных подходов к обозначенной проблематике. Среди них:

1. Контекстуально-независимая классификация. Ряд исследователей считает возможным отнесение любого глагола к предельному или неопределенному классу уже на уровне инфинитива, исходя из его имманентной семантики, без учета дальнейших контекстуальных модификаций [Теория функциональной грамматики 2003: 68].

2. Тройственная классификация. Данный подход постулирует существование отдельного класса двувидовых (биаспектуальных) глаголов, семантика которых допускает актуализацию как предельного, так и неопределенного значения в прямой зависимости от контекста [Горобец 2006: 47-49].

3. Контекстуальная нейтрализация. Согласно этой точке зрения, переход глагольной лексемы из одного аспектуального класса в другой невозможен, а просматриваемые сдвиги интерпретируются как нейтрализация исходного аспектуального значения в конкретной речевой реализации [Морковина 1968: 5].

Универсальный характер корреляции предельность/неопределенность глагольного действия представляется отображением двух фундаментальных разновидностей вербальных действий: ориентированных на внутренний предел и принципиально бесопределенных [Маслов 1984: 197]. Предельность/неопределенность понимается как классификационная характеристика глагольной лексики, которая определяется ее семантической

ориентированностью и аспектуальным потенциалом [Там же: 60].

Применительно к английской языковой системе сказанное означает, что, несмотря на то что видовая категория английского языка не охватывает всю глагольную лексику, последняя уже на уровне инфинитива располагает некоторым аспектуальным потенциалом, который на определенном этапе проявляется через аналитические формы. Их окончательная материализация и отнесение действия к предельному или неопредельному типу осуществляются в значительной степени в границах конкретного контекста, который и обуславливает характер распределения действия на временной оси. Именно «контекст, подчеркивающий или не подчеркивающий предельный характер действия» играет решающую роль в определении аспектуальной семантики глагола [Теория функциональной грамматики 2003: 69]. Таким образом, в английском языке значение предельности/неопредельности действия реализуется комплексно. Прежде всего, посредством системы грамматических форм. Так, *Progressive (Continuous)* представляется основным маркером процессуальности и неопредельности для динамических действий, в то время как *Perfect* довольно часто кодирует результативность и завершённость, тесно связанные с пределом действия.

Не менее важную роль приобретает и лексическая составляющая (семантика глагольной леммы – *aktionsart*). Так, например, английский глагол *to find* (*найти, обнаружить* – *achievement*, согласно классификации Вендлера) является предельным. Предельная и мгновенная семантика как бы «встроена» в саму глагольную лемму. Например:

... *he **has found** for you an enemy stronghold full of rich booty* [TN:153]. – *нашел он для вас не тронутое еще вами вражье логово, полное добычи* [CH: 112].

В приведенном текстовом фрагменте речь идет о констатации факта мгновенного изменения состояния, ведущего к достижению результата.

Глагольные леммы изначально (уже на уровне инфинитива) имеют

предельную или непредельную природу, которая актуализируется в синтаксическом контексте, например, наличием обусловленного прямого дополнения: *drink tea / drink a cup of tea*.

Сказанное говорит в пользу того, что видовая характеристика глагольного действия в английском языке зарождается на пересечении грамматических форм, лексических классов глаголов и лексико-синтаксических структур, что и составляет фундаментальное типологическое отличие английской аспектуальной системы.

Для выражения той же аспектуальной семантики осетинский язык задействует морфологические средства: предельность получает регулярную экспликацию через превербы, однако их полифункциональность не позволяет говорить о полной специализированности. Так, например, базовый глагол «арын» имплицитно кодирует процессуальную семантику непредельного действия со значением «находить, находиться в процессе поиска». Для экспликации предельной семантики, т. е. значения «найти», подразумевающего достижение внутреннего предела и переход в состояние обладания результатом, требуется обязательное присоединение к глагольной лексеме видообразующего маркера. В данном конкретном случае при присоединении преверба *с-* к глаголу *арын* преверб *с-* удваивается, в результате чего формируется перфективная глагольная лексема «ссарын» – «найти». Таким образом, оппозиция «процесс / достигнутый результат» реализуется не на лексико-семантическом уровне, а посредством облигаторной морфологической деривации, что является типологической особенностью осетинской аспектуальной системы. Например:

Кæмдæр та уын ссардта æнæхæрд бæстæ æмæ уæ хоны уый хæрынмæ [НК: 69]. – ... *нашел он для вас не тронутое еще вами вражье логово, полное добычи* [СН: 112].

Турецкая языковая система имеет в своем арсенале достаточно обширный лексический пласт предельных глаголов. Аспектуальное поведение последних (интерпретация действия как завершённого или

длящегося) строго регулируется предпочтением видо-временной формы (*di*–(*i*)*yor*–(*i*)*r*), словообразовательного аффикса (*-iver-*), аналитической конструкции (*-miş ol*) и границами когнитивно-коммуникативного контекста. Обратимся к материалу:

Satana, yüz torba odun kömürünü çabucak buldu, ama yüz tulum kurt sütünü bulmak için ne yapacağını bilemiyordu [NOHD: 67-68]. – *Без труда нашла Шатана сто мешков дубового угля, но не могла додуматься она, откуда достать ей столько молока волчицы* [CH: 118].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что одна и та же когнитивная схема «достижения предела действия» реализуется в трёх анализируемых языках по-разному. В английском языке значение предельности довольно часто «встроено» в семантику глагола или глагольной группы. В осетинском языке предельный характер действия чаще всего маркируется грамматически (превербами). В турецкой языковой системе предельность глагольного действия эксплицируется специальными аспектуальными конструкциями или контекстом в целом. Для экспликации схожего смысла языки разной структурной отнесенности, каковыми являются английский, турецкий и осетинский, способны задействовать разнообразные системные уровни, далеко не всегда совпадающие. Возникает та самая зона безэквивалентности, которая требует от исследователя особого осмысления и вовлечения в процесс определенных компенсаторных механизмов.

2.4.3. Завершенность/прекращение процесса как один из основных аспектуальных критериев глагольного действия

В аспектологической литературе принято дифференцировать два способа отображения завершенности действия: комплетив¹⁴ и терминатив.¹⁵

¹⁴ Термин «комплетив» в значении «достижения финала предельного процесса» был введен в обиход лингвистических исследований В. А. Плунгяном [2000: 301; 2011: 395–396].

Под комплетивом понимается видовое значение глагольной лексемы, указывающее на достижение действием своего логического предела, внутренней естественной границы, которая заложена в самой его природе. Это – та финальная точка, после которой действие не может продолжаться, так как оно себя исчерпало. Комплетив всегда перфективен, так как представляет действие как целостный, завершённый акт. Например:

Денджызы былмæ бахæццæ сты [НК: 68]. – *Достигли они берегов бурливого моря...* [СН: 111]. В английском варианте: *They **reached** the shores of the stormy sea, and began to swim across on their horses.* [TN: 152].

Как видим, в английской версии текста значение завершенности действия заложено в самой семантике глагольной лексемы *reach* – *достигать*, которая имплицитно содержит указание на неизбежное *прекращение* процессного действия.

В осетинском языке видовое значение завершенности процесса достаточно частотно эксплицируется также посредством преверба *фæ-*, который помимо исходного значения завершенности может приобретать оттенок интенсивности, основательности действия. Например:

Цас æй фæласта, чи зоны, фæлæ йæ иу æхсæв Саденджызы 'лдары бæхты дондарæны раппæрста кæронмæ [НК: 66]. – *Долго ли, коротко ли несли они его, но однажды ночью вынесли на берег в месте, куда пригоняли на водопой коней царя черноморского* [СН: 109].

Ни в одном из анализируемых языков не выявлено отдельного, грамматикализованного и специализированного показателя комплетива. Комплетивные смыслы возникают на стыке лексики и синтаксиса. Важно отметить, что комплетив – это семантическая разновидность перфектива. В противовес комплетиву, перфектив представляет собой более широкую аспектуальную характеристику действия.

¹⁵ Терминатив — это видовременная форма, выделенная И. С. Аксеновой [Аксенова 1997:104–105; 2003: 72], в языках банту как разновидность перфекта. Помимо общего значения текущей релевантности (current relevance), она передаёт частное значение «уже», указывая на то, что ситуация или её определённая фаза завершилась (или наступила) ранее некоторого момента времени (например, раньше ожидаемого срока).

Терминатив, в отличие от комплетива, кодирует факт прекращения действия в какой-то неопределенной точке. Для экспликации данного видового значения немаловажную роль приобретает облигаторность приостановки действия, при этом не существенно, исчерпало ли данное действие свой потенциальный ресурс или нет. Завершение действия способно принимать как форму точечного, целостного события, так и форму протяжённого или повторяющегося процесса. Поэтому терминатив допускает как перфективную, так и имперфективную трактовку.

В английском языке на завершенность действия чаще всего указывают глагольно-аналитические конструкции с лексемами *finish* (заканчивать), *stop* (останавливаться), *cease* (прекращать), *quit* (бросать), *give up* (отказываться), *leave off* (переставать делать) и др. в сочетании с герундием. Аспектуальное значение терминатива в подобных сочетаниях приобретает самые разные семантические оттенки в зависимости от значения смыслового глагола. Употребление глагола *finish*, например, акцентирует внимание реципиента на завершенности процесса, на его безусловное прекращение, вне зависимости от достижения или недостижения результата. Глагол *cease* в сочетании с инфинитивом или герундием, с одной стороны, семантически близок к *finish* (для обозначения завершения какого-либо состояния), а с другой – к *stop* (для указания на прекращение действия). Использование *cease* характерно для официального или возвышенного стиля речи, в отличие от стилистически нейтральных *finish* и *stop*. Глагольно-аналитические конструкции с *cease* способны транслировать как мгновенное прерывание действия, так и полное прекращение какого-либо состояния. Проиллюстрируем сказанное:

*He went no more on campaign. Nart youths **ceased** to ask his advice* [TN: 149] – *Не ходил он больше в походы. Перестала нартская молодежь спрашивать у него совета...* [СН: 108].

В осетинском языке эта же идея передана контекстуально-лексическими средствами:

Нал цыдис стæры, нал æй фарстой зондæй Нарты фæсивæд... [НК: 65]. Хотя, конструкции с фазовыми глаголами в языке не редки:

Хæйттæгонд куы фæци Гуымаг лæг, уæд дзуры Сосланмæ: — Нæртон лæг Сослан, хæйттæй дын бар! [НК: 87]. *Разделил оленя гумский человек и сказал Сослану: — Твое право, нарт Сослан, выбирать первому любую часть* [СН: 129].

Во всех трех привлеченных к анализу языках терминатив эксплицируется преимущественно лексически и (или) посредством глагольных конструкций с фазовыми глаголами. Таким образом, терминатив универсален, так как он лишь сигнализирует о прекращении активности и способен сочетаться с любыми процессными действиями, в то время как функция комплетива заключается в том, чтобы маркировать достижение предела. Обозначенное аспектуальное значение сочетается только с предельными глаголами.

Завершенность глагольного действия – это не просто один из многих критериев аспектуальной семантики, а основополагающая идея, позволяющая языковой системе расчленять целостную реальность на отдельные, осмысленные, завершенные языковые акты.

Принципиальное различие между действиями, стремящимися к внутреннему пределу, и действиями, длящимися бесконечно, заставляет языковую систему отыскивать самые разные механизмы придания завершенности даже тем процессам, которые по своей природе ее не предполагают.

2.4.4. Способы экспликации длительности глагольного действия в языках разной структурной модели (английском, осетинском и турецком)

Категория длительности представляет собой одну из основных аспектуальных характеристик глагольного действия. Данный фрагмент

работы посвящен разбору длительного СД как ключевой аспектуальной характеристики в рамках контрастивного анализа разносистемных языков – английского, осетинского и турецкого. Предложенный в работе контрастивный подход к анализу языковых явлений позволяет выявить как универсальные, так и идиоэтнические механизмы экспликации временной протяженности действия. Языковые коллизии кроются в неодинаковой функциональной нагрузке обозначенной категории, в стремлении глагольных лексем привлекать средства разноуровневой отнесенности для материального воплощения данной корреляции [Калабекова 2012: 319–320].

Обозначенная субкатегория имплицитно присутствует во всей глагольной лексике, поскольку глагол как часть речи облигаторно создает в сознании человека представление о времени, необходимом для реализации всякого действия [Реферовская 1984: 91]. Следовательно, любая грамматическая категория, импликатором которой является форма глагольного спряжения, априори предполагает присутствие временного значения [Калабекова 2012: 243]. В исследуемых языках длительность может эксплицироваться как на парадигматическом (внутри глагольной системы), так и на синтагматическом уровне, когда частные видовые значения конкретизируются неглагольными аспектуальными элементами [Закамулина 2016: 198]. Типологические различия между языками обуславливают специфику обозначенных средств, что находит отражение в межъязыковых коллизиях [Бондарко 2001: 115–116].

Согласно классификации Ю.С. Маслова, по степени интенсивности действие может быть: а) неограниченно длительным, б) ограниченно длительным и в) кратковременным [Маслов 2004: 322]. А.В. Бондарко рассматривает длительность не только как компонент ФСП аспектуальности, но и как самостоятельное ФСП, пересекающееся с полями временной локализованности, таксиса и темпоральности. Ученый дифференцирует внутреннюю/внешнюю и эксплицитную/имплицитную длительность, обращая внимание на тот факт, что действие может быть представлено и

безотносительно к его длительности [Бондарко 1987: 98–123].

Внутренняя длительность детерминирована аспектуальными характеристиками, инкорпорированными в семантику глагола. К таким лексемам относятся: 1) специально-длительные глаголы (*длиться, продолжаться*); 2) глаголы с семой временной протяженности (*играть, ждать*); 3) глаголы ограничительного (*посидеть*) и длительно-ограничительного (*просидеть*) способов действия. Таким образом, внутренняя длительность предполагает включение значения протяженности в семантику самой лексемы. Подобные образования обнаруживаются во всех привлеченных к анализу языках, так как глагольные лексемы способны нести двойную нагрузку: обозначать как сам факт совершения действия, так и его протяженность. Приведем лишь несколько примеров:

1. *But Batradz laughing **continued** to torment and pester him, just as though he had been nothing but a helpless chick in his hands* [TN: 389]. – *Но Батрадз, посмеиваясь, продолжал тормошить его, точно в руках его был цыпленок* [CH: 328];

2. *Nartlar **yemeğe devam ediyorlardı*** [NOHD: 45]. – *Нарты продолжали есть*;

3. *Афтæмæй Сатана æмæ Уырымæг лæг æмæ усæй **цæргæйæ базадысты*** [НК: 44]. – *Так Шатана и Урызмаг остались жить мужем и женой*.

Внешняя длительность оперирует маркерами лексического порядка, детерминирующими действие извне. Если внутренняя длительность относится к сфере внутреннего времени действия, то внешняя характеризуется средствами наружной детерминации с обобщенными семантическими признаками аспектуального диапазона [Реферовская 1984: 99].

Длительность как неоднородная характеристика процесса дифференцируется в речевой реализации по следующим параметрам: конкретная/неконкретная, ограниченная/неограниченная, протяженная

/замкнутая и др. Ограниченная длительность, например, как разновидность эксплицитной длительности, детерминирована пределом, сроком или количеством затраченного времени. Предел может быть конечным или сочетаться с маркером начала действия, а также быть связанным с наступлением другого акта в аспектуально-таксисных ситуациях. Эксплицитная длительность содержит интенсивные формальные маркеры, указывающие на меру, степень, объем, непрерывность, интенсивность или временные границы действия. Например:

1. *Insanların bu konuyla ilgileri **iki gün sürer**...* [NOHD: 40]. – *Не больше двух дней длится людская хула...*;

2. ***For seven days and seven nights** Wærxæg's guests feasted...* [PHK: 17]. – *Семь дней и ночей длился тир* [CH: 46];

3. *Sæ astæu sбадти æмæ **æмбисæхсæвмæ** фæкуыдта...* [PHK: 34]. – *Села она между ними и проплакала до полуночи...*;

4. *I cannot leave this place **until** I have sat and rested here **awhile*** [PHK: 29]. – *Не могу покинуть это место, пока не посижу и не отдохну здесь некоторое время.*

В последнем приведенном примере значение ограниченной длительности (лимитативности) действия формируется целым комплексом языковых средств. А именно: лексическим наречием *awhile*, прямо указывающим на временную протяжённость действия, и грамматической конструкцией *until* + *Present Perfect*, задающей условие для снятия временного ограничения. Важно подчеркнуть, что сама по себе перфектная форма (*have sat and rested*) не эксплицирует длительность, а демонстрирует завершенность действия и его предшествование моменту снятия ограничения. Именно совокупность обозначенных языковых средств и порождает лимитативное значение.

Специфика материализации категории длительности в каждом из исследуемых языков может быть систематизирована на материале параллельных фрагментов из нартовского эпоса, транслирующих одну и ту

же сюжетную ситуацию. В английском языке длительность транслируется преимущественно грамматическими формами прогрессива и лексико-синтаксическими средствами, контекстное окружение (*адвербиальные маркеры, придаточные предложения*) приобретает при этом особую значимость для экспликации искомого аспектуального смысла:

*Then Wyryzmæg noticed a little boy who **was running** around, so **light and swift** he run, that Wyryzmæg **could not follow** him [TN: 117]. – Увидел Урызмаг, что бегают по дому маленький мальчик и так легко и резво бегают он, что глаз не успевает следить за ним [CH: 79].*

В осетинском языке та же ситуация передается несколько иначе: глагольная лексема способна инкорпорировать в свою семантику видовое значение длительности через систему превербов и внутреннюю флексию, однако достаточно продуктивными являются также аналитические конструкции и лексические средства.

*Хæдзары хъазыд иу чысыл лæппу: **куы иуырдаем** азгъоры, **куы иннаердаем** – йæ фæзмæлдыл **цæст нæ хæцы**, **афтæ роу** [НК: 51].*

В данном фрагменте текста аспектуальное значение длительности эксплицируется комплексом разноуровневых языковых средств: наречиями, указывающими на направление движения, союзной конструкцией *куы ... куы*, задающей значение чередования действий, идиоматическим выражением *цæст нæ хæцы*, эксплицирующим непрерывность процесса за счет быстрой смены почти неуловимых для глаза актов перемещения, а также формами настоящего времени (*азгъоры, хæцы*), которые по умолчанию не маркируют завершённость. Все сказанное наглядно подтверждает тезис о том, что аспектуальные смыслы передаются в осетинском языке не одной формой, а синкретично.

В турецкой языковой системе доминирующей разновидностью экспликации длительного СД является интеграция грамматических формантов видового значения (аффиксов *-Ip dur-*, *-(i)yor*, *-makta* и др) в предикат: *Evde bir çocuk oynayıp duruyordu* [NOHD: 44].

Таким образом, с одной стороны, категория длительности представляет собой лингвистическую универсалию, присутствующую в каждом из анализируемых языков. С другой – способы ее грамматикализации демонстрируют существенные различия, обусловленные типологическими особенностями привлеченных к анализу языков. Именно эта обозначенная специфика каждой из языковых систем и эксплицирует наличие межъязыковых коллизий.

2.4.5. Категория кратности как одна из универсальных семантических субкатегорий ФСП аспектуальности (квантитативная характеристика процесса)

Под категорией кратности глагольного действия понимаем квантитативную характеристику процесса по числу его реализаций (однократность vs многократность). Обозначенная категория представляет собой одну из универсальных семантических категорий человеческого языка. При этом способы экспликации последней разнообразны и напрямую зависят от структурных особенностей каждого из языков. Такое многообразие охватывает весь спектр языковых средств – от морфологических и словообразовательных до лексических и синтаксических. Сопоставительный анализ формирования кратности в языках различного типологического строя (в нашем случае английском, турецком, осетинском) позволяет не только выявить универсальные и идиоэтнические черты данной категории, но и глубже разобраться в организации ФСП аспектуальности исследуемых языков.

Кратность в широком смысле – это функционально-семантическая категория, охватывающая значения, связанные с итеративностью действия. Ю.С. Маслов включал обозначенный СД в состав количественной аспектуальности, противопоставляемой качественной. ФСП кратности объединяет разноуровневые средства языка, служащие для экспликации повторяемости действия. Структура ФСП кратности в каждом языке своя

особая и определяется в первую очередь его типологическими характеристиками.

В аспектологической литературе традиционно принято выделять качественную и количественную аспектуальность. Качественная аспектуальность связана с внутренней структурой действия (динамичность/статичность, предельность/непредельность, результативность), количественная аспектуальность характеризует действие по параметрам кратности, интенсивности и длительности. Кратность понимается как «характеристика действия по количеству «крат» или непрерывности/прерывности осуществления» [Маслов 2004: 321] и рассматривается как одна из ключевых субкатегорий аспектуальности.

В русском языке семантика кратности реализуется в первую очередь в сложном взаимодействии грамматической категории вида и разноуровневых контекстуальных средств. Это взаимодействие часто порождает зоны неоднозначности (см. [Бондарко 2002; Падучева 2010; Шелякин 2008]). Несовершенный вид (НСВ) русского языка полифункционален и способен эксплицировать как однократное длительное действие, так и различные виды многократности, в том числе транслировать: а) общефактическое значение: «Я читал эту книгу» (факт, имеющий место в прошлом – кратность нейтральна); б) узואальное (хабитуальное) значение: «Он каждый день гуляет в парке» (регулярное повторение); в) ограниченно-кратное (итеративное) значение: «Я трижды звонил ему» (конкретное, ограниченное число повторений).

Совершенный вид (СВ), будучи по своей природе монофазным и целостным, в сочетании с квантитативными детерминантами типа *два раза*, *несколько раз* приобретает суммарное значение, представляя серию повторений как единый завершённый комплекс: «Он дважды постучал и вошел». Принципиальная трудность для анализа и перевода заключается в тонкой грани между ограниченно-кратным значением НСВ и суммарным значением СВ в контекстах с количественными показателями *дважды*, *три*

раза и др., где выбор вида часто зависит от угла зрения говорящего на имеющую место когнитивно-коммуникативную ситуацию.

Периферия ФСП кратности представлена разноуровневыми средствами. Поскольку видовые формы часто оказываются немаркированными относительно кратности, высказывание «он работал», например, может означать как однократное длительное, так и многократное действие. Ключевая роль в его осмыслении отводится средствам других уровней. Среди них:

а) лексические средства: наречия и обстоятельственные слова (*часто, редко, обычно, каждый день, по вечерам*); глаголы, обладающие итеративной семантикой (*бывало, случалось*); лексические повторы.

б) словообразовательные компоненты: приставочные и суффиксальные СД, предназначенные для экспликации кратности действия: суффиксы многократности *-ыва-/-ива-* (*хаживал*), суффикс однократности *-ну-* (*толкнуть*), приставки с дистрибутивным значением *по-, пере-* (*понабежали, переписать*).

в) синтаксические элементы: множественное число субъекта или объекта («Она рожала сыновей» vs «Она рожала сына»); конструкции с дистрибутивным значением (*дать по яблоку*); повторы предикативных конструкций (*что ни день, то новость*).

г) внутритекстовые составляющие: кратность может быть категорией композиционно-текстовой [Золотова 1998: 420]. Итеративное значение, однажды введенное в контекст, способно распространяться на большой фрагмент текста, как бы разворачивая его.

ФСП кратности в русском языке имеет ярко выраженное грамматическое ядро и обширную, гибкую периферию, что, с одной стороны, приводит к достаточно филигранной дифференциации значений, а с другой – создает почву для контекстуальной неоднозначности.

Преимущество сопоставительного анализа разноструктурных языков заключается в возможности проследить, как единая семантическая

субкатегория кратности преломляется через принципиально разные языковые структуры. Так, например, *однократность действия* в английском языке не имеет специализированных грамматических показателей, так как английская языковая система не располагает регулярным словообразовательным механизмом трансформации глаголов в однократный СД. Значение однократности действия эксплицируется преимущественно лексическими и контекстуальными маркерами. К ним относятся:

а) лексические показатели. Среди них: наречия и наречные выражения, указывающие на однократность – *once, one time, a single time* и т.п. Например:

Once he saw that the waves cast up white foam on the shore, and he was very glad. [TN: 88]. – *Однажды увидел он: вынесли волны белую пену* [CH: 53].

б) семантика глагола. Существуют глагольные лексемы, которые уже в своем исходном значении содержат компонент однократности – это так называемые моментальные или точечные глаголы типа *to blink* (*моргнуть*), *to flash* (*вспыхнуть*), *to knock* (*стукнуть*). Например:

*Zerashsha **glanced** at Akhshar, and mistook him for her husband* [TN: 89]. – *Взглянула Дзерасса на Ахсара и приняла его за своего мужа* [CH: 54].

в) видо-временные формы. Так, к примеру, прошедшее неопределенное время (Past Simple) в конкретно-фактическом значении часто транслирует однократное действие в прошлом. Например:

*He **tapped** Zerashsha with his magic felt whip, and she became alive, and seven times more beautiful than she had been* [TN: 99]. – *Ударил он Дзерассу своей волшебной войлочной плетью, ожила Дзерасса и стала в семь раз лучше, чем была при жизни* [CH: 64].

Важным средством экспликации однократности глагольного действия выступает синтаксическое целое «глагол + отглагольное существительное с неопределенным артиклем». Однако важно отметить, что обозначенная глагольно-аналитическая конструкция достаточно регулярно употребляется

лишь с ограниченной группой глаголов, показывающих физические действия или эмоциональные состояния, таких как *give a glance* (взглянуть), *to give a shout* (вскрикнуть), *to give a push* (толкнуть), *to take a step* (сделать шаг) и т.д. В остальных случаях мы можем лишь полагаться на широкий контекст с учетом семантики глагольной лексемы, а иногда и вовсе не показывать упомянутое видовое значение средствами переводного языка.

Обратимся теперь к способам экспликации однократного действия в турецком языке, располагающем, ввиду агглютинативного устройства, развитой системой аспектуальных модификаторов. Среди последних следует выделить формант **-iver-**, который эксплицирует мгновенность и внезапность действия. Однако этот аффикс сочетается почти исключительно с динамичными глаголами. Например:

Soslan en irilerinden bir tosunu kavradığı gibi nehrin öbür yakasına fırlatıverdi [NOHD: 72]. – *Сослан схватил одного из самых крупных быков и перебросил его через реку.*

Присоединяясь к основе глагола *-iver* (*-iver*, *-uver*, *-üiver*) в большинстве случаев маркирует стремительное, не растянутое во времени действие. Однократность здесь является дополнительным значением быстроты и внезапности, а не самостоятельным значением форманта. Аффикс *-iver-* не является специализированным показателем однократности и не может отождествляться с семельфактивом, который представляет собой лексико-акциональную, но не грамматическую категорию. Например:

Çocuk renkle atını yıkadı, ardından susuz bir tutkal çıkardı ve iri kumların üzerine iyice sürttü; bir başka tutkal daha çıkardı ve bu kez onu ince kumların üzerine iyice sürttü ve atı birden, bir dağ gibi iri ve güçlü bir at oluverdi [TN: 49]. – *Мальчик вымыл свою лошадь краской, обмазал её клеем, что клеит без воды, вывалял в щебне, затем снова обмазал клеем и вывалял в песке. И лошадь вдруг стала большой и сильной как гора*

Конструкция *-(y)Ir + vermek* эксплицирующая быстрое, внезапное или лёгкое действие косвенно также может указывать на однократность. Она

факультативна, не образует парадигмы и не является специализированным маркером однократности, но может рассматриваться как периферийное средство в зоне акциональных модификаций. Сказанное демонстрирует, что турецкая система располагает морфологическим и синтаксическим средствами акциональной модификации, которые могут давать однократное прочтение, но не специализированы на нём. Это отличает турецкий от английского, где однократность выражается преимущественно лексически и контекстуально. Вместе с тем турецкая языковая система для экспликации однократного СД может прибегать, подобно английскому языку, и к лексическим показателям, используя наречия *bir kere*, *bir kez*, *bir defa* (один раз). Например:

*Gözleri yaşla dolan Urizmeg: – Bana **bir kez daha** bak, diye bağırdı arkasından* [NOHD: 52]. – Урузмаг с глазами, полными слез, крикнул ему вслед: «Посмотри на меня еще раз!».

Рассмотрим теперь способы экспликации *многократности* глагольного действия (итеративности), которая охватывает различные параметры повторяемости глагольного действия: дискретную (прерывистую) множественность и мультипликативность (непрерывную множественность).

Английский язык значение кратности формирует через сложное взаимодействие аспектуально-временных форм, лексики и контекста в целом. Аспектуально-временные формы группы *Simple (Indefinite)* сами по себе нейтральны к значению кратности. Однако в сочетании с контекстуальными указателями они без труда приобретают итеративное или хабитуальное значение. Обратимся к материалу:

1. *Nart Urizhmag **often** went on cattle-raiding or hunting expeditions* [NOHD: 104]. – Часто уходил в походы нарт Урузмаг [CH: 67];

2. *While I have eyes to look out under my brows, I shall **always** act honorably, and honestly* [TN: 121]. – Пока глаза мои блестя из-под бровей, буду поступать я по чести [CH: 83].

Важным аналитическим средством экспликации узувальной

многократности действия в прошлом являются конструкции с *used to* и *would*.

Например:

*While growing up Batraz **used to** hide himself among the clouds in the sky* [TN: 382]. – *В детстве Батраз часто прятался среди облаков на небе.*

Примечательно, что модальный глагол *would* часто создает зону неоднозначности между итеративным и оптативным/условным значением, что, безусловно, является серьёзным вызовом для переводчиков [Уржа 2016: 490].

Большое значение в экспликации значений кратности в английском языке представляют лексико-грамматические и контекстуальные маркеры. При этом доминируют наречия частотности (*often, seldom, regularly, twice, many times*), фразовые глаголы, синтаксические конструкции (множественное число существительных), обобщающие местоимения, внутритекстовые механизмы (повторы, обобщающие описания и т.д.). Например:

During the day he tried many times to move the stone slab from the entrance, but could not even budge it [TN: 110]. – *He раз в течение дня пытался он отвалить от выхода плиту, но даже шевельнуть не смог ее* [СН: 73].

Одной из специфических черт английского языка является способность нефинитных форм глагола (инфинитива, причастия, герундия) в сочетании с заданным когнитивно-коммуникативным контекстом порождать двусмысленность в интерпретации действия как однократного или многократного. Категория кратности в английском языке лишена чёткого морфологического ядра. В центре обозначенной грамматической категории находятся аналитические конструкции (*used to, would*), а основная смысловая нагрузка ложится на лексические элементы и контекст в целом, что делает интерпретацию высказывания в высокой степени, зависимой от широкого текстового окружения.

Турецкий язык с ярко выраженной агглютинативной природой эксплицирует значение кратности глагольного действия преимущественно через морфологические и лексические составляющие. К морфологическим

языковым средствам относим суффиксы видового значения, трансформирующие акциональность. Среди них:

а) суффиксы многократности/повторности: **-(I)ş** (например, *bakmak* – смотреть, *bakışmak* – переглядываться).

б) суффикс длительности **-(I)yor** (аналог англ. Continuous) может косвенно взаимодействовать с кратностью действия, однако его сочетаемость со стативными глаголами ограничена.

Существенное значение в экспликации интенсивности или многократности действия отводим редупликации основы глагола. Например:

Balıkçı: –Böyle hızlı hızlı nereye gidiyorsun? [NOHD: 72], где *hızlı hızlı yürümek* обозначает быстрое, интенсивное действие (*идти быстро–быстро*).

– *Рыбак: Куда ты так быстро идешь?*

К лексическим языковым средствам, формирующим значение кратности глагольного действия, относим наречия *sık sık* (часто), *bazen* (иногда), *her zaman* (всегда), *iki kere* (два раза) и т.д. Например:

Bazen tehdit ederek, ***bazen*** yalvararak Urizmeg'e seslendi [NOHD: 57]. – Иногда умоляя, иногда угрожая, он звал Урузмага.

Nartların duaları her zaman kabul edilir. Böyle bir soğuk hava çıktı ki denizin üstü kısa sürede kalın bir buz tabakası ile kaplandı [NOHD: 90]. – Молитвы нартов всегда принимаются. Стало так холодно, что поверхность моря в короткое время покрылась толстым слоем льда.

Так же особую группу лексических средств передачи аспектуальных значений составляют глаголы-ономатопеи. В тюркских языках в целом такие глаголы уже самой своей формой часто эксплицируют единичное или множественное действие [Исхакова 1989: 111], однако в турецком языке их аспектуальная семантика не является свойством корня как такового, так как она складывается из комбинации корня, аффикса и контекста. Например:

Parçaları yerden kaldırdı, evine döndü. Çok kızgındı, bastonunun parçalarını bir köşeye fırlattı ve fildişi koltuğuna kendini bir külçe gibi bıraktı, öyle ki koltuk altında çatlayıp parçalandı [NOHD: 43]. – Он поднял осколки с

земли и вернулся домой. Он был в ярости, бросил обломки своей трости в угол и, словно свинцовый кусок, рухнул в свое кресло из слоновой кости, так сильно, что оно треснуло и разлетелось на части под ним. [СН: 77].

В приведенном примере однократность действия не маркирована специальным аспектуальным показателем, а выводится из временной формы (прошедшее категорическое время представляет действие как целостный завершённый факт) и семантики смыслового глагола.¹⁶ Существенным оказывается и отсутствие итеративных маркеров.

Или еще:

*Gök **gürlemesi** gibi bir sesle: – Köpek, eşek herif! Benim korkumdan topraklarımna gök fırtına gönderemez, üzerinde şahinler uçarmaz, karıncalar yürüyemezken sen hangi cesaretle sürülerini getirip otlatıyorsun? [NOHD: 84]. – С грохотом, подобным грому, раздался голос: – Собака, осёл проклятый! Небо не смеет греметь при мне, сокол боится пролетать над землей моей, муравей не смеет ползать по моим землям, а ты! Как же ты смеешь приводить свои стада и пасты их.*

В данном случае звукоподражательный глагол *gürlemek*¹⁷ эксплицирует длительный, интенсивный и повторяющийся (раскатистый) звук. В приведенном текстовом фрагменте он используется в качестве сравнения и создаёт образ мощного, протяжного голоса. Аспектуальное значение длительности и повторяемости здесь контекстуально.

Таким образом, категория кратности в турецком языке имеет неоднородную морфологическую периферию, представленную набором специализированных словообразовательных суффиксов и мощным лексическим компонентом. Согласно проведенному анализу, кратность как один из способов глагольного действия (СД) в турецкой языковой системе является категорией более обособленной, менее зависимой от широкого контекстуального влияния, чем в английской.

¹⁶ çatlamak- трескаться [Большой турецко-русский словарь 1998: 173]

¹⁷ *gürlemek-грохотать* [Большой турецко-русский словарь 1998: 368]

Осетинский язык представляет особый исследовательский интерес, так как содержит в своем составе специализированное грамматическое средство для экспликации многократности действия: аналитическую конструкцию с частицей **-иу**. Присоединяясь к глаголу в любой временной форме, обозначенный формант передаёт ему значение многократного, повторяющегося действия. Например:

Райсомæй-иу рацыдис Ныхасмæ æмæ -иу йæ бон уым арвыста адаммæ хъусгæйæ; кастис-иу, куыд æхстой фатæй Нарты фæсивæд, æмæ-иу æрлæууыдысты йæ лæппуы бонтæ йæ зæрдыл, æмæ та-иу изæры æнкъардæй бацыдис йæ хæдзармæ [НК: 65-66]. – С утра уходил нарт Урызмаг на ныхас и проводил там целые дни, слушая новости, которые рассказывали люди. Глядел, как состязается в стрельбе из луков нартская молодежь, вспоминал свои молодые годы и грустил о том, что никогда они не вернутся [СН: 108].

Помимо ядерной частицы **-иу**, для выражения кратности глагольного действия осетинский язык использует и другие средства. Среди них: а) лексические составляющие: наречия частотности (*арæх* – часто, *иухатт* – однажды и др.); б) словообразовательные компоненты: редупликация основ. Например:

1. *Елда дуæрттæ хоста, **рауай-бауай** кодта, æмæ йын дуар куы нæ кодтой, уæд мæстæй фæзæрдæдзæф – амард [НК: 43]. – По всему пустому дому **бегала** она. Снова стучалась в запертую дверь — не открывалась дверь. От злости разорвалось ее нежное сердце, и умерла Эльда [СН: 66];*

2. *Кæсы дын æмæ йæ фарсмæ Сатана бады, бæрз уисæй галты размæ тæры, йæ цæсгомæй йын залмысыфæй бындзытæ **асур-асур** кæны [НК: 47-48]. – Видит: сидит возле него Шатана, лопухом отгоняет мух от его лица, покрикивает на быков и подгоняет их березовой хворостиной [СН: 76];*

3. *Сослан ныххæцыди æрдуыл, **райваз-райваз** æй кæны, æмæ йын нæ комы ратонын [НК: 84]. – Схватил Сослан волос, тянет, тянет, а вырвать не может [СН: 126].*

Наличие специализированной частицы **-иу** делает категорию кратности в осетинском языке структурно более чёткой и грамматикализованной по сравнению с турецким и английским языками.

Проведённый анализ языкового материала позволяет сделать следующие выводы. Безусловным связующим ядром привлеченных к анализу языков является сам факт существования кратности как особой грамматической субкатегории в рамках ФСК аспектуальности, которая объединяет для экспликации схожих семантических инвариантов (однократность, многократность, узуальность) элементы разных языковых уровней. Типологические же различия проявляются в способе формирования кратности. В английском языке категория кратности аналитична и лексикализована. В турецкой языковой системе специальный показатель кратности отсутствует, его функцию берет на себя целый комплект агглютинативных суффиксов, находящихся на периферии поля аспектуальности. В осетинском языке категория кратности морфологически специализирована (частица **-иу**), что представляет собой редкий, уникальный в своем роде случай грамматикализации значения кратности действия.

Обозначенные различия имеют важное прикладное значение, напрямую отражаются в практике перевода, создавая зоны «повышенного риска». А именно: двусмысленность английского *would*, отсутствие прямых соответствий турецким аспектуальным суффиксам или осетинской частице **-иу**. Переводчик, работающий с иным языковым материалом, вынужден всякий раз не просто подбирать эквиваленты, а реконструировать всю структуру категории кратности на материале другого языка, используя для достижения сходного функционально-семантического эффекта средства других уровней языка. Таким образом, сопоставительное изучение кратности подтверждает тезис о её реализации с обширным инвентарём разнотипных средств, организация которых глубоко этноспецифична и отображает системные особенности каждого из языков.

2.4.6. Грамматикализованность средств экспликации аспектуальных значений в разноструктурных языках: критерии оценки

Грамматикализация представляет собой одно из наиболее дискуссионных понятий современной лингвистики. Как отмечает Е.Н. Виноградова, «существует <...> множество определений грамматикализации, которые значительно отличаются друг от друга» [Виноградова 2023: 65]. В одних работах грамматикализация рассматривается как диахронический процесс, в ходе которого лексические единицы приобретают грамматические функции (Meillet 1912; Heine 1991; Lehmann 2015). В других — как набор взаимосвязанных процессов (десемантизация, расширение, декатегориализация, эрозия), которые не обязательно проявляются одновременно (Hopper, Traugott 2003). В-третьих — как результат, синхронное состояние формы, закрепившейся за определённой функцией (Nicolle 1998; Prévost 2006). Особый вклад в систематизацию существующих подходов внес К. Фельтген (Feltgen 2025), который разграничил три эпистемологические роли грамматикализации (механизм, процесс и результат) и показал, что специфика грамматикализации состоит не в развёртывании процесса, а в функциональной природе нового значения, то есть в результате. Обозначенные подходы не противоречат друг другу, а как бы подсвечивают разные стороны одного и того же явления.

Разнообразие взглядов на определение понятия «грамматикализация» ведёт к расхождениям в параметрах шкал её оценки. Так, параметрическая модель К. Лемана [Lehmann 2015: 129–170] ориентирована преимущественно на морфологизацию; шкала MAGRAM¹⁸ требует диахронической реконструкции; количественные меры (частотность, дисперсия, энтропия) не

¹⁸ MAGRAM (MAInz GRAMmaticalization project) — проект DFG при Университете Майнца (руководители В. Бизанг и А. Мальчуков), в рамках которого на основе шести параметров К. Лемана, с последующей модификацией разработана шкала оценки грамматикализации. URL: <https://en.magram.fb05.uni-mainz.de/methodology/>

специфичны и не могут служить единственным и достаточным признаком; контекстная модель Б. Хайне [Heine 2002] (постепенное переосмысление единицы в новых контекстах) также требует диахронии. При этом для конкретных языковых единиц крайне редко в полной мере реализуются все критерии [Виноградова 2023: 68].

Для сопоставительного изучения аспектуальных значений в типологически различных и неблизкородственных языках наиболее убедительным представляется выбор синхронных критериев. Диахронические данные могут быть неполными, а сопоставление синхронных состояний позволяет выявить типологически значимые различия в функциональной нагрузке аспектуальных показателей. Продуктивность такого ракурса подтверждает А. Р. Айметдинов [Айметдинов 2024: 324].

В настоящем исследовании используется функционально-типологический подход, в рамках которого грамматикализация понимается как закрепление за конкретным языковым средством регулярной функции выражения аспектуального значения, при этом синхронные критерии охватывают средства разных уровней языка, что отвечает полемому подходу и задачам исследования. Основу предложенного в работе анализа составили три параметра: *облигаторность* (появление показателя в большинстве релевантных контекстов), *регулярность* (сочетаемость с широким кругом глаголов, включая неаспектуальные), *специализированность* (закреплённость преимущественно за конкретным аспектуальным значением).

Степень грамматикализованности значения определяется как высокая, если значение облигаторно, регулярно и специализированно. Средняя степень устанавливается в тех случаях, когда значение в языке регулярно, но не облигаторно, или не специализировано. Низкая степень соответствует значению, не обладающему ни облигаторностью, ни регулярностью.

Предлагаемая трёхкритериальная модель оценки степени грамматикализованности аспектуальных значений служит единой теоретической основой сопоставления разноструктурных языков и позволяет

выявить типологически значимые сходства и различия в способах их вербализации в английском, осетинском и турецком языках. Получаемая качественная и градуальная оценка (высокий/средний/низкий) опирается на системный анализ языка: описание грамматических парадигм, инвентаризацию средств выражения аспектуальных значений, анализ их сочетаемости и функциональной нагрузки.

Предложенная модель используется как инструмент первичной сопоставительной оценки, не претендует на исчерпывающую характеристику грамматикализационных процессов и охват всех возможных параметров; она опирается на минимальный набор критериев, однако достаточный для выявления значимых различий. Полученные результаты следует рассматривать как подлежащие уточнению на материале корпусных данных и диахронических реконструкций. Проиллюстрируем функциональность предложенной модели на примере начинательности в английском, осетинском и турецком языках.

В английском языке начинательность грамматикализуется на лексико-синтаксическом уровне. Выражение начала действия факультативно: языковые средства конкурируют и могут не использоваться, если начинательное значение не коммуникативно значимо. Регулярность средств передачи начинательности в английском языке ограничена стилистически и аспектуально, а их специализация имеет точечный характер: многие из них, например, *burst into V-ing* привязаны к узкому фрагменту семантики и ограничены в сочетаемости. Высокая специализация и узкая сочетаемость отдельных средств не позволяют им стать облигаторными показателями начинательности. Профиль по трём перечисленным критериям (облигаторность: низкая (O+), регулярность: средняя (P++), специализированность: средняя (C++)) даёт в результате среднюю степень грамматикализованности.

Начинательность в осетинском языке грамматикализуется на морфологическом и лексико-синтаксическом уровнях. Выражение начала

действия факультативно: оно может эксплицироваться превербами (*æрба-, ба-, ны-, а-, с-*), аналитическими конструкциями с фазовыми глаголами *байдайын / райдайын* или выводиться из контекста. При этом ни один из указанных способов не является единственным обязательным. Превербы осетинского языка обладают высокой регулярностью: они сочетаются с глаголами разных лексико-семантических классов и морфологически интегрированы с основой, однако полифункциональны и потому слабо специализированы.

Профиль по трём критериям (облигаторность: средняя (O++), регулярность: высокая (P+++), специализированность: низкая (C+)) показывает в результате среднюю степень грамматикализованности.

Начинательность в турецком языке грамматикализуется на морфолого-синтаксическом уровне. Выражение начала действия регулярно, но не облигаторно: основным средством его проявления является аналитическая конструкция *-maya başla-*. Глагол *başlamak* обладает высокой регулярностью: он сочетается с широким кругом глаголов, включая глаголы, не обладающие аспектуальной семантикой, и не ограничен узким лексико-семантическим классом. Специализированность представленной конструкции скорее средняя: глагол *başlamak* сохраняет инцептивное значение (что указывает на то, что процесс грамматикализации не завершён), функционируя и как полнозначный, и как вспомогательный.

Профиль по трём критериям (облигаторность: средняя (O++), регулярность: высокая (P+++), специализированность: средняя (C++)) в итоге даёт среднюю степень грамматикализованности.

Выводы к главе 2

Сопоставительный анализ средств экспликации аспектуальных значений в английском, турецком и осетинском языках позволяет сформулировать ряд выводов относительно структурной организации

функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности в каждом из привлеченных к анализу языков. Ключевым выводом проведенного исследования является подтверждение тезиса о том, что организация ядра ФСП аспектуальности детерминирована типологическим строем языка. Предпринятый анализ подтверждает, что ФСП аспектуальности в каждом из трёх языков организовано неодинаково, что объясняется принадлежностью языков к различным структурным моделям. Ядро ФСП аспектуальности осетинского языка образует морфологическая категория вида (СВ/НСВ), формируемая системой глагольных превербов (а-, ба-, ра-, фæ-, ны- и др.), обеспечивающих перфективацию, и суффиксом -цæй-, обеспечивающим имперфективацию. А также специализированная частица политемпоральной кратности *-иу*, которая регулярно участвует в экспликации количественной аспектуальности. Периферию формируют лексические средства, фазовые глаголы и контекст.

В турецком языке доминируют *аналитические конструкции и аффиксальные показатели*, многие из которых являются грамматикализованными и облигаторными. Характерной особенностью английского языка является то обстоятельство, что грамматически кодируется лишь одна аспектуальная корреляция (*прогрессив vs. непрогрессив*), тогда как все остальные видовые значения реализуются лексически или посредством лексико-синтаксических конструкций. Существенная роль при этом отводится контексту в целом.

Сопоставительный анализ английского, осетинского и турецкого языков в плане заявленной тематики показывает, что типологический строй языка определяет форму организации ядра ФСП аспектуальности (морфологическую, аналитическую или смешанную), но не степень сложности его аспектуальной системы. Решающую роль играют здесь следующие факторы: генетическая принадлежность, ареальные контакты и исторически сложившиеся когнитивно-коммуникативные приоритеты.

Наиболее показательными для типологического сравнения языков

оказываются те аспектуальные значения, которые в одних языках грамматикализованы, то есть эксплицируются обязательными грамматическими формами, а в других факультативны и транслируются лексически или контекстуально.

В анализируемых языках наблюдаются принципиально различные модели грамматикализации аспектуальных смыслов. В английском языке грамматикализации подвергается длительный СД (прогрессив), в то время как предельность и фазовость не имеют специализированных средств выражения и передаются преимущественно лексически. В осетинской языковой системе частично грамматикализованы предельность и начинательность (посредством превербов), в то время как прогрессив не имеет грамматического показателя. Турецкий язык занимает как бы промежуточное положение, демонстрируя высокую степень грамматикализованности длительности (*-iyor*), частично начинательности (*-maya başla-*), и даже хабитуальности (аорист *-(A/I)r*).

Лимитативный СД, под которым понимается отношение действия к внутреннему пределу, оказался зоной максимальных типологических расхождений. В осетинском языке обозначенный СД грамматикализован:¹⁹ превербы *а-, ба-, ра-, фæ-, ны-* и др. облигаторно маркируют достижение предела, превращая процессный глагол в результативный. Отсутствие преверба (нулевой преверб), как правило, сигнализирует о неопределённости или же длительности, что позволяет говорить о бинарной оппозиции «предельность / неопределённость», выраженной морфологически. В турецком языке лимитативность также имеет среднюю степень грамматикализованности. Её маркерами служат аффиксы *-di* (прошедшее определённое, часто с перфективным значением), *-miş* (перфект/эвиденциальность), а также синтаксическая конструкция «аккузатив прямого дополнения», которая при переходных глаголах однозначно указывает на предельность ситуации. Однако ни одно из этих средств не

¹⁹ См. таблицу.

специализировано на лимитативности; в языке отсутствуют облигаторные маркеры (сопоставимые с осетинскими поговорками), которые бы указывали на предельность действия, а значение завершённости может эксплицироваться контекстуально. В английском языке лимитативность имеет низкую степень грамматикализованности, так как отсутствует специализированный показатель предельности: различие между предельным и неопредельным действием выводится из семантики глагольной лексемы (*to reach / to wait*), из квантификации объекта (*to drink tea vs to drink a cup of tea*) или из целостного контекста. Английский перфект не является «чистым» показателем достижения предела.

Категория кратности, включающая политемпоральную итеративность (многократное повторение), хаби́туальность (обычное действие) и семельфактивность (однократное мгновенное действие), также обнаруживает ярко выраженную типологическую специфику. А именно: в осетинском языке итеративность/хаби́туальность имеет высшую степень грамматикализации благодаря специализированной частице **-иу**, которая, присоединяясь к глаголу, сообщает ему значение политемпоральной повторяемости. Частица **-иу** представляет собой специализированное грамматическое средство политемпоральной кратности, не имеющее прямых функциональных аналогов в английском и турецком языках. Семельфактивность в осетинском эксплицируется преимущественно поговорками (например, **ба-** для выражения однократного результативного действия) и оноματοпоэтическими глаголами.

В турецкой языковой системе хаби́туальность имеет среднюю степень грамматикализации. Основным грамматикализованным показателем обычного, повторяющегося действия является аорист аорист **-(A/I)r**, однако он не всегда обязателен, так как может заменяться другими формами, например **-yor** или **-di**. Семельфактивность не имеет специализированного грамматического показателя; соответствующие значения передаются прежде всего аффиксом мгновенности **-iver** (**-iver**, **-uver**, **-üiver**), который сочетается с

динамическими глаголами и выражает внезапное, стремительное, часто однократное действие. Важную роль для экспликации кратности в турецком языке отводится ономотопеям, особенно при редупликации: в зависимости от семантики глагольной основы и контекста они могут сигнализировать как об однократности, так и о многократности действия, но это лексико-контекстуальное, а не грамматикализованное средство.

В английском языке и хабикулярность, и семельфактивность имеют среднюю степень грамматикализованности. Для экспликации хабикулярности используются аналитические конструкции *used to*, *would* (только для плана прошлого), времена группы *Simple* и наречия частотности (*often*, *usually*), а также контекст в целом. Для семельфактивности – лексические средства (*once*, *one time*), конструкции типа *give a glance*, а также семантика моментальных глаголов. Регулярного словообразовательного механизма для трансформации глаголов в однократный СД в английском не существует.

Следует отметить, что во всех трёх языках контекстуальное окружение играет существенную роль в интерпретации аспектуальных значений. Однако при этом его влияние обратно пропорционально степени грамматикализации того или иного СД. Там, где грамматический показатель облигаторно присутствует, значимость контекста минимальна; там же, где грамматический маркер отсутствует (например, при экспликации длительного глагольного действия в осетинском языке), роль контекста становится определяющей. Контекст берёт на себя компенсаторную функцию, заполняя лакуны в грамматической системе языка.

Результаты предпринятого анализа обобщены в виде таблицы, систематизирующей основные средства экспликации ключевых аспектуальных значений (*предельности*, *фазовости*, *длительности*, *кратности*) в осетинском, английском и турецком языках. В основу предложенной классификации легли следующие аспектуальные критерии:

1. для каждой языковой системы введены уровни реализации аспектуальных значений: морфологический уровень (**М**), синтаксический

уровень (С), лексический уровень (Л), контекстуальный уровень (К);

2. степень грамматикализованности²⁰ аспектуального значения в каждом из анализируемых языков выводится путём комбинации трёх ключевых параметров: *облигаторности, регулярности и специализированности.*

Сопоставительный анализ аспектуальных параметров английской, осетинской и турецкой лингвосистем (Таблица)

Аспектуальное значение	Язык		
	Английский	Осетинский	Турецкий
Начинательный СД в его двух логико-вербальных ипостасях: инхоативность, ингрессивность процесса	М: отсутствует, единичные словообразовательные маркеры (<i>enlarge</i> – <i>увеличить</i>, <i>simplify</i> – <i>упроститься</i>) нерегулярны. С: аналитические конструкции: <i>start / begin to V / V-ing, get to V, go V-ing, burst into V-ing, to come to, set about V-ing, be on the point of V-ing</i> Л: фазовые глаголы – лексемы, в семантике которых заложено значение <i>начальной фазы действия</i>: <i>start, spring up</i>; лексические инхоативы типа <i>set off, take off</i>; конструкции <i>become/get/grow/turn/go /come/fall + Adj</i> К: <i>suddenly, at once, immediately, instantly</i>; нарративная структура высказывания (начало как сюжетная точка отсчета).	М: превербы <i>ба-, æрба, ны-, с-, ба-</i> : результативно-начинательный СД <i>æрба-</i> : внезапно-начинательный СД <i>ны-</i> : интенсивно-начинательный <i>с-</i> : нейтральный ингрессив. С: конструкции с фазовыми глаголами: <i>райдайын, байдайын</i> – <i>начинать</i>. Л: глаголы, в семантике которых заложено значение начальной фазы действия (<i>араст уын</i>). К: нарративная цепочка с <i>ба-, æрба-</i> маркирует начало событий; контекстное окружение уточняет способ протекания действия: <i>внезапность / результативность</i>.	М: отсутствует. С: аналитическая конструкция <i>-mАуа başla-</i> (регулярный показатель начинательного СД), конструкции с <i>koyulmak, girişmek</i> Л: глагольные лексемы, в семантике которых заложено значение начала действия: <i>başlamak, doğmak</i> К: контекстуальные маркеры <i>birden, ilk defa, ansızın</i> уточняют способ протекания действия
степень грамматикализованности значения			
	<i>Средняя</i>	<i>Средняя</i>	<i>Средняя</i>
	О+; Р++; С++	О++; Р+++; С+	О++; Р+++; С++

²⁰ панель отражает синхронную грамматикализованность

Лимитативность как одна из ключевых характеристик ФСП аспектуальности	Лимитативный СД зарождается на пересечении грамматических форм, лексических классов глаголов и лексико-синтаксических структур. М: Past Simple (немаркированная завершённость). С: квантификация объекта (артикли, детерминативы); фразовые глаголы. Л: акциональные классы глаголов: результативные глаголы; адвербиалы типа <i>in an hour</i> . К: нарративная последовательность.	М: превербы <i>a-, ба-, ра-, фæ-</i> способствуют перфективации действия. С: конструкции имя + вспомогательный глагол: <i>иу кæнын</i> ; глагол в творительном падеже + <i>æфсæдын</i> : <i>бадынæй бафсæдын</i> Л: лексическая семантика глагола задаёт базовую способность ситуации: <i>предельность/непредельность</i> ; адвербиалы предельного действия: <i>æфсæдзмæ, кæронмæ, цалымæ</i> . К: контекст существенен для интерпретации неоднозначных ситуаций; нарративная цепочка: последовательность глагольных форм в аористе, когда сама позиция глагола в цепочке, а не его внутренняя семантика или наличие преверба, сигнализирует о достижении действием предела и завершённости до начала следующего действия	М: глагольные аффиксы, указывающие на завершённость и результат <i>dI, mIʒ</i> ; С: конструкции с деепричастиями могут транслировать предельность первого действия как условие для второго; доминирующим средством экспликации предельного СД выступают послелог и падежи; прямое дополнение в винительном падеже при переходном глаголе, семантика которого предполагает естественные границы, обычно ведёт к предельному прочтению всей предикации, т.е. аккумулятив объекта = предельное прочтение. Л: акциональные классы глаголов – лексическая семантика глагольной лексемы задаёт базовую способность ситуации быть предельной или непредельной; адвербиалы типа <i>bir saatte</i> . К: дискурсная ситуация в целом.
	степень грамматикализованности значения		
	<i>Низкая</i>	<i>Средняя</i>	<i>Средняя</i>
	<i>O+; P+; C+</i>	<i>O++; P+++; C+</i>	<i>O++; P++; C++</i>
Завершенность/прекращение процесса как один из основных аспектуальных критериев глагольного действия	М: отсутствует С: конструкции с фазовыми глаголами; квантификация объекта с детерминативами, указывающими на исчерпанность действия (<i>the whole</i>	М: превербы <i>фæ-, a-, ба-, ра-</i> . С: аналитические конструкции: фазовый глагол со значением завершённости действия + смысловой	М: глагольные аффиксы, указывающие на завершённость и результат <i>dI, mIʒ</i> . С: конструкции с деепричастиями способны

	<i>book, all the work</i>); фразовые глаголы с частицами <i>up, out, off</i>. Л: глаголы с семантикой завершенности процесса; адвербиалы результативности действия. К: контекст сигнализирует о достижении действием своего конечного предела.	глагол; причастие + вспомогательный глагол: <i>бахæццæ сты</i>. Л: глагольные лексемы, семантика которых предполагает завершенность действия; адвербиалы со значением результативности процесса. К: нарративная цепочка: завершенность каждого предшествующего действия существенна для последующего действия.	эксплицировать предельность одного действия как необходимое условие для совершения следующего действия; послелого (<i>kadar</i>- может задавать внешний предел действию) и падежи (определенный объект в винительном падеже сигнализирует о завершенности действия). Л: глаголы с семантикой завершенности процесса; адвербиалы типа <i>bir saatte</i> К: цепочка глаголов в форме прошедшего определенного времени в повествовании интерпретируется как последовательность завершенных событий; контекст разграничивает эвиденциальность и перфектное значение аффикса <i>mIʃ</i>.
	степень грамматикализованности значения		
	<i>Низкая</i>	<i>Средняя</i>	<i>Средняя</i>
	<i>O+; P+; C+</i>	<i>O+++; P+++; C++</i>	<i>O+++; P+++; C++</i>
Способы экспликации длительности глагольного действия в разносистемных языках: английском, турецком, осетинском.	М-С: <i>be + Ving</i> (прогрессив) форма облигаторна для экспликации процесса в конкретный момент времени, грамматикализована в рамках системы времен индикатива. С: <i>used to, would</i> (хабитуал. прош.), <i>keep V-ing</i>; Л: адвербиалы: <i>for hours, all day long</i>.	М: специальный показатель прогрессива отсутствует; глагол без преверба; имперфективация глагола с превербом при помощи <i>цæй</i>-; преверб <i>фæ</i>- С: порядок слов; аналитические конструкции: причастие + вспомогательный	М: аффиксы <i>-iyor, -iyordu</i> являются облигаторным показателем прогрессива. С: конструкции: <i>takta ol-</i> показатель прогрессива <i>-ip dur-</i> (причастие + вспомогательный глагол). Л: семантика смыслового глагола, послелого,

	К: контекст облигаторен для интерпретации форм <i>Simple</i> .	глагол: - <i>гә</i> <i>уәвын/кәнын</i> ; редупликация основы: <i>кәугә-кәугә</i> <i>баздәхтис</i> ; деепричастия (<i>ныхасы</i> <i>бадгәйә</i>) или деепричастные обороты (<i>кәсгәйә</i> <i>баззад</i>). Л: семантика смыслового глагола; адвербиалы. К: нарративный фон, антитеза с превербными формами.	адвербиалы: <i>boyunca</i> , <i>süresince</i> . К: значение контекста минимально при наличии аффиксов - <i>Iyor</i> , <i>takta ol-</i> и существенно в прошедшем категорическом времени.
	степень грамматикализованности значения		
	<i>Высокая</i>	<i>Низкая</i>	<i>Высокая</i>
	<i>O+++; P+++; C+++</i>	<i>O+; P+; C+</i>	<i>O+++; P+++; C+++</i>
Категория кратности как одна из универсальных семантических субкатегорий ФСП аспектуальности (квантитативная характеристика процесса) – итеративность /мультипликативно сть / хабитуальность)	М: отсутствует С: аналитические конструкции <i>keep V-</i> <i>ing, used to, would</i> ; адвербиалы частотности действия. Л: адвербиалы (<i>often</i> , <i>repeatedly</i>); итеративные глаголы. К: для <i>Present Simple</i> в хабитуальном значении роль контекста существенна.	М: частица <i>иу-</i> : политемпоральная кратность; преверб <i>фә-</i> : дистрибутивный СД; редупликация. С: имя во мн. ч. в составном глаголе (<i>әртывттыта</i> <i>калдта</i>). Л: адвербиалы типа <i>алыхатт</i> ; итеративные глаголы. К: хабитуальные контексты; нарративный фон	М: аорист (- <i>Ar</i> / - <i>Ir</i>)- основной грамматикализованн ый показатель хабитуальности; <i>малопродуктивный</i> аффикс - <i>ıç</i> : <i>bakışmak-</i> <i>переглядываться</i> . С: конструкция деепричастие на - <i>ip</i> + вспомогательный глагол <i>durmak</i> (<i>продолжать что-</i> <i>либо делать</i> <i>длительно и</i> <i>многократно</i>). Л: адвербиалы <i>sık</i> <i>sık, defalarca</i> . К: значение контекста при аористе минимально; в других временных формах может транслировать итеративность.
	степень грамматикализованности значения		
	<i>Средняя</i>	<i>Высокая</i>	<i>Средняя</i>
	<i>O++; P++; C++</i>	<i>O+++; P++; C+++</i>	<i>O++; P++; C++</i>
– однократность (семельфактив)	М: отсутствуют. С: конструкции <i>give a</i> <i>V, have a V, burst into</i> <i>Ving</i> . Л: глаголы в значении	М: превербы, нулевой показатель политемпоральной кратности С: составные глаголы	М: аффикс мгновенности <i>Iver</i> . С: конструкция: деепричастие на - <i>ip</i> + вспомогательный

	которых заложена однократность действия; адвербиалы. К: контекст дифференцирует однократное/многократное прочтение.	с <i>кæнын</i> от звукоподражаний. Л: глаголы с семантикой однократного действия; адвербиалы (<i>иу хатт</i>). К: нарративная цепочка интерпретируется как ряд однократных событий.	глагол (чаще <i>vermek</i>). Л: лексические семельфактивы; адвербиалы: <i>bir kere</i> – <i>один раз</i>. К: контекст
	степень грамматикализованности значения		
	<i>Низкая</i>	<i>Средняя</i>	<i>Низкая</i>
	<i>O+; P+; C+</i>	<i>O+++; P+++; C++</i>	<i>O+; P+; C+</i>

Глава 3. Межъязыковые коллизии в аспекте функциональных сближений грамматических категорий разноструктурных языков

3.1. Взаимосвязь и взаимообусловленность языковых категорий с позиций объективной реальности

Понимание проблемы межкатегориальных связей в типологическом аспекте актуально как для общего языкознания, так и для описания конкретных языковых систем. Грамматика любого естественного языка отражает способы мышления, познания и воссоздания действительности, которые характерны для носителей определенной лингвокультуры. В основе всякого языкового разбора лежит терминологический аппарат. В современной лингвистике существуют самые разные подходы к трактовке понимания грамматической категории и определению места последней в системе языка. Под термином «грамматическая категория» (ГК) подразумеваются такие большие языковые группы, как части речи, в пределах которых актуализируются более частные языковые образования. Так, например, в рамках многогранной глагольной категории актуализируются категории *вида, времени, наклонения и залога*. Являясь одним из ядерных понятий грамматики любой языковой системы, *грамматическая категория* дает ключ к пониманию того, как функционирует тот или иной язык. Языковые системы разнятся по количеству и составу ГК, по способу экспликации разных грамматических значений, отнесенности одной и той же ГК к той или иной части речи и т. д.

В предпринятом в настоящем параграфе анализе под *грамматической категорией* понимается модель «противопоставления друг другу однородных грамматических значений» в совокупности с системой эксплицирующих их формальных языковых средств [Норман 2003: 200]. Определяющим фактором в такой оппозиции становится категоризирующий признак, а наличие как минимум бинарного противопоставления представляется

облигаторным.

Что касается взаимосвязи глагольных категорий, то она, согласно В.Г. Гаку, обнаруживается «на формальном уровне — во взаимной зависимости парадигм — и в функциональном плане — в ограничениях, которые категории накладывают на взаимное употребление» [Гак 2000: 148]. Ю.А. Пупынин, развивая эту мысль, показывает, что формальный и функциональный уровни языка не являются независимыми: поскольку каждая грамматическая категория билатеральна и неразрывно соединяет форму и содержание, пересечение категорий «должно обнаруживаться как в плане формально-структурного выражения, так и в плане функционально-семантического содержания» [Пупынин 1996: 43]. Пересечение глагольных категорий при этом выступает одним из проявлений их взаимосвязи. Из этого следует, что для описания взаимосвязи глагольных категорий необходимо учитывать оба аспекта. Соответственно, парадигматический подход, раскрывающий устройство языковой системы, и функциональный подход, описывающий механизмы её речевой реализации, не исключают, а дополняют друг друга. Полнота анализа глагольных категорий предполагает комплексное применение обоих подходов.

Безусловный исследовательский интерес при изучении межкатегориальных связей представляет глагольная лексика, которая, являясь ядром предикативного высказывания и имея развитую систему словоизменения и формообразования, вбирает в себя целый комплекс грамматических значений. В рамках настоящего параграфа проследим за некоторыми пересечениями глагольных категорий.

Категории вида и времени. Аспект характеризует всякое глагольное действие по признаку его распределения во времени [Пешковский 2001: 105]. Обозначенная характеристика в языках разной структурной отнесенности получает априори неодинаковую морфологическую либо морфолого-синтаксическую экспликацию. Так, если в русском языке глагольный вид являет собой бинарную оппозицию завершённого/незавершённого действия,

а граница аспектуальных различий обуславливается отношением действия к своему внутреннему пределу, то в английской языковой культуре глагольные лексемы противопоставлены друг другу в первую очередь по принципу длительности/недлительности процесса и характеризуют действие не с точки зрения его завершенности (как в русском языке), а с точки зрения способа его протекания во времени.

Говоря о виде в английском языке, мы имеем в виду, прежде всего, оппозицию длительного (continuous) и неопределённого (indefinite) видов. Хотя, как об этом уже говорилось, далеко не все ученые признают существование аспекта в качестве самостоятельной грамматической категории. Есть мнение, что вид нерационально выделять в самостоятельную грамматическую категорию, так как категория вида исчезла из языка на определенном историческом этапе, уступив место разветвленной системе видо-временных глагольных форм. Видовое значение всегда «сопряжено с указанием на отрезок времени, в котором протекает действие и, соответственно, выражено в рамках времени» [Иванова 1981: 53]. Сказанное приводит к пониманию того, что изолированных аспектуальных форм вне временных границ в английской языковой культуре не существует.

Веским подтверждением сказанного является тот факт, что практически во всех индоевропейских грамматиках вид и время рассматриваются как две взаимосвязанные категории. Взаимосвязи аспектуальных и темпоральных значений, по мнению А.В. Бондарко, «относятся к ядру той категориальности, на которой зиждется грамматический строй языка. Такие комплексы сопряженных категорий, как аспектуально–темпоральный, аспектуально–таксисный, темпорально–модальный и т. п., представляют собой не периферийное явление, а один из центральных фактов грамматической системы языка» [Бондарко 1984: 8]. Когда же речь заходит об извлечении собственно аспектуальных или собственно темпоральных семантических значений для их привлечения к лингвистическому анализу, то такое действие выглядит как вполне

закономерное, но вторичное абстрагирование «по отношению к первичному и исходному в языковой онтологии синкретизму» [Там же].

«Чистых» грамматических значений, свободных в своей вербальной актуализации от межкатегориального взаимодействия и взаимовлияния не существует. Речевые «семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких категорий в определенных условиях, связанных с лексическими значениями словоформ, контекстом и речевой ситуацией» [Бондарко 2011: 85].

Согласно концепции А.В. Бондарко, «вид английского глагола как система форм прогрессива, основного и перфектного разряда включает в себя отношения неопозитивного различия: оппозицию представляет лишь соотношение прогрессива и основного разряда; перфект же относится к иной плоскости» [Бондарко 1983: 9]. Т.Н. Хомутова выделяет общий и длительный вид [Хомутова 2006: 87]. Исследователь отмечает, что общим видом может эксплицироваться и процесс (действие или состояние), однако глагольная форма этого не отражает. Обратимся к материалу:

1. He **followed** it for a long time and at last grew tired and angry, and decided to take a rest [TN: 232] – Долго шел Сослан за оленем, наконец устал, рассердился и, решив отдохнуть, прилег под дерево [CH: 182];

2. But they **looked** angrily at Urizhmag, and none rose to greet him, as custom demanded [TN: 323] – Но они сердито смотрели на Урызмага, и никто из них не поднялся, чтоб поприветствовать его, как подобает по обычаю;

3. The Narts **watched** this struggle from a distance [TN: 461] – Нарты издали наблюдали за битвой [CH: 391].

Немаловажная роль в экспликации аспектуальных смыслов в английском языке отведена контексту и лексической наполненности глагольной леммы. Грамматическая категория вида, выражаемая морфологическими средствами, самым тесным образом переплетена с аспектуальной семантикой глагола. В этом случае вид рассматривается с

позиций функциональной грамматики, в фокусе которой лежат универсальные языковые категории, совокупность средств, относящихся к разным пластам языка, но выполняющих общую семантическую функцию. Тот факт, что каждый естественный язык располагает своими собственными инструментами для трансляции аспектуальных значений, дает основание считать функционально-семантический подход к трактовке языковых явлений некоей универсальной константой. Допустимо предположить, что, когда мы говорим о *виде* и *времени*, справедливее говорить о взаимообусловленности или облигаторном сосуществовании упомянутых грамматических категорий, которые в английском языке представляют собой единый комплекс в структуре предиката.

Категории вида и наклонения не являются взаимообусловленными, так как существуют языки, где аспект как самостоятельная грамматическая категория не представлен. Если же в языке категория вида все же выявляется, то она самым непосредственным образом связана с категорией наклонения. Категория *наклонения* является одним из основных способов экспликации *модальности*, но с тем лишь условием, что в языке нет препятствий для её существования. «Наслоение одного категориального значения на другое (в нашем случае аспектуального на модальное) является своеобразным отражением языковой асимметрии как одной из фундаментальных универсалий в системно-структурной организации этнических языков» [Калабекова 2013: 35].

Модальность не может быть отнесена к ГК, так как не имеет ни оппозиционных значений, как в любой другой грамматической категории, ни однородности. Это – функционально-семантическое формирование, эксплицирующее отношение информации, содержащейся в конкретном высказывании, к реальной действительности или же отношение автора утверждения к его содержанию. Модальность транслирует множество разнообразных значений: *разрешение, долженствование, способность* и т.д. Взгляды ученых на количество разновидностей модальности и их

истолкование могут отличаться в различных источниках. Несмотря на большое количество научных работ, нет единства мнений по поводу ключевых аспектов модальности. Дискуссионными остаются вопросы об объеме обозначенного понятия, его внутренней структуре, типологии видов модальности, а также о наборе языковых средств, служащих для ее экспликации. В целом же в отечественной лингвистике принято выделять противопоставление двух типов модальности: объективной и субъективной.

В зарубежной лингвистике принято различать два типа модальности: корневую, которая охватывает все «реальные» модальные значения (возможность, необходимость, долженствование), и эпистемическую, которая связана с оценкой достоверности высказывания, в последнем случае говорящий не просто сообщает о положении дел, но и принимает на себя ответственность за истинность сообщаемого [Lyons 1977: 793]. Корневая модальность относится всегда к самому действию: может ли оно случиться в реальной действительности, должно ли, хочет ли кто-либо его совершить и т.д. Корневая модальность делится, в свою очередь, на две разновидности: деонтическую модальность, связанную с различного рода предписаниями, разрешениями, запретами [Lyons 1977: 823–841], и динамическую, которая, согласно Ф. Палмеру, не сводится лишь к значению способности или умения, а охватывает также субъектно-ориентированную модальность волеизъявления [Palmer 1986: 39].

Тесная взаимосвязь между темпоральным и модальным значениями прослеживается и в осетинском языке: здесь временные показатели могут нести факультативную модальную нагрузку и наоборот. Например:

Куы фæцæф ис, уæд ныллæджыты атахтис, æмæ мæнæн йæ тугæдыл æнæ цæугæ нæй. Кæнæ йæ хъуамæ æрцахсон, кæнæ йæ фæдыл хъуамæ амæлон, æндæр гæнæн мын нæй [НК: 27]. — *Низко, над самой землей, летела она, оставляя кровавый след. Я должен пойти по этому следу — или поймаю ее, или погибну, — не могу поступить я иначе* [СН: 51].

В английском языке основным средством экспликации модального

значения являются модальные глаголы, такие, как *must, can/could, may/might*, а также эквиваленты последних: *have to, to be able (to), to be allowed to*. Принято считать, что модальные глаголы в форме настоящего времени, если они употреблены в неэпистемическом (в их прямом, «реальном») значении, всегда указывают на план будущего. Иными словами, высказывания с семантикой *долженствования, возможности* или *желания* имплицитно отсылают к действию, которое еще не реализовано, но может или должно реализоваться в последующем временном отрезке. Как отмечает Т.А. Сухомлина: «Ориентация на будущее часто определяется самим говорящим, зависит от его выбора и от его намерения представить будущий факт, как реальность, которая независимо ни от каких условий будет иметь место» [Сухомлина 2014: 93]. На особую связь модальности и будущего времени в английской языковой системе указывают многие исследователи, признавая модальный характер значений всех разновидностей будущего времени. Л.С. Бархударов обращал внимание на то, что «английский язык обладает способом отнесения действия к сфере будущего, но из этого еще не следует, что в системе форм английского глагола существует особая категория будущего времени» [Бархударов 1975: 128].

В турецком языке аспектуальность и модальность настолько тесно переплетены, что их рассматривают как части единой системы ТАМ (Tense-Aspect-Modality) [Aksu–Koç 2024]. Эти категории эксплицируются одними и теми же полисемантическими аффиксами. Например, аффикс продолженного времени *-(i)yor* способен транслировать модальный оттенок намерения совершить действие в будущем, а аффикс перфекта *-miş* служит в большей степени маркером эвиденциальности.

Во всех привлеченных к анализу лингвосистемах формы *вида, времени, наклонения* переплетены и активно взаимодействуют, пусть даже и с неодинаковой долей интенсивности. Сравним:

Now you may call your Bodzo as long as you like. He will not come. Just as you have lost him, so you have lost all the sheep you possessed! [TN: 112]. –

Гъеныр уым «Бодзо! Бодзо!» кæн, куырм хæрæг! Ацы фосæй ды цы ницыуал фенай, де 'ннаæ фæллоуæ дæр æндæр мацыуал фен! [НК: 65]. – Теперь ты можешь кричать (=сколько хочешь кричи) Бодзо, Бодзо! Он не придет. Так же как ты лишился его, так же лишился и всего принадлежавшего тебе стада.

Как видим из приведенных примеров, в английской версии текста модальное значение эксплицируется модальным глаголом *may*, в осетинской – императивом. Как, впрочем, и в турецкой:

Şimdi Bodzo'nu istediğin kadar çağır, kör eşek, diye bağırdı. Mallarının geri kalanı da sürün gibi elinden uçar umarım! [NOHD: 58].

Приведем еще примеры: *He then ordered that they should bring his three daughters to Shoshlan, and then addressed him so, Our dear guest! All my three daughters I give to you as your wives. Such beauties as these, of course, you **will not find** (= can not find) anywhere! With them you **will live** (= can live) among us very gaily and gladly your whole life through!* [TN: 205]. – Ме «ртæ чызджы дын бинонтæн дæттын. Ахæм рæсугъдтæ **никуы ссардзынæ** ды, дæ цæрæнбонтæ амондджын æмæ хъæлдзæгæй **арвитдзынæ** семæ [НК: 118]. – И привел повелитель чертей к Сослану трех своих дочерей. «Гость наш дорогой», – сказал он Сослану, – всех трех любимых своих дочерей отдаю я тебе в жены. Таких красавиц, ты, конечно, нигде не найдешь (= не сможешь найти). С ними ты проведешь (=сможешь провести) у нас весело и счастливо всю свою жизнь [СН: 159].

В приведенном текстовом фрагменте модальное значение возможности совершения действия показано посредством будущего времени.

Или еще:

*You **should** leave us alone, and go on your ways. If you don't, and my master awakes, you will be sorry for your little amusements!* [TN: 131]. – Вам стоит оставить нас в покое и идти своим путем. А то, если проснется мой хозяин, раскаетесь вы в ваших забавах.

В английской версии текста модальность реализуется посредством

модального глагола *should* (должен, стоит), позволяющего высказать рекомендацию, совет, а в осетинской – формой императива:

Ма кæнут, ауадзут нæ нæ фæндагыл. На 'мæ куы райхъал уа мæ барæг, уæд уæм хорз нал фæкæсдзысты уæ митæ [НК: 294]. – *Не делайте этого, дайте нам следовать своим путем. А то, если проснется мой хозяин, расскается вы в ваших забавах.*

Подводя итог сказанному, отметим, что глагольные категории находятся в сложных и разнообразных взаимосвязях. Формы одних наклонений могут употребляться в значении других, глаголы одного временного плана способны эксплицировать значение другого, частные аспектуальные значения могут осложняться модальными оттенками и т.д. Схемы межкатегориальных взаимодействий в языках разной типологической модели во многом разнятся. Во главу угла ставится всякий раз стремление определенной лингвокультуры к полномасштабному и интенсивному отображению реальной действительности.

3.2. Функциональные параметры конкуренции видов глагола в языках разной этимологической модели

В силу объективных исторически сложившихся обстоятельств славянская аспектология продолжает оставаться наиболее изученной. Однако, вопросы аспектологического порядка все больше привлекают внимание исследователей, работающих на базе языков других типологических классов. Видовая проблематика становится сегодня одной из широко дискутируемых как в языках аналитического строя (в нашем случае английском), так и в агглютинативных языках (в нашем случае турецком). Несмотря на расхождения во взглядах по относительно частным вопросам, исследователи не отрицают существования единой видовременной системы, в пределах которой функционирует вид, транслирующий то, как конкретное действие распределено на временной оси. Кроме того, концепция

функциональной грамматики позволила ученым найти системное обоснование для поиска активного потенциала единиц различных уровней языка. Отличительной чертой функциональной грамматики представляется синтез семасиологического и ономазиологического подходов к анализу языкового материала, обеспечивающий целостное описание взаимосвязи формы и функции [Калабекова 2024: 7].

Именно этот синтез с особой отчетливостью проявляется в контрастивных исследованиях, которые сегодня не сводятся лишь к нахождению языковых коллизий, а нацелены на установление причин их системной и структурной неоднородности. Внимание ученых все больше привлекает не только и не столько сама языковая система как нечто стабильное и устоявшееся, сколько то, как языковые средства проявляют себя в конкретной дискурсивной реальности, т. е. речевое поведение языковых компонентов. Особо значимой становится дискурсивная составляющая как ядро любых языковых проявлений. В узком смысле дискурсивную информацию нередко трактуют как близкую к синтаксической: она не отражает непосредственно внеязыковую действительность, а лишь указывает на статус единицы в текстовом фрагменте и связывает значения аспектуальных граммем с их текстовой позицией. Однако, как справедливо подчеркивает А.П. Седых, «комбинация высказываний в дискурсе контролируется не категориальным синтаксисом, а коммуникативными ограничениями фундаментально семантического и прагматического характера» [Седых 2024: 2377]. Иными словами, дискурсивная информация не сводится к формальному статусу единиц в предложении, а отражает сложное взаимодействие смыслов, интенций и контекстуальных факторов. Именно в рамках такого дискурсивного подхода, где центральной становится проблема выбора между альтернативными языковыми средствами под влиянием коммуникативных ограничений, закономерно возникает вопрос о конкуренции видов.

Термин «конкуренция видов» вошёл в лингвистическую науку

благодаря трудам чешского учёного Вилема Матезиуса. Впрочем, вопрос о приоритете этой концепции остаётся дискуссионным: исследования аспектуальной вариативности перформативов ранее проводились С. Шкрабцом, Э. Кошмидером и другими учеными, что позволяет предположить, что Матезиус развил идеи своих предшественников, адаптировав термин. Согласно интерпретации Матезиуса, суть явления заключается в потенциальной взаимозаменяемости оппозитивных видовых коррелятов для обозначения одного и того же факта действительности. При этом выбор конкретной аспектуально-временной формы определяется не столько семантикой действия, сколько прагматическими установками – потребностями стилистической дифференциации или контекстуальной уместности [Mathesius 1938: 15].

Впоследствии обозначенная проблематика привлекала внимание таких известных ученых-аспектологов, как Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, Е.В. Падучева, Е.В. Петрухина.

Вполне закономерно, что в рамках славянской аспектологии проблема конкуренции видов получила первоначальную теоретическую разработку. Сказанное было предопределено целым рядом объективных факторов, среди которых следует выделить: грамматическую облигаторность и системообразующую роль категории вида в славянских языках; длительную научную традицию, обеспечившую накопление эмпирического материала и выработку терминологического аппарата; исследовательский вклад представителей славянской аспектологии, которые не только описали конкретные типы конкуренции, но и предложили их теоретическое осмысление.

На материале русского языка А.В. Бондарко показал, что *конкуренция видов* – это в первую очередь конкуренция общефактического (обобщённо-фактического) значения несовершенного вида (НСВ) и конкретно-фактического значения совершенного вида (СВ) [Бондарко 1971: 36-42]. В том случае, когда глагольная лексема представлена НСВ, первостепенным

становится то обстоятельство, что действие в целом состоялось. Совершенно иначе трактуется СВ, когда процесс как бы запрограммирован на конкретный результат. Наиболее частотно *конкуренция видов* проявляется в плане прошедшего времени. При этом важен сам факт наличия или же отсутствия действия, а из дискурсной ситуации или фоновой информации в целом отчетливо ясно, что действие завершено. В подобного рода случаях процесс может быть представлен как СВ, так и НСВ глагола, так как приоритетным становится субъективное восприятие высказывания реципиентом. НСВ в подобных ситуациях называет действие в общем виде, без учета его фактической реализации. Что касается СВ, то он трактует процесс как полностью завершённый.

Действие, нацеленное на определенный результат, фактически совершилось, и возможно, неоднократно, но ожидаемого результата оно все-таки не дало. Суждение о результативности и неоднократности действия диктует нашему сознанию когнитивно-коммуникативная ситуация в целом, которая и становится определяющей. Следовательно, *общефактическое* значение НСВ разнится с *конкретно-фактическим* значением СВ ощутимым, хотя и не столь заметным оттенком, который иногда трудно воспроизвести средствами другой языковой системы [Маслов 2004: 104]. Замены такого типа допустимы, видимо, еще и потому, что объективная значимость действия не трансформируется в зависимости от целостности/нецелостности последнего. Кроме того, такого рода *конкуренция видов* возможна при ее проекции на определенную глагольную лексику, в частности глаголы информации.

В трудах А. В. Бондарко мы находим информацию и о других случаях возможных взаимозамен. Например: наглядно-примерного значения СВ ↔ неограниченно-кратного значения НСВ (в формах настоящего / будущего времени). НСВ передаёт частотно повторяющийся процесс, тогда как СВ в отдельных контекстах также способен отображать повторяющееся действие, но ограниченное временными рамками; потенциального значения СВ ↔

потенциально-качественного значения НСВ. НСВ представляет действие как неограниченно повторяемую возможность (постоянное умение, свойство), СВ — как конкретный, единичный потенциальный факт; суммарного значения СВ ↔ ограниченно-кратного значения НСВ; конкуренции в инфинитивных конструкциях [Бондарко 1971: 39]. В подобных контекстах формы СВ и НСВ грамматически абсолютно равноправны.

Конкуренция видов представляет собой явление, которое воспроизводит частные аспектуальные смыслы, и проявляется такого рода феномен в языках разной этимологической модели по-разному. Ведь, как известно, даже тождественные формы в разных лингвосистемах нередко приобретают далеко несхожие семантические параметры. Причина кроется в неодинаковом мировосприятии. Каждая языковая культура воссоздает свое, только ей доступное видение окружающего мира, делит реальную действительность на макро- и микропространство, которые транслируются посредством отдельных компонентов. Объединение этих последних и представляет собой содержательную основу языка и его семантическую систему [Калабекова 2012: 318].

Говорить о полной синонимии *видов* мы все же не вправе, так как содержание *видов* априори не может совпадать целиком и полностью; существенно лишь то, что взаимозаменяемость *видов* не приводит к трансформации денотативного компонента высказывания, так как четкого функционального размежевания между двумя конкретными вербальными единицами не происходит.

Обратимся к английской языковой системе и попытаемся выявить параметры взаимозамен в границах изучаемого нами вопроса. Осмысление *аспекта* в английском языке поляризовано между двумя подходами: *семантическим*, апеллирующим к аспектуальным значениям, имплицитно присущим глагольным лексемам, и *грамматическим*, рассматривающим *вид* сквозь призму взаимодействия с временными формами. Данная дихотомия отражает сложность категории, находящейся на стыке морфологии,

синтаксиса и лексики. Сведения об этом находим в работах З. Вендлера, А. Вежбицкой, Ю.С. Маслова, Анны А. Зализняк и др. [Vendler 1967; Маслов 2004 и др.]. Исследователи вкладывают в понятие *аспект* два ключевых смысла: *вид* как категория грамматическая и *вид* как категория лексико-семантическая, которые дифференцируются посредством терминов *aspect* и *aktionsart* (так называемые акциональные классы). *Aspect* позиционируется как грамматический *вид*, а *aktionsart*, соответственно, как лексический. Однако отметим, что все перечисленные аспектуальные критерии, наличие которых признается исследователями грамматического устройства английского языка, при их проекции на определенные контекстуальные условия способны конкурировать и вступать в своего рода конфликт, притягивая тем самым внимание получателя информации к тем или другим аспектуальным смыслам.

Так, в частности, далеко не всякая английская глагольная лексема способна приспособиться к длительным формам. Кроме того, оппозитивные корреляты *длительная форма/недлительная форма* выступают непоследовательно даже с глаголами, допускающими их употребление в длительной форме (вместо длительной формы нередко используется форма общего вида). Например:

He stood (=was standing) some way away, fearing to come nearer the coffin where Shoshlan lay, "You look like Shoshlan, and are pretending to be dead!" he thought [TN: 208]. — Стоит поодаль, боится приблизиться: «Очень похож ты на Сослана и мертвым притворяешься!» [СН: 162].

Глаголы положения (*stand, sit, lie...*) часто используются в Past Simple для описания продолжительных ситуаций, так как сами по себе они уже подразумевают статичность. Past Simple позволяет избежать избыточности, сохраняя ясность и ритм текста. Встречаются случаи и обратного порядка, когда форма длительного вида становится одним из способов экспликации будущего времени (длительный вид используется в значении недлительного). Например:

*You know, Shirdon,” said Khamis very seriously, “the great flood **is coming** (=will come), and that will be the end [TN: 344]. — И сказал ему Хамыц: А знаешь, Сырдон, ведь подходит время потопа. Все пропадет... [CH: 287].*

Такая замена сообщает действию дополнительные оттенки и позволяет подчеркнуть нюансы, связанные с планами на будущее, предварительными договорённостями, вежливыми вопросами или предположениями. Либо как в нашем случае с прогнозами, когда действие в будущем рассматривается как естественное продолжение текущей ситуации.

Аналогичная картина складывается и в границах перфекта. А именно: вместо перфектной формы достаточно часто употребляется простое прошедшее время, причем даже для экспликации значения результативности:

*How long they **lived** (=have lived) among the Narts, who knows? [TN: 206].*
— Сколько прожили они среди Нартов, никто не знает [CH: 160];

Did we not live a whole year together beneath the sea, with Donbettir? [TN: 89]. — Ведь целый год прожили мы вместе под водой, в стране Донбеттыра! [CH: 54].

Обозначенное действие имеет значение и результат в настоящем, но предпочтение Past Simple позволяет подчеркнуть необратимость события и его роль в судьбе персонажей (прожили, но больше не живут). Или еще:

Suddenly he saw a fisherman coming toward him [TN: 164]. — Вдруг видит, идет ему навстречу рыбак [CH: 123];

Tell me then, what kind of games and contests of strength have you seen among these Narts [TN: 190]. — Расскажи, какие нартские игры пришлось тебе видеть [CH: 146].

Схожее денотативное значение «увидел» в первом случае описывается формой *Past Simple*, когда действие завершилось и больше не актуально, а во втором — формой *Present Perfect*, когда действие завершилось, но продолжает оставаться актуальным.

Анализ эмпирического материала показывает, что неопределённые глаголы, основное лексическое значение которых не включает в себя понятия

внутреннего предела, в перфектной форме предпочтительнее используют общий вид, хотя и транслируют действие в его протекании. Например:

*How many years I **have waited** (=have been waiting) for you, and now at last we meet!* [TN: 290]. — *Сколько лет я ждала тебя и вот наконец встретила!* [CH: 234].

В данной ситуации важным фактором становится завершение длительного процесса, а не его продолжительность. Такие замены представляют собой прием, используемый в литературе для усиления драматизма и передачи эмоциональной разрядки.

Что касается длительной формы, то последняя достаточно часто используется как форма вежливости: *Will you be needing any help?* В своем обычном употреблении глагол *to need* не допускает формы настоящего продолженного времени, однако в сочетании с модальным глаголом *may* данное ограничение устраняется. Например:

*Then Agunda ordered, «Prepare your weapons for battle, we **may be needing** them soon!»* [TN: 560]. — *Затем Агунда приказала: «Приготовьте оружие к бою, оно скоро может нам понадобиться!».*

В английской языковой культуре такие аспектуальные смыслы, как *законченность*, *длительность*, *начинаемость*, *повторяемость*, *многократность*, *однократность* и др., непосредственно не отражают определенных вербальных установок. Все перечисленные аспектуальные значения эксплицируются, как правило, семантикой глагольной лексики в совокупности с временной формой и фоновой информацией в целом. Временные формы группы *Indefinite* обладают видовой универсальностью: способностью транслировать самые разные видовременные значения. Например:

1. *One day the creditor **came** at the appointed time to see Shirdon about the payment of his debt* [TN: 343]. — *Однажды кредитор пришел в назначенное время к Ширдону, чтобы договориться об уплате его долга;*

2. *Every day he **went** to the meeting place in the village square, and teased*

the Narts [TN: 316]. – *Каждый день он приходил на деревенскую площадь к месту встречи и дразнил Нартов;*

3. He **came up** to the giants' house and cried: «Hey there, whoever owns this house come outside» [TN: 323]. – *Он подошел к дому великанов и крикнул: «Эй, кто бы ни был владельцем этого дома, выходи на улицу».*

В первом приведенном текстовом фрагменте налицо завершенность действия, во втором отрывке речь идет о серии непрерывно повторяющихся завершенных актов, в третьем примере эксплицируется ограниченная длительность процесса.

С примерами *взаимозамещения видов* мы сталкиваемся и в турецком языке. В современном турецком литературном языке, как известно, видовременная система устроена таким образом, что помимо простых временных форм имеется большое разнообразие сложных форм, каждой из которых присущи свои семантические особенности. Категория аспекта турецкой языковой системы включает в себя такие вербальные параметры, которые охватывают характеристику действия по следующим признакам протекания процесса: *длительности, повторяемости, однократности, многократности, динамичности*; а также по признаку *результативности, завершенности/незавершенности*. Все перечисленные аспектуальные характеристики проявляются на лексическом, морфологическом или синтаксическом уровнях [Kutsarova 2025: 59]. Так, в частности, в турецкой лингвосистеме видовые параметры могут приобретать синтаксический статус, который воплощается в глагольно-аналитических конструкциях. Последние рассматриваются большинством исследователей турецкого глагола как чисто видовые [Bağçevan 2023: 158]. Когда же речь заходит о трансляции аспектуальных значений отдельными временными словоформами, происходит материализация аспектуальных параметров процесса на морфологическом уровне.

В агглютинативных по своему структурному устройству языках, к которым принадлежит турецкий, за каждым аффиксом закреплено, как

правило, только одно смысловое значение. Однако, как показывает эмпирический материал, в турецком языке эта схема не всегда работает. В частности, мы сталкиваемся с таким явлением, как «смещение значений или времен», когда аффиксы, эксплицирующие какое-то конкретное время, способны помимо своего ключевого значения приобретать факультативные, нехарактерные им аспектуальные смыслы [Bağçevan 2023: 202]. Обратимся к материалу:

*Bu elma gündüzleri olgunlaşıyor ve kız kardeşimiz Dzerasse, bir güvercin kılığına girerek, gidip onu koparip **getiriyor** (= getirmiş) [NOHD: 28]. – За день это яблоко созревает, и наша сестра Дзерасса, превратившись в голубку, летит срыгает и приносит его.*

Глагол *getirmek* (приносить), стоящий в настоящем продолженном времени, эксплицирует в данной конкретной ситуации прошедшее субъективное время, хотя согласно правилам нормативной грамматики турецкого языка настоящее продолженное время обозначает действие или событие, происходящее в момент речи. Посредством же прошедшего субъективного времени обычно сообщается о событиях, которых сам говорящий не видел, достоверно о них не знает, но слышал. В данном случае автор использует настоящее продолженное время для экспликации повторяющихся действий в прошлом в качестве исторического настоящего. Этот стилистический приём способствует созданию эффекта «живого» повествования, как если бы события разворачивались перед глазами получателя информации. Граница между прошлым и настоящим нейтрализуется, что позволяет реципиенту «пережить» события как бы в реальном времени. Приведем еще пример:

*Kal öyleyse, dedi Ehsarteg, ben de bu arada kardeşimi aramaya **gidiyorum** (=gideceğim) [NOHD: 29]. – Хорошо, ответил Ахсартаг, тогда оставайся здесь, а я иду (= пойду) поищу брата [CH: 54].*

В приведенном фрагменте текста настоящее продолженное время использовано в значении будущего категорического. Акцент смещается на

намерение говорящего совершить действие, его нетерпение или даже раздражение, что делает речь героя более энергичной и динамичной.

Замена видовременных форм в художественных текстах, и в эпических текстах в частности, часто связана не столько с грамматическими установками, сколько со стилистическими и нарративными приёмами. Подобные замены помогают сохранить последовательность и динамику сцен, создают эффект повествования, где история существует вне времени.

На основании изложенного можно заключить следующее. *Конкуренция видов* – универсальное явление, заслуживающее самого пристального внимания исследователей. Реализуется она в языках разной типологической модели через специфические грамматические, стилистические и дискурсивные механизмы.

Английские видовременные формы при их проекции на определенные контекстуальные условия также способны конкурировать между собой. Такие чисто аспектуальные значения, как *законченность, длительность, повторяемость, многократность, однократность, начинательность* и др., в английской лингвосистеме не обусловлены определенными вербальными установками; они эксплицируются по большей части временной формой в сочетании с семантикой глагольной лексики и коммуникативной ситуацией в целом.

В турецком языке аспектуальные значения переплетаются с модальностью и эвиденциальностью. Конкуренция видовременных форм возникает из-за гибкости аспектуально-темпоральных аффиксов, которые, несмотря на фиксированные базовые значения, адаптируются к контексту, играющему ключевую роль в интерпретации текста.

Историческое настоящее — это стилистический прием, который можно считать универсальным для всех трех привлеченных к анализу языков. Находит он свою реализацию и в осетинском. Например:

Æхсæртæг загъта Æхсарæн: — Æз цæуын (= æз ацæудзынæн) денджызы бынмæ, ды мæм ам, денджызы был, æнхъæлмæ кæс, æмæ кæд

дeнджыз сырх фынк хaсса, уaд-иу нa хaдзaрмa аздaх – мaнaей дын пaйдa нaл ис; кaд урс фынк хaсса, уaд мaм-иу aфaдзы бoнмa бaнхъaлмa кaс [НК: 28]. — *Ахсартаг* сказал *Ахсару*: — *Я иду* на дно морское. *Жди* меня здесь. *Если* волны вынесут на берег кровавую пену— значит, нет меня больше в живых, и ты *возвращайся* домой. *Если* вынесут волны на берег белую пену, то *жди* меня здесь ровно год [СН: 51]. Или еще:

Фaлтау нa фaндаг **дaрaм**, сурaг нa нaей, тыхгaнaг иннa ахaм, — *зaгъта* *Уырызмaг* [НК: 57]. — *Пока* никто не преследует нас, лучше бы нам *отправиться* своей дорогой, — сказал *Уырызмaг* [СН: 86].

Конкуренция видов – это не только грамматическое, но и дискурсивно-прагматическое явление. Взаимозамещение видовременных форм представляет собой мощный стилистический инструмент, позволяющий управлять темпом повествования, влиять на его эмоциональное восприятие и подсвечивать тонкие нюансы для максимально точной трансляции авторского замысла.

Ограничения и потенциал этого феномена обусловлены взаимодействием типологических особенностей языка, семантики глагольной лексики и коммуникативной стратегии. Альтернации маркируются согласно жанру, стилю и интенции говорящего лица. Стилистическая установка и дискурсная стратегия играют ключевую роль в выборе видовых форм. В эпических текстах аспектуальные замены усиливают динамику повествования и стирают границы между временными пластами.

Функциональные ограничения, заложенные на уровне языковой системы, в конкретной дискурсивной реализации отходят на второй план. Видовременная семантика претерпевает определенные трансформации, демонстрируя тем самым способность любого языка подстраиваться под требования речевого акта, что приводит к взаимозамещению оппозитивных аспектуальных коррелятов.

Выводы к главе 3

Мысль о том, что глагольные категории не существуют изолированно, является фундаментальным тезисом для современной лингвистики, рассматривающей грамматику не просто как перечень разрозненных правил, а как многоуровневую систему, в которой грамматические категории постоянно пересекаются, оказывают влияние друг на друга и в совокупности образуют целостное единство. Такая система позволяет языку быть гибким инструментом для трансляции тончайших оттенков мысли. Взаимосвязи проявляются как в парадигматической организации языка, так и в речевом функционировании. Функциональный потенциал речи базируется на системных ресурсах языка, которые постоянно модифицируются в процессе реального употребления.

Ядерным компонентом межкатегориальных взаимодействий с полным правом можно считать глагольную лексему, которая, совмещая в себе лексическое значение и функцию предиката, аккумулирует целый комплекс грамматических значений (*вид, время, наклонение, залог* и др.). В рамках данной двойственности системно-парадигматический уровень может быть представлен как уровень лексем, преимущественно закрепленных за экспликацией того или иного категориального значения, а функциональный уровень обеспечивает окончательный выбор актуального значения лексики в контексте. Говорящий, конструируя фразу, постоянно сталкивается с тем, что значения категорий наслаиваются друг на друга, создавая уникальные смысловые комплексы. Причем характер межкатегориальных связей специфичен для каждого языка и определяется его типологическими особенностями.

Аспектуальность тесно связана с категориями времени, наклонения, залога, а также с акциональностью (лексико-семантическими классами глаголов). Эта связь и взаимодействие не случайны, они носят системный характер и предопределены самой природой языкового знака, которому

свойственна асимметрия между планом выражения и планом содержания, ведь, как отмечает Н.В. Белозерцева, «средства, используемые людьми для выражения своих мыслей, всегда более или менее ограничены» [Белозерцева 2011: 211]. Следовательно, одно и то же значение может передаваться разными формальными средствами, а одна и та же форма может обслуживать несколько значений. Именно эта избыточность и подвижность создают в языке зоны семантического пересечения, где выбор между конкурирующими формами становится возможным.

С позиций функциональной грамматики межкатегориальные связи реализуются в рамках ФСП, где морфологические, лексические, лексико-синтаксические и контекстуальные компоненты совместно участвуют в экспликации сложных семантических комплексов. Аспектуальность как ФСП охватывает не только видовые формы, но и акциональность, временные показатели, дискурсивные стратегии. Во всех подвергнутых анализу языках обнаруживается тесная взаимосвязь между аспектуальностью и темпоральностью. Однако, характер этой связи неодинаков. В английском языке, например, прослеживается синкретизм аспектуальных и темпоральных значений в рамках единых видо-временных форм. В турецком, благодаря агглютинативной структуре, временные аффиксы способны нести одновременно и аспектуальную нагрузку различной интенсивности, что создаёт широкие возможности для семантических сдвигов. В осетинском языке аналогичные процессы проявляются специфически: темпоральные и аспектуальные значения формируются посредством разных грамматических показателей. При этом, вид и время безусловно коррелируют. Превербы осетинского языка способны изменять видовую направленность глагольной лексики, но не всегда и не во всех временных формах.

Во всех трех языковых системах грамматический вид взаимодействует с лексико-семантическими классами глаголов (акциональными типами). Предельные глаголы (accomplishments, achievements) легче образуют формы со значением завершённости, тогда как неопредельные (activities, states)

тяготеют к формам, эксплицирующим процессуальность или статичность. Такое взаимодействие создаёт зоны потенциальной вариативности. В английском языке, например, глаголы положения в пространстве *stand, sit, lie* допускают употребление как длительных, так и недлительных аспектуальных форм, поскольку их лексическая семантика уже содержит указание на статичность.

Проведённый сопоставительный анализ подтверждает справедливость положения В.А. Плунгяна о том, что вторичные значения аспектуальных граммем могут включать модальный компонент [Плунгян 2000: 291]. В исследуемом материале зафиксированы многочисленные случаи, когда видовременные формы приобретают модальные оттенки: императив в значении потенциальности, английское будущее время с модальным значением возможности, турецкое продолженное настоящее в значении будущего с оттенком намерения. Модальность наслаивается на аспектуальную семантику, расширяя функциональный потенциал видовых форм.

В осетинском языке прослеживается тесная взаимосвязь между темпоральным и модальным значениями: временные показатели могут нести факультативную модальную нагрузку и наоборот. В английском языке аналогичная связь проявляется менее отчётливо, а центральное место занимает сложная система времен и модальных глаголов. Аспектуальность тесно спаяна со временем, а модальность имеет разветвленную систему значений (*возможность, долженствование, предположение*), эксплицируемую отдельными глаголами. В турецком языке существуют временные формы, которые одновременно передают и оттенок модальности (например, так называемые «субъективные времена», когда говорящий передает информацию с чужих слов или выражает сомнение в ее достоверности). Показательна связь аспектуальности и эвиденциальности, перфектные формы (в частности аффикс *-miş*) совмещают аспектуальное значение завершённости с эвиденциальным значением неочевидности. Это

обстоятельство на материале турецкого языка подтверждает типологическую закономерность, согласно которой перфект выступает историческим и семантическим мостом между аспектуальностью и эвиденциальностью.

Межкатегориальные взаимодействия многообразны – они включают употребление форм одного наклонения в значении другого, временные сдвиги, модальные оттенки аспектуальных форм и т.д. Схемы такого рода взаимодействий, безусловно, разнятся в языках разной структурной отнесенности. Взаимосвязь глагольных категорий – это не досадное усложнение грамматики, а её основополагающее свойство, механизм, обеспечивающий гибкость и точность. Комбинируя значения грамматических категорий, мы можем описать одно и то же событие с разных сторон, а благодаря взаимным ограничениям избежать двусмысленности. Языковая система сама подсказывает, какие сочетания допустимы, а какие – нет. Межкатегориальное взаимодействие является универсальным законом языка. Изучая то, как именно взаимосвязаны вид, время, наклонение и модальность в конкретном языке, мы не просто запоминаем правила грамматики, а проникаем в самую суть языковой системы и в то, как ее носители воспринимают и категоризируют окружающий мир.

Языковое варьирование межкатегориальных связей обусловлено стремлением каждой лингвокультуры к наиболее полному и адекватному отображению реальной действительности. Изучение теоретических источников и языкового материала показывает, что языковые коллизии, обусловленные функциональными сближениями грамматических категорий в разноструктурных языках, открывают путь к постижению сущности категории аспектуальности и механизмов межкатегориального взаимодействия. Конкуренция видов при этом выступает конкретным проявлением подобных механизмов в дискурсе.

Проведённый анализ позволяет рассматривать конкуренцию видов не как периферийное исключение или стилистическую вольность, а как

закономерное следствие межкатегориальных связей, заложенных в системе языка. Эти связи создают потенциальную возможность для выбора глагольной формы. Дискурс выступает той самой средой, где эта потенциальная возможность реализуется под влиянием коммуникативных намерений говорящего, жанрово-стилистических норм и законов нарративной организации.

В исследуемых языках конкуренция видов проявляется по-разному, что обусловлено их типологическими характеристиками. В английском языке конкуренция охватывает несколько оппозиций: Indefinite ↔ Continuous, Indefinite ↔ Perfect, а также случаи, когда неопределённые глаголы в форме перфекта тяготеют к общему виду, а не к длительному. Выбор между конкурирующими формами регулируется сложным взаимодействием семантического класса глагола и контекстуальных показателей. Например, употребление настоящего продолженного времени в значении будущего в английском языке (*is coming* = *will come*) демонстрирует тот факт, что замещение аспектуальной формы как бы подсвечивает дополнительный модальный оттенок высказывания. В турецкой языковой системе конкуренция видовременных форм обусловлена полифункциональностью аффиксов. Аффикс настоящего продолженного времени **-(i)yor** может употребляться для передачи повторяющихся действий в прошлом (историческое настоящее), а также замещать будущее категорическое, акцентируя намерение говорящего. Замена одной аспектуальной формы на другую создаёт эффект «живого» повествования, стирает границы между временными пластами и привносит в высказывание субъективно-оценочный компонент.

Конкуренция видов — инструмент, который ослабляет строгость грамматических предписаний и расширяет выразительные возможности языка. Конкурирующие формы служат для управления вниманием адресата, создания эффекта присутствия, динамизации или, наоборот, замедления повествования. Взаимозамены могут придавать высказыванию оттенки

книжности, разговорности, архаичности или особой изобразительности. В ряде случаев конкуренция смыкается с выражением модальных значений возможности, намерения, долженствования, вежливости.

Сопоставление параллельных текстов позволяет выявить как универсальные семантические оппозиции, так и языковую специфику их формальной реализации. Поскольку переводчик вынужден выбирать конкретные языковые средства для передачи одного и того же смысла в разных языках, различия между языковыми системами становятся особенно наглядными. Особую ценность при этом представляют зоны межъязыковой асимметрии, где один и тот же содержательный инвариант получает принципиально различное формальное оформление, подчеркивая типологические расхождения в организации аспектуальных систем.

Конкуренция видов представляет собой сложное многоуровневое явление, в котором переплетаются грамматические, лексические, дискурсивные и типологические факторы. Понимание этого феномена важно не только для углубления теоретических представлений об аспектуальности, но и для решения прикладных задач теории и практики перевода, преподавания иностранных языков, лексикографического описания глагольной семантики.

Заключение

Проведённое в настоящей работе сопоставительное изучение средств вербализации аспектуальных значений в разноструктурных языках (английском, осетинском и турецком) позволяет сформулировать ряд выводов относительно устройства аспектуальных систем каждого из языков, а также типологических закономерностей взаимодействия категории *аспекта* с другими грамматическими категориями.

В ходе анализа была подтверждена исходная гипотеза о том, что, несмотря на глубокие типологические различия, все три языка используют многоуровневые языковые средства для экспликации характера протекания действия. Однако степень вовлеченности этих последних, их иерархия и семантическая нагрузка определяются структурной организацией каждого из языков и отражают специфические когнитивные стратегии носителей последних. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что ФСП аспектуальности в каждом из трех рассматриваемых языков имеет свою особую, отличную от других лингвосистем структурную организацию. Выявленные межъязыковые коллизии затрагивают не только всю совокупность задействованных языковых средств, но и облигаторность их использования.

Основным продуктивным средством видообразования в современной осетинской лингвосистеме является перфективация: процесс, преобразующий грамму НСВ в СВ глагола. Существенную роль в оформлении аспектуального характера процесса отводится также частицам *-иу-* и *-цæй-*, которые уточняют характер распределения действия на временной оси и могут быть отнесены к проявлениям различных СД. Частица *-иу-*, присоединяясь к приставочному глаголу, формирует с регулярной частотностью многоактный СД (*æрбацъиди...-иу*), глаголы с частицей *-цæй-*, образуясь на фоне морфологически отмеченных глагольных лексем, и, нейтрализуя значение граммы СВ, способствуют образованию

общерезультативного СД (*æрбацæйцыди*).

Частица -иу представляет собой специализированное грамматическое средство политемпоральной кратности, не имеющее прямых функциональных аналогов в английской и турецкой лингвосистемах. В то же время, осетинский язык не располагает специализированным показателем прогрессива: *длительность* эксплицируется здесь нулевым маркером или контекстом в целом. Турецкая аспектуальная система, напротив, отличается высокой степенью грамматикализации целого ряда значений. Практически каждая временная форма турецкого глагола несёт в себе определенную аспектуальную нагрузку, что свидетельствует о тесной связи грамматических категорий аспектуальности и темпоральности. Наряду с морфологическими показателями важную роль играют аналитические конструкции, а также синтаксическое маркирование предельного действия посредством аккузатива прямого дополнения, когда обусловленный объект в винительном падеже сигнализирует о завершённости действия.

В английской языковой системе грамматическое ядро ФСП аспектуальности практически исчерпывается оппозицией форм *Progressive / Simple*. Прогрессив облигаторен для экспликации актуальной длительности в настоящем времени. В прошедшем времени его употребление факультативно. Все остальные аспектуальные смыслы (*лимитативность, начинательность, конечная фаза, хабитуальность, семельфактивность*) не имеют специализированных грамматических показателей и эксплицируются в высказывании лексическими, лексико-синтаксическими и контекстуальными языковыми средствами.

Сопоставление трёх лингвосистем убедительно показывает, что между структурной принадлежностью языка и степенью разветвленности его аспектуальной системы не наблюдается жесткой детерминированной связи. Так, к примеру, в аналитическом английском языке большинство аспектуальных смыслов зарождается на пересечении целого комплекса значимостных параметров: грамматических форм, лексических классов

глаголов и лексико-синтаксических структур. Осетинский язык с его преимущественно синтетическим укладом реализует свои значительные аспектуальные возможности посредством богатой превербной системы (для которой, впрочем, экспликация аспектуальных смыслов не является единственно значимой функцией) и показателя политемпоральной кратности (частицы *-иу*). Турецкий язык с его агглютинативным устройством демонстрирует высокую степень грамматикализации множества аспектуальных смыслов.

Степень вовлечённости функционально-семантической категории аспектуальности в грамматическую систему языка является определяющим фактором для выбора способов экспликации аспектуальных смыслов. Английский, турецкий и осетинский языки демонстрируют различную степень грамматикализации аспектуальных значений, что обусловлено их структурными, семантическими и коммуникативно-прагматическими особенностями. Языковые системы, как правило, грамматикализуют те аспектуальные значения, которые в наименьшей степени выводятся из контекста, но в то же время особо значимы для однозначной интерпретации глагольного действия. Грамматикализация снижает степень зависимости от лексической семантики глагола и контекста в целом. Набор грамматикализированных аспектуальных смыслов в каждом языке представляет собой результат отбора наиболее коммуникативно-значимых и контекстуально-немаркированных различий. Это объясняет, в свою очередь, тот факт, что в одних языках система аспектуальности является разветвлённой и облигаторной, а в других – характеризуется незначительным числом (или вообще отсутствием) грамматических оппозиций, необязательностью их экспликации, значительной зависимостью от контекста и лексических составляющих. Кроме того, зоны асимметрии при сопоставлении языковых систем приходятся именно на те аспектуальные значения, которые в одном языке грамматикализированы, а в другом эксплицируются лексическими или контекстуальными средствами.

Грамматическая категория аспектуальности (ФСК) не существует изолированно, она вступает в сложные и многообразные взаимоотношения с другими грамматическими категориями: *темпоральностью*, *модальностью*, *эвиденциальностью*, *залогом*, а также с *лексико-семантическими классами глаголов (акциональностью)*. Характер обозначенных взаимодействий типологически обусловлен и специфичен для каждого языка. Взаимодействие аспектуальности с другими грамматическими категориями – это не досадное усложнение грамматики, а принципиальная особенность, обеспечивающая языку гибкость и точность.

Во всех трёх привлеченных к анализу языках обнаруживается тесная взаимосвязь аспектуальных и темпоральных значений, однако конкретная реализация этой связи неодинакова. В английском языке наблюдается синкретизм аспектуальных и темпоральных значений в рамках единых видо-временных форм (*Present Continuous*, *Past Perfect* и др.). В турецком языке, благодаря агглютинативной структуре, временные аффиксы способны приобретать одновременно и аспектуальную нагрузку различной степени интенсивности. В осетинском языке связь аспектуальности и темпоральности проявляется несколько иначе: поскольку специализированный прогрессив отсутствует, временные формы (настоящее, прошедшее, будущее) сами по себе несут лишь темпоральную информацию, а аспектуально значимые оттенки (предельность, длительность, кратность) привносятся превербами, частицами *-цæй-* и *-иу*, глагольными конструкциями или контекстом в целом.

Во всех трех исследуемых языках грамматический вид (или его функциональные аналоги) взаимодействует с лексико-семантическими классами глаголов. Предельные глаголы (*accomplishments*, *achievements*) легче образуют формы со значением завершённости, тогда как непредельные (*activities*, *states*) тяготеют к формам, эксплицирующим процессуальность или статичность. Это взаимодействие создаёт зоны потенциальной вариативности. Например, в отличие от английского, где большинство

стативных глаголов, как правило, не употребляются во временах группы *Continuous*, а любое их использование в обозначенных временах – это всегда семантический сдвиг, который либо меняет значение глагольной лексемы, либо добавляет факультативные смысловые оттенки (эмоциональность, временность, вежливость), в турецком языке аффикс настоящего продолженного времени, это – прежде всего показатель длящегося, продолжающегося действия (актуального или регулярного). Если стативный глагол может быть интерпретирован как длящийся процесс, его форма с -*(i)yor* будет грамматически корректна.

В исследуемом материале зафиксированы многочисленные случаи, когда видовременные формы приобретают модальные оттенки: императив в значении потенциальности, английское будущее время с модальным значением возможности, турецкое настоящее продолженное время в значении будущего с оттенком намерения. Все перечисленное говорит в пользу того, что модальность наслаивается на аспектуальную семантику, расширяя тем самым функциональный потенциал видовых форм. Для турецкого языка показательна связь аспектуальности и эвиденциальности: перфектные формы на *-miş* совмещают аспектуальное значение завершённости с эвиденциальным значением неочевидности (пересказ, сомнение, неожиданное открытие). Приведенное обстоятельство подтверждает типологическую закономерность, согласно которой перфект служит историческим и семантическим мостом между аспектуальностью и эвиденциальностью. В английском языке аналогичная связь прослеживается менее отчётливо, так как его видо-временная система несколько иная: основное место отводится разветвленной системе времён и модальных глаголов. В осетинском языке эвиденциальные оттенки (например, передача информации с чужих слов) эксплицируются лексически или через специальные вводные конструкции, но они не грамматикализованы в аспектуальных формах.

Закономерным следствием межкатегориальных взаимосвязей,

заложенных в системе языка, можно считать конкуренцию аспектуальных форм. Ситуация, когда межкатегориальные взаимодействия создают потенциальную возможность для выбора между формами без потери смысла. Дискурсная составляющая выступает здесь той средой, в которой потенциальная возможность реализуется под влиянием коммуникативных намерений говорящего, жанрово-стилистических норм и законов нарративной организации. В исследуемых языках конкуренция видов проявляется по-разному, что обусловлено их типологическими характеристиками. Выбор между конкурирующими формами регулируется сложным взаимодействием семантического класса глагола, контекстуальных указателей на длительность / завершённость и дискурсивных факторов. Особо показательно употребление настоящего продолженного времени в значении простого будущего (*is coming = will come*), где конкуренция служит средством выражения модальных оттенков намерения.

В турецком языке конкуренция видовременных форм обусловлена полифункциональностью аффиксов. Аффикс настоящего продолженного времени **-(i)yor** может использоваться для экспликации повторяющихся действий в прошлом (историческое настоящее), а также замещать будущее категорическое, делая акцент на намерении говорящего. Конкуренция аспектуальных форм создаёт эффект «живого» повествования, нейтрализует границы между временными пластами и привносит в высказывание субъективно-оценочный компонент. В турецком языке конкуренция видов тесно переплетена с категориями времени, модальности и эвиденциальности.

В осетинском языке конкуренция видов разворачивается прежде всего между морфологически маркированными и немаркированными глагольными формами. Выбор зависит от того, хочет ли говорящий представить действие как целостный результирующий акт или как процесс / повторяющееся событие. Такого рода конкуренция особенно конструктивна в нарративном описании, где чередование превербных и непревербных глагольных форм формирует повествовательную нить.

В диссертации предложена универсальная модель для сопоставительного анализа, которая может быть применена к исследованию других разноструктурных языков и которая базируется на последовательном рассмотрении трех уровней: а) ядерные грамматические формы; б) периферийные лексические операторы; в) синтаксические и контекстуальные модификаторы.

Проведённое исследование вносит определенный вклад в развитие типологии аспектуальных систем, демонстрируя, что степень грамматикализации аспектуальных значений не предопределяется однозначно морфологическим типом языка, а обусловлена комплексом генетических, ареальных и коммуникативно-прагматических факторов. Выявленные зоны межъязыковой эквивалентности, асимметрии и лакунарности приобретают принципиальное значение для разработки универсальных моделей функционально-семантических полей.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в курсах по общей и сопоставительной лингвистике, типологии, теории перевода, а также при создании учебных пособий по английскому, турецкому и осетинскому языкам. Выявленные закономерности позволяют прогнозировать типичные переводческие ошибки и разрабатывать стратегии их преодоления. Комплексное изучение аспектуальных систем и межкуатегориальных взаимосвязей в разноструктурных языках позволяет проникнуть в суть языковых явлений и осмыслить то, как его носители воспринимают и категоризируют окружающий мир. Языковое варьирование этих связей обусловлено стремлением каждой лингвокультуры к наиболее полному и адекватному отображению реальной действительности, а сопоставительный анализ раскрывает как универсальные, так и идиоэтнические черты в обозначенном процессе.

Перспективы исследования:

1. Разработанная в диссертации модель сопоставительного анализа может послужить теоретической базой для проверки гипотезы о связи

когнитивных приоритетов носителей языка со стратегиями восприятия системы аспектуальности за счёт вовлечения языковых систем иной структурной организации и с привлечением методов психолингвистики.

2. Ограниченный объём исследования не позволил охватить весь спектр эмпирического материала и, в силу сказанного, позволил отследить лишь некоторые процессы онтологически неразрывной межкатегориальной взаимосвязи между временными, видовыми, модальными и залоговыми характеристиками в единицах разноуровневой отнесенности.

3. Перспективным представляется изучение аспектуальных систем английского, осетинского и турецкого языков за пределами эпического нарратива, что позволит исследовать функционирование грамматической категории аспектуальности в ее жанрово-временном многообразии.

Список использованной литературы

1. *Абаев, В.И.* Скифо-европейские изоглоссы / В. И. Абаев. — М.: Наука, 1965. — 168 с.
2. *Абаев, В.И.* Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев // Осетинско-русский словарь / сост. Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. — 3-е изд. — Владикавказ: Ир, 2011. — С. 435–559.
3. *Абуталипова, Р.А.* Семантические типы однократности действия и аналитические средства их репрезентации в башкирском языке / Р.А. Абуталипова, Г.Р. Абдуллина, Л.Ф. Кагарманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 12. — С. 61–66. — DOI 10.30853/filnauki.2020.12.12. — EDN BVAPOO. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44430208_79532143.pdf (дата обращения: 05.06.2022).
4. *Айметдинов, А.Р.* Грамматикализация глагольного времени и вида в разноструктурных языках / А.Р. Айметдинов // Казанский лингвистический журнал. — 2024. — Т. 7, № 3. — С. 323–334. — DOI 10.26907/2658-3321.2024.7.3.323-334. — EDN DYPJYS. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=73163356> (дата обращения: 04.10.2025).
5. *Аксенова, И.С.* Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997. -216 с.
6. *Аракин, В.Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. — М.: Высшая школа, 1989. - 158 с. - (Библиотека преподавателя). - ISBN 5-06-000546-1: —Текст: непосредственный.
7. *Архипова, И.В.* Таксис и аспектуальность: межкатегориальный синкретизм / И. В. Архипова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7, № 1. — С. 13–25. — DOI 10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-2. — EDN IDLUFW. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45765867_98093545.pdf (дата обращения: 04.06.2023).

8. *Архипова, И.В.* Актуализация таксиса как результат межкатегориальных взаимодействий / И.В. Архипова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2022. — № 4. — С. 4–12. — EDN ZVEYID. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49813575_99264962.pdf (дата обращения: 04.06.2023).
9. *Архипова, И.В.* Таксис и аспектуальность в фокусе межкатегориальных взаимодействий (на материале немецкого языка) / И.В. Архипова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2023. — Т. 27, № 2. — С. 21–28. — DOI 10.18522/1995-0640-2023-2-21-28. — EDN HNVZAH. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53982839> (дата обращения: 25.10.2024).
10. *Архипова, И.В.* Прототипический подход в сфере межкатегориального взаимодействия / И.В. Архипова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 9–14. — EDN OLQFWR. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50345113> (дата обращения: 25.10.2024).
11. *Ахвледиани, Г.С.* Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология / Г. С. Ахвледиани. — Орджоникидзе: НИИ при Совете министров СОАССР, 1963. — 369 с.
12. *Балин, Б.М.* Способы передачи совершенного вида средствами немецкого языка / Б.М. Балин // Учёные записки Ивановского педагогического института. — 1963. — Т. 33. — С. 66–111.
13. *Бархударов, Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
14. *Баскаков, Н.А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология / Н.А. Баскаков. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 542 с.
15. *Баскаков, Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков / Н.А. Баскаков. — М.: Наука, 1979. — 273 с.
16. *Бейкер, М.* Атомы языка: Грамматика в тёмном поле сознания / М. Бейкер.

- М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 272 с.
17. *Белозерцева, Н.В.* Асимметрия формы и содержания сентенциональных знаков: когнитивный подход / Н.В. Белозерцева // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 3 (28). — С. 210–213. — EDN PFPAZJ. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18076982> (дата обращения: 04.10.2025).
 18. *Белошапкова, Т.В.* Категория аспектуальности с точки зрения когнитивной лингвистики / Т.В. Белошапкова // Интеграция образования. — 2005. — № 4. — С. 180–186.
 19. *Богородицкий, В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с древними тюркскими языками / В.А. Богородицкий. — Казань: Татгосиздат, 1953. — 220 с.
 20. *Бондарко, А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
 21. *Бондарко, А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1983. — 207 с.
 22. *Бондарко, А.В.* Введение. Теория значения в аспектологических исследованиях / А.В. Бондарко // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / отв. ред. А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1984. — С. 5–21.
 23. *Бондарко, А.В.* Длительность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1987. — С. 5–45, 98–124.
 24. *Бондарко, А.В.* Содержание и типы аспектуальных отношений / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1987. — С. 40–45.
 25. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 260 с.
 26. *Бондарко, А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На

- материале русского языка / А. В. Бондарко. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
27. *Бондарко, А.В.* Категоризация в системе грамматики / А.В. Бондарко. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 483 с.
28. *Бочарова, М.Н.* Роль функций аспектуально-темпоральных значений в формировании восприятия времени и пространства при изучении иностранного языка с аналитической структурой (на материале английского и французского языков) / М.Н. Бочарова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 2 (106). — С. 131–136. — DOI 10.24158/spp.2023.2.17. — EDN VZZEWO. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50390429> (дата обращения: 04.10.2025).
29. *Бурнакова, К.Н.* Омонимия глагольных форм в тюркских языках Южной Сибири / К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова // Казанская наука. — 2022. — № 11. — С. 34–36. — EDN WEXJSC.
30. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
31. *Виноградова, Е.Н.* Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) / Е.Н. Виноградова // Вопросы языкознания. — 2023. — № 1. — С. 54–87. — DOI 10.31857/0373-658X.2023.1.54-87. — EDN KTZKTP. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50288688_54745614.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
32. *Выдрин, А.П.* Превербы в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени / А.П. Выдрин // Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие: материалы докладов. — СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2016. — С. 9–15.
33. *Выдрин, А.П.* Типология осетинских глагольных парадигм / А.П. Выдрин // Вопросы языкознания. — 2023. — № 2. — С. 89–113. — DOI 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113. — EDN KVIHGS. — URL:

обращения: 04.10.2025).

34. *Гак, В.Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
35. *Гак, В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. — М.: Добросвет, 2000. — 832 с.
36. *Гак, В.Г.* Русский язык в сопоставлении с французским / В. Г. Гак. — 3-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 264 с.
37. *Ганшина, М.А.* English Grammar: учебник для пед. ин-тов иностр. яз. / М. Ganshina, N. Vasilevskaya. — 7th ed., rev. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. — 472 p.
38. *Германова, Н.Н.* На подступах к типологической классификации языков: Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит / Н.Н. Германова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 4 (833). — С. 9–20.
39. *Горобец, Е.А.* К вопросу о трактовке сущности явления двувидовости русского глагола / Е.А. Горобец // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. — Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2006. — С. 47–49. — EDN VLVTKR.
40. *Гринберг, Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1970. — № 5. — С. 114–162.
41. *Гузев, В.Г.* О категории аспектуальности (на материале староосманско-тюркского языка) / В. Г. Гузев // Советская тюркология. — 1988. — С. 3–12.
42. *Гузев, В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка / В. Г. Гузев; под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2015. — 320 с.
43. *Даровских, Ю.А.* Сопоставительный анализ семантики грамматических

- средств выражения аспектуальности в русском и французском языках / Ю.А. Даровских // Риторика. Лингвистика. — 2020. — № 15. — С. 76–89. — EDN RJZUUN. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45728666> (дата обращения: 04.10.2025).
44. *Даровских, Ю.А.* Временные детерминанты и аспектуальная асимметрия — корпусное исследование / Ю.А. Даровских, Н.В. Бунтман // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 8 (889). — С. 52–59. — EDN DRRQPC.
45. *Жигаadlo, В.Н.* Современный английский язык: теоретический курс грамматики / В.Н. Жигаadlo. — М.: Литература на иностранных языках, 1956. — 356 с.
46. *Закамулина, М.Н.* Очерки по аспектологии. Проблема реализации частных значений (сопоставительное исследование на материале французского и татарского языков): монография / М. Н. Закамулина, Г. Ф. Лутфуллина, Г. Р. Муллахметова. — Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2016. — 244 с.
47. *Зализняк, Анна А.* Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.
48. *Золотова, Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. — М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. — 524 с.
49. *Иванова, И.П.* Вид и время в современном английском языке / И.П. Иванова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. — 200 с.
50. *Иванова, И.П.* Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. — М.: Высшая школа, 1981. — 285 с.
51. *Ильиш, Б.А.* Строй современного английского языка / Б.А. Ильиш. — Л.: Просвещение, 1971. — 365 с.
52. *Инешина, Д.Е.* Категория аспектуальности: функциональный и когнитивный подходы к осмыслению грамматических явлений / Д.Е. Инешина, И.А. Дронова // Научный электронный журнал Меридиан. — 2021. — № 1 (54). —

С. 231–233. — EDN OSFJLD.

53. *Инькова, О.Ю.* О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях / О.Ю. Инькова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2022. — № 6. — С. 17–31. — DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-17-31.
54. *Иртеньева, Н.Ф.* Грамматика современного английского языка: теоретический курс / Н. Ф. Иртеньева. — М.: ГЦК «Ин-Яз», 1956. — 188 с.
55. *Исаев, М.И.* Дигорский диалект осетинского языка / М. И. Исаев. — М.: Наука, 1966. — 223 с.
56. *Калабекова, Л.Т.* Семантика глагольного вида в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Т. Калабекова. — М., 1985. — 16 с.
57. *Калабекова, Л.Т.* Семантика глагольного вида в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук / Л.Т. Калабекова. — М., 1985. — 148 с.
58. *Калабекова, Л. Т.* Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) / Л.Т. Калабекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». — Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. — Вып. 1 (96). — С. 239–244.
59. *Калабекова, Л.Т.* Теоретическая и прагматическая значимость контрастивного метода в изучении разноструктурных языков / Л.Т. Калабекова // Вестник СОГУ им. К. Л. Хетагурова. — Владикавказ, 2012. — № 2. — С. 315–321.
60. *Калабекова, Л.Т.* Грамматический вид в разноструктурных языках: внутрикатегориальные и межкатегориальные взаимодействия (на материале французского, русского, осетинского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Т. Калабекова. — Владикавказ, 2013. — 45 с.
61. *Калабекова, Л. Т.* Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков): монография / Л. Т. Калабекова. — Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2015. — 196 с.

- URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25584902_86876504.pdf
(дата обращения: 04.10.2025).
62. *Калабекова, Л.Т.* Дискурсивная матрица разносистемных языков в типологическом аспекте / Л.Т. Калабекова, Т.А. Такоева // Известия СОИГСИ. — 2020. — № 36 (75). — С. 81–90. — DOI 10.46698/w5492-6711-5209-k. — EDN MJBGIE.
63. *Калабекова, Л.Т.* Семантический потенциал глагольного вида в языках разной структурной организации / Л.Т. Калабекова. — Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2024. — 188 с. — ISBN 978-5-00081-630-1. — EDN BDDMIP.
64. *Калабекова, Л.Т.* Видовые характеристики осетинской глагольной системы в типологическом аспекте / Л.Т. Калабекова, Т.А. Такоева // Известия СОИГСИ. — 2025. — № 55 (94). — С. 90–99. — DOI 10.46698/VNC.2025.94.55.003. — EDN UJUMZC.
65. *Камболов, Т.Т.* Контрастивная грамматика осетинского и персидского языков / Т.Т. Камболов, М. Монишзаде, М. Абдоллахи [и др.]. — Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2022. — 400 с.
66. *Квашнева, Н.А.* Роль перевода в сопоставительном анализе средств выражения аспектуальности в русском и немецком языках / Н. А. Квашнева // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы VII междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 18 ноября 2022 г. — Саратов: Саратовский источник, 2022. — С. 69–75. — EDN SYNHMG. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50069476_26663186.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
67. *Кибрик, А.А.* Функционализм / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — С. 276–339.
68. *Клюшина, А.М.* Проблема бытования функционально-семантического

- подхода в лингвистике: систематический обзор / А.М. Ключина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 10. — С. 113–118. — DOI 10.30853/filnauki.2020.10.21. — EDN ZIRYLR.
69. *Козлова, Л.А.* Сравнительная типология английского и русского языков / Л.А. Козлова. — Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2019. — 180 с. — ISBN 978-5-88210-935-5. — EDN IPIGUZ.
70. *Колосова, Т.Н.* Аспектуальность или категория вида. Чему учить? / Т.Н. Колосова // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 г. — СПб.: МАПРЯЛ, 2024. — С. 769–773. — EDN FYFEAQ.
71. *Кононов, А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 569 с.
72. *Коршунова, А. С.* Аспектуальность как одна из категорий выражения временных отношений в русском языке / А.С. Коршунова, Н.В. Лагута // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 18 / под ред. Н. Г. Архиповой, Н.В. Лагута, Г.М. Старыгиной. — Благовещенск: Амурский государственный университет, 2022. — С. 44–51. — DOI 10.22250/9785934933952_44. — EDN GXVWSL. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49912722_42885873.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
73. *Кошечкина, И.Г.* Теоретическая грамматика английского языка / И.Г. Кошечкина. — М: Просвещение, 1982. — 336 с.
74. *Кравченко, О.Ф.* К проблеме перфектного разряда / О.Ф. Кравченко // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка: межвуз. сб. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. — С. 188–192.
75. *Кузнецов, П.И.* Аспект и акционал в турецком языке (к выходу в свет монографии Л. Юхансона) / П.И. Кузнецов // Советская тюркология. — 1975. — № 3. — С. 68–82.
76. *Кузнецов, П.И.* Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: дис. ... д-ра филол. наук / П.И. Кузнецов. — М., 1982. —

375 с.

77. Кузнецов, П.И. Категория вида в турецком языке: видовые аспекты: сб. статей / П. И. Кузнецов. — М.: МГУ, 1996. — № 2. — С. 213–228.
78. Кунавин, Б.В. Проблемные вопросы семантической категории таксиса / Б.В. Кунавин, Н.В. Посевина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 4. — С. 219–230. — DOI 10.29025/2079-6021-2024-4-219-230. — EDN RUAYZT.
79. Курмаева, И.Л. Семантический подход к описанию аспектуальности в неродственных языках / И.Л. Курмаева // Казанская наука. — 2021. — № 12. — С. 113–115. — EDN CJUMHK. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47503336_75774819.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
80. Курмаева, И.И. Семантика аспектуальности многозначных вспомогательных глаголов в английском языке / И.И. Курмаева, А.Е. Аллаярова // Актуальные вопросы филологии в свете современных исследований: сб. науч. ст. по материалам XXXII Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 21–22 апреля 2022 г. — Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2022. — С. 152–159. — EDN FKCBQY. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48593958_80958993.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
81. Лаврова, Н.А. Категория вида в английском и русском языках: сопоставительно-типологический аспект / Н.А. Лаврова, А.О. Козьмин // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 118–123. — EDN XTRHLF.
82. Лебедев, Э. Е. Проблемы изучения словоизменения глагола в чувашском языке / Э.Е. Лебедев // Чувашский гуманитарный вестник. — 2024. — № 19. — С. 127–150. — EDN ADROZW.
83. Левитская, А. А. О влиянии универсальных и идиоэтнических факторов на грамматическую категорию вида (на материале современного русского и

- современного осетинского языков) / А.А. Левитская // Textus. — 2014. — № 14. — С. 25–46.
84. *Левитская, А.А.* Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) / А.А. Левитская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2019. — № 3. — С. 21–33.
85. *Левитская, А.А.* Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком / А. А. Левитская // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2020. — № 2. — С. 75–89.
86. *Левитская, А.А.* Способы выражения семантики дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским (на примере глаголов русского дистрибутивно-суммарного СД) / А.А. Левитская // Филология и культура. — 2021. — № 4. — С. 86–93.
87. *Левитская, А.А.* Виды значений монотемпоральной и политемпоральной повторяемости в современном осетинском языке и способы их выражения (в сопоставлении с русским языком) / А.А. Левитская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2021. — № 25. — С. 4–56.
88. *Левитская, А.А.* Особенности видения аспектуальных характеристик кратко повторяющегося действия в осетинской языковой картине мира в сравнении с русским языком / А.А. Левитская // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2021. — № 3. — С. 54–63.
89. *Левитская, А.А.* Видовая несоотнесенность осетинских глаголов: влияние универсальных акциональных смыслов (в сопоставлении с современным русским языком). Часть первая / А.А. Левитская // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2022. — № 4. — С. 169–181. — DOI 10.29025/1994-7720-2022-4-169-181. — EDN HDJNRQ. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49917060_55167214.pdf (дата

обращения: 04.10.2025).

90. *Левитская, А.А.* Особенности аспектуально-темпорального потенциала осетинских глаголов настоящего времени в сопоставлении с их видо-временными русскими эквивалентами / А.А. Левитская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2022. — Т. 26, № 2. — С. 81–94. — DOI 10.18522/1995-0640-2022-2-81-94. — EDN ZRRNZY. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48662249_44496743.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
91. *Левитская, А.А.* Особенности организации ядра функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским: научный и методико-дидактический аспекты проблематики / А.А. Левитская // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2022. — № 3. — С. 73–89. — DOI 10.29025/1994-7720-2022-3-73-89.
92. *Левитская, А.А.* Общезерезультативный способ действия в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) / А.А. Левитская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 56–65. — DOI 10.37482/2687-1505-V263. — EDN HGIFLJ. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54088064_12957742.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
93. *Левитская, А.А.* Осетинские глаголы с приставкой фæ- imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе / А.А. Левитская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — Вып. 10 (904). — С. 40–47.
94. *Лутфуллина, Г.Ф.* Субстантивы аспектуальной семантики результата и повтора в татарском языке / Г.Ф. Лутфуллина // Этнопространство Западной Сибири: современная языковая ситуация: сб. тезисов докладов участников Междунар. науч. форума, Тобольск, 22 октября 2021 г. — Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021. —

С. 178–181. — EDN JIUOSG.

95. Лутфуллина, Г.Ф. Сравнительный анализ вспомогательных глаголов в составе аналитических конструкций в разноструктурных языках / Г. Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2022. — Т. 15, вып. 1. — С. 166–170.
96. Лутфуллина, Г. Ф. Субстантивная репрезентация темпоральной и аспектуальной длительности (на материале английского и русского языков) / Г.Ф. Лутфуллина, А.О. Шипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 1283–1288. — DOI 10.30853/phil20220156. — EDN BGNDMS. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48328919_23970162.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
97. Лутфуллина, Г.Ф. Падежное оформление субстантивов аспектуальной семантики начальной фазы в английском и русском языках / Г.Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 7. — С. 2375–2379. — DOI 10.30853/phil20220352. — EDN AUAWHT. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49171650_41437051.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
98. Лутфуллина, Г.Ф. Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского) / Г.Ф. Лутфуллина // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 501. — С. 22–29. — DOI 10.17223/15617793/501/3. — EDN FQZWEX. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47723628_47570168.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
99. Ляненко, А.Г. Проблема вида русского глагола в сопоставлении с аспектными отношениями в турецком языке / А.Г. Ляненко // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2020.

— № 4. — С. 39–42. — EDN KCRQAS.

100. *Маслов, Ю. С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании / Ю.С. Маслов // Вопросы глагольного вида. — М.: Издательство иностранной литературы, 1962. — С. 38–41.
101. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 263 с.
102. *Маслов, Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 840 с.
103. *Миллер, В.* Язык осетин / В. Миллер. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 190 с.
104. *Михайлов, М.С.* Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола / М.С. Михайлов. — М.: Наука, 1965. — 132 с.
105. *Мокрова, К.А.* Трудности понимания контекстуального значения вида английского глагола при восприятии иноязычной речи на слух / К. А. Мокрова, А.В. Белозерцев, О.С. Долганова // Психология и педагогика XXI века: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. III Всерос. студенческой науч.-практ. конф. с междунар. участием, Орехово-Зуево, 19 мая 2022 г. — Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2022. — С. 481–487. — EDN PVPWWV. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49345460_70671670.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
106. *Морковина, Н.В.* Предельность/непредельность немецких глаголов как категория семасиологического уровня (опыт дистрибутивного и трансформативного анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Морковина. — Калинин, 1968. — 28 с.
107. *Мочалова, Т.И.* К вопросу об изучении способов выражения быстроты реализации действия в современном русском языке / Т.И. Мочалова, З. Ферештех // Русский язык за рубежом. — 2023. — № S2. — С. 87–92. — EDN NHCCXM.

108. *Муллахметова, Г.Р.* Неглагольные средства репрезентации длительных способов действия в разноструктурных языках (на материале татарского и английского языков) / Г.Р. Муллахметова // Казанская наука. — 2024. — № 1. — С. 233–235. — EDN WZEGYL.
109. *Муллахметова, Г.Р.* Способы действия длительности как средство выражения видовых значений и формирования компетенции речевой коммуникации (на материале французского и татарского языков) / Г.Р. Муллахметова // Казанская наука. — 2024. — № 10. — С. 475–477. — EDN UTZFCA.
110. *Мурясов, Р.З.* Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5. — С. 86–112. — EDN RVXLLA.
111. *Насилов, Д.М.* Ещё раз о виде в тюркских языках (к истории вопроса) / Д. М. Насилов // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / отв. ред. С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. — С. 111–120.
112. *Насилов, Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность / Д.М. Насилов. — Л.: Наука, 1989. — 208 с.
113. *Нерушева, Т.В.* Способы передачи видовых значений русского глагола в английском языке / Т.В. Нерушева, Н.А. Бондарева, Н.Н. Зайцева [и др.] // *Филология: научные исследования*. — 2019. — № 1. — С. 237–250. — DOI 10.7256/2454-0749.2019.1.24272. — EDN GNNKMN.
114. *Норман, Б.Ю.* Теория языка. Вводный курс / Б.Ю. Норман. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 296 с.: ил.
115. *Оглоблин, А.К.* Петербургская типологическая школа / А. К. Оглоблин, В. С. Храковский // *Международная конференция, посвящённая 50-летию Петербургской типологической школы: материалы и тезисы докладов*. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 9–16.
116. *Петрухина, Е.В.* Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учеб. пособие / Е.В.

- Петрухина. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 208 с.
117. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
118. *Плунгян, В.А.* К дискурсивному описанию аспектуальных показателей / В.А. Плунгян // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В. С. Храковского. — М.: Знак, 2004. — С. 390–411.
119. *Плунгян, В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. — М.: РГГУ, 2011. — 672 с.
120. *Пупынин, Ю.А.* Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях / Ю.А. Пупынин // Межкатегориальные связи в грамматике / отв. ред. А.В. Бондарко. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 43–60.
121. *Рахматова, С.А.* Закономерности соотношения единиц языка и форм мышления в глаголах таджикского и русского языков / С.А. Рахматова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. — 2020. — № 8. — С. 204–209. — EDN QOGFME.
122. *Реферовская, Е.А.* Аспектуальные значения французского глагола / Е.А. Реферовская // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л.: Наука, 1984. — С. 91–109.
123. *Ривлина, А.А.* Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Ривлина. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. — URL: <https://studfile.net/preview/13717163/> (дата обращения: 18.02.2025).
124. Русская грамматика — 1980: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 743 с.
125. *Сагитова, А.Ф.* Языковое сознание как синтез универсального и этнически специфичного / А.Ф. Сагитова, А.К. Сулейманова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 619–621. — EDN XNBJIL.
126. *Самсонова, Е. М.* Предельность и глаголы движения в якутском языке / Е. М. Самсонова // Litera. — 2018. — № 4. — С. 220–226. — DOI 10.25136/2409-

8698.2018.4.28170.

127. *Самсонова, Е.М.* Глагольная редупликация в якутском фольклорном тексте (на материале паремиологических жанров) / Е.М. Самсонова // Эпические традиции народов Евразии: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Н. В. Емельянова, Якутск, 02–03 декабря 2021 г. — Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2023. — С. 398–404. — EDN QPWGWW.
128. *Самсонова, Е.М.* Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора») / Е.М. Самсонова // Филология: научные исследования. — 2024. — № 7. — С. 117–129. — DOI 10.7256/2454-0749.2024.7.71185. — EDN OKSXON.
129. *Свитченко, А.А.* Об оценке качества перевода аспектуальных значений / А.А. Свитченко // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов XI (XXV) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных, Томск, 18–20 апреля 2024 г. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. — С. 125–128. — EDN AXCDFX.
130. *Серебренников, Б.А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1960. — 290 с.
131. *Смирницкий, А.И.* Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 443 с.
132. *Смирницкий, А.И.* Перфект и категория временной отнесённости / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. — 1955. — № 1. — С. 3–11; № 2. — С. 15–29.
133. *Смирницкий, А.И.* Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Либроком, 2009. — 288 с.
134. *Стернина, М.А.* Сопоставление как лингвистическая методология / М.А.

- Стернина, И.А. Стернин. — Воронеж: Изд-во Ритм, 2021. — 215 с. — ISBN 978-5-6047073-4-0. — EDN MNEUNC.
135. *Стойнова, Н.М.* Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского диалекта) / Н.М. Стойнова // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: материалы, Санкт-Петербург, 02–04 ноября 2006 г. — СПб.: Нестор-История, 2006. — С. 145–147.
136. *Седых, А.П.* Лингвистика и психоанализ: дискурс и метадискурс / А.П. Седых, Э.Н. Акимова, А. О. Чижова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 7. — С. 2375–2382.
137. *Сухомлина, Т.А.* Категория будущего времени английского глагола: лингвистический аспект / Т.А. Сухомлина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2014. — № 1 (20). — С. 93–96. — EDN SFAPND.
138. *Сухомлина, Т.А.* Модальные способы выражения будущего времени в художественном монологическом тексте / Т.А. Сухомлина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 85–88. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-sposoby-vyrazheniya-buduschego-vremeni-v-hudozhestvennom-monologicheskom-tekste> (дата обращения: 31.03.2025).
139. *Такоева, Т.А.* Специфика репрезентации глагольного вида в современном английском языке / Т. А. Такоева // Вестник научных конференций. — 2016. — № 4-4 (8). — С. 94–97. — EDN VYUNZV.
140. *Такоева, Т.А.* Лимитивность как одна из ключевых субкатегорий аспектуальности / Т.А. Такоева // Евразийское Научное Объединение. — 2019. — № 12-5 (58). — С. 395–396. — EDN VNICUP.
141. *Такоева, Т.А.* Начинательность и способы её формирования в языках разной типологической модели / Т.А. Такоева // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62-18. — С. 49–53. — DOI 10.18411/lj-06-2020-418. — EDN HFUIRT.

142. *Такоева, Т.А.* Аспектуальные параметры турецкого глагола / Т.А. Такоева // Современные исследования социальных проблем. — 2020. — Т. 12, № 5. — С. 320–332. — DOI 10.12731/2077-1770-2020-5-320-332. — EDN JBCUHV.
143. *Такоева, Т.А.* Языковые универсалии как основа компаративных разысканий / Т.А. Такоева // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — Т. 14, № 4. — С. 171–183. — DOI 10.12731/2077-1770-2022-14-4-171-183. — EDN JDGGSА.
144. *Такоева, Т.А.* Межкатегориальные взаимосвязи в типологическом аспекте / Т.А. Такоева // Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации: материалы Всерос. науч. конф., Владикавказ, 22 декабря 2023 г. — Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, 2023. — С. 114–120. — EDN ZYBXFN.
145. *Такоева, Т.А.* Анализ отдельных способов действия в языках разной типологической модели (на материале осетинского и английского языков) / Т.А. Такоева // *Kavkaz-Forum*. — 2024. — № 17 (24). — С. 26–35. — DOI 10.46698/VNC.2024.24.17.011. — EDN XMBXHG.
146. *Тазранова, А.Р.* Отрицательные поливербальные конструкции алтайского языка / А.Р. Тазранова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2024. — Т. 10, № 4. — С. 157–171. — DOI 10.22250/24107190-2024-10-4-157. — EDN GSIBTD.
147. *Таргын, Ш.Х.* Функционально-семантическая категория аспектуальности в английском языке / Ш.Х. Таргын, Н.А. Дондук-Оол // Научные труды Тувинского государственного университета: материалы ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей, сотрудников и аспирантов, Кызыл, 28 октября 2023 г. — Кызыл: Тувинский государственный университет, 2023. — С. 164–165. — EDN PUTILP.
148. *Телин, Н.Б.* Вид и способ действия в русском языке / Н.Б. Телин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. — М.: Прогресс, 1985. — С. 250–260.
149. *Телицин, Н.Н.* Перфект в древнеуйгурском языке / Н.Н. Телицин, К.А. Алиева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и

- африканистика. — 2023. — Т. 15, № 2. — С. 332–344. — DOI 10.21638/spbu13.2023.207. — EDN AMESLS. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54601685_73110635.pdf (дата обращения: 23.03.2025).
150. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность / отв. ред. А.В. Бондарко. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 352 с.
151. *Уржа, А.В.* Реализация значения итеративности в оригинальном и переводном текстах: семантико-функциональный аспект / А.В. Уржа // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Воронеж, 21–22 октября 2016 г. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — С. 482–493. — EDN XAQNHP.
152. *Уржа, А.В.* Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвижение / А.В. Уржа // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2024. — № 4. — С. 91–103. — DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7. — EDN EGJIGL.
153. *Успенский, Б.А.* Проблема универсалий в языкознании / Б.А. Успенский // Новое в лингвистике. — М., 1970. — № 5. — С. 5–30.
154. *Холод, Ю.С.* Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме / Ю.С. Холод // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 6-1 (84). — С. 173–176. — DOI 10.30853/filnauki.2018-6-1.38. — EDN UQUPJE.
155. *Хомутова, Т.Н.* Теоретическая грамматика английского языка. Курс лекций / Т.Н. Хомутова. — Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2006. — 297 с. — ISBN 5-696-03649-X. — EDN WFNIMT.
156. *Храковский, В.С.* Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А. П. Володин. — М.: АН СССР, 2001. — 271 с.

157. Цаболов, Р.Л. К истории осетинских провербов / Р.Л. Цаболов // NARTAMONGÆ: журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос, Мифология и Язык. — 2009. — Vol. VI, № 1–2. — С. 191–238. — URL: <https://vncran.ru/upload/nartamongae/2009/191-238.pdf> (дата обращения: 04.10.2022).
158. Цеплинская, Ю.Э. Введение в испанскую аспектологию / Ю.Э. Цеплинская. — М.: МПГУ, 2016. — 60 с.
159. Шакирова, Л.З. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной (татарской и башкирской) школе / Л. З. Шакирова. — Казань: Таткнигоиздат, 1974. — 279 с.
160. Шамина, Л.А. Функционирование разных типов сказуемых тувинского языка в нарративном дискурсе / Л. А. Шамина // Языки и фольклор коренных народов Сибири. — 2023. — № 4 (48). — С. 57–70. — DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-57-70. — EDN TLYGME. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59940903> (дата обращения: 04.10.2025).
161. Шамина, Л.А. Структура и семантика аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Сибири в трудах сибиреведов-тюркологов / Л.А. Шамина // Алтаистика. — 2024. — № 3 (14). — С. 26–36. — DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-26-36. — EDN KMEDIK. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=72801287> (дата обращения: 04.10.2025).
162. Шамсутдинова, А.Р. Неглагольные средства выражения аспектуальности в татарском языке / А.Р. Шамсутдинова, Г.В. Галавова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2020. — № 3 (18). — С. 292–295. — EDN JGGCRR.
163. Шевелева, Д.М. Репрезентация средств выражения семантической категории аспектуальности в рекламном тексте / Д.М. Шевелева // Коммуникации. Общество. Духовность — 2022: материалы XXII междунар. науч.-практ. конф. — Ухта: УГТУ, 2022. — С.67–71. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49345537_76972329.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

164. *Шёгрэн, А.* Осетинская грамматика, с кратким словарём осетинско-русским и русско-осетинским / А. Шёгрэн. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 976 с.
165. *Юлдашев, А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. — М.: Наука, 1965. — 275 с.
166. *Ярцева, В.Н.* Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. — М.: Наука, 1981. — 111 с.
167. Aspectuality across Languages: Event Construal in Speech and Gesture / A. Cienki, O. Iriskhanova, R. B. Becker [et al.]. — Amsterdam: John Benjamins, 2018. — 221 p. — (Human Cognitive Processing; 62). — ISBN 978-90-272-0124-9. — EDN YQNLFJ.
168. *Aksu-Koç, A.* Tense/Aspect/Modality and Evidentiality / A. Aksu-Koç, S. Arslan. — 2024. — hal-04787216.
169. *Bağçevan, I.* Chapter 6: Tense and Aspect in Simple Conjugated Verbs in Turkish / I. Bağçevan // Academic Research & Reviews in Social, Human, and Administrative Sciences-III / ed. by B. L. Salvador Bizotto. — Ankara: Global Academy Publishing House, 2023. — P. 135–207.
170. Beyond Aspectual Semantics: Explorations in the Pragmatic and Cognitive Realms of Aspect / A. De Wit, F. Brisard, C. Madden-Lombardi [et al.]. — Oxford: Oxford University Press, 2024. — 352 p.
171. *Carter, R.* Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarthy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 984 p.
172. *Close, R.A.* A Reference Grammar for Students of English / R. A. Close. — Moscow: Prosveshcheniye, 1979. — 352 p.
173. *Curme, G.O.* English Grammar / G. O. Curme. — New York: Barnes & Noble, 1966. — 308 p.
174. *Dahl, Ö. Robert I. Binnick,* Time and the Verb: A Guide to Tense and Aspect. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991. Pp. xii+554 / Ö. Dahl // Journal of Linguistics. — 1993. — Vol. 29, № 2. — P. 500–507. — DOI 10.1017/S002222670000044X. — URL:

http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/finiteness/binnick_time.pdf

(дата

обращения: 04.10.2025).

175. *Dahl, Ö.* Standard Average European as an Exotic Language / Ö. Dahl // Toward a Typology of European Languages. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990. — P. 3–8.
176. *Depraetere, I.* Tense and Aspect / I. Depraetere, A. Tsangalidis. — 2020. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780198755104.013.6. — URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198755104.013>. (дата обращения: 04.10.2025).
177. *Feltgen, Q.* Quantitative Approaches to Grammaticalization: Is There Any Empirical Specificity to Grammaticalization Processes? / Q. Feltgen // Histoire Épistémologie Langage. — 2025. — URL: <https://journals.openedition.org/hel/6844?lang=en> (дата обращения: 02.08.2026).
178. *Friedrich, P.* On Aspect Theory and Homeric Aspect / P. Friedrich // International Journal of American Linguistics. — 1974. — Vol. 40, № 4, pt. 2. — P. S1–S44.
179. *Ganshina, M.* English Grammar / M. Ganshina, N. Vasilevskaya. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1958. — 470 p.
180. *Heine, B.* Grammaticalization: A Conceptual Framework / B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. — Chicago: University of Chicago Press, 1991. — URL: https://www.researchgate.net/publication/37688391_Grammaticalization_A_Conceptual_Framework (дата обращения: 04.10.2025).
181. *Heine, B.* On the Role of Context in Grammaticalization / B. Heine // New Reflections on Grammaticalization / ed. by I. Wischer, G. Diewald. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. — P. 83–101. — URL: https://www.researchgate.net/publication/272816407_On_the_role_of_context_in_grammaticalization (дата обращения: 04.10.2025).
182. *Hopper, P.J.* Grammaticalization / P. J. Hopper, E. C. Traugott. — 2nd ed. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. — xx, 276 p. — (Cambridge Textbooks in Linguistics). — ISBN 978-0-521-80421-9.

183. *İskender, H.* The Enigma of the Turkish Morpheme -(y)AcAk: A Disquisition on Tense-Aspect-Modality Interpretations / H. İskender // Nesir: Edebiyat Araştırmaları Dergisi. — 2023. — № 5. — P. 149–175. — DOI 10.5281/zenodo.8402899. — URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8402899> (дата обращения: 04.10.2025).
184. *Ionin, T.* The Routledge Handbook of Second Language Acquisition, Morphosyntax, and Semantics / T. Ionin, S. Montrul, R. Slabakova (eds.). — 1st ed. — London: Routledge, 2024. — 571. (Routledge Handbooks in Second Language Acquisition). — ISBN 978-1-0325-3500-5. — URL: <https://experts.illinois.edu/en/publications/the-routledge-handbook-of-second-language-acquisition-morphosynta/> (дата обращения: 04.10.2025).
185. *Jendraschek, G.* A Fresh Look at the Tense-Aspect System of Turkish / G. Jendraschek // Language Research. — 2011. — Vol. 47, № 2. — P. 246–271.
186. *Johanson, L.* Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems / L. Johanson. — Uppsala: Almqvist och Wiksell i distr., 1971. — 340 p. — (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Turcica Upsaliensia)
187. *Kennedy, A.* Current English / A. Kennedy. — Boston: Ginn and Co., 1935. — 397 p. — URL: <https://archive.org/details/currentenglishst00kenn/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 04.10.2025).
188. *König, E.* Der europäische Sprachbund / E. König, M. Haspelmath // EuroLinguistik. Ein Schritt in die Zukunft. — Wiesbaden: [s. n.], 1999. — S. 112–127.
189. *Kutsarova, S.* An Attempt at Outlining the Major Features of Compositional Aspect in Modern Turkish / S. Kutsarova // Athens Journal of Philology. — 2025. — Vol. 12, № 1. — P. 49-73. — URL: https://www.researchgate.net/publication/388946653_An_Attempt_at_Outlining_the_Major_Features_of_Compositional_Aspect_in_Modern_Turkish (дата обращения: 04.10.2025).

190. *Lado, R.* Linguistics across Cultures. Applied Linguistics for Language Teachers / R. Lado. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. — 141 p.
191. *Lehmann, C.* Thoughts on Grammaticalization / C. Lehmann. — 3rd ed., rev. and exp. — Berlin: Language Science Press, 2015. — (Classics in Linguistics; 1). — ISBN 978-3-946234-05-0. — URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/32841> (дата обращения: 04.10.2026).
192. *Lutfullina, G.F.* Auxiliary Verbs of Movement in French, English, Russian and Tatar / G. F. Lutfullina // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. — 2021. — Vol. 7, № 4. — P. 44–55. — DOI 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-4. — EDN APTTRS. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47505955_19051034.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
193. *Lyons, J.* Semantics. Vol. 2 / J. Lyons. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 897 p.
194. *Mathesius, V.* O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném / V. Mathesius // Slovo a slovesnost. — 1938. — Vol. 1, № 4. — P. 15–19.
195. *Meillet, A.* L'évolution des formes grammaticales / A. Meillet // Scientia. — 1912. — Vol. 12, № 26. — P. 384–400. — URL: <https://scispace.com/papers/l-evolution-des-formes-grammaticales-1s8b0a1x1j> (дата обращения: 04.10.2025).
196. *Nicolle, S.* A Relevance Theory Perspective on Grammaticalization / S. Nicolle // Cognitive Linguistics. — 1998. — Vol. 9, № 1. — P. 1–35. — URL: https://www.researchgate.net/publication/245039150_A_relevance_theory_perspective_on_grammaticalization (дата обращения: 04.10.2025).
197. *Nikolaenko, E.* On the Expressive Function of Russian Quantitative Aktionsarten in Speech / E. Nikolaenko // Russian Language Journal. — 2016. — Vol. 66. — P. 105–126. — EDN JIFVRI. — URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol66/iss1/6/> (дата обращения: 04.10.2025).
198. *Palmer, F.R.* Mood and Modality / F.R. Palmer. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — 236 p.

199. *Prévost, S.* Grammaticalisation, lexicalisation et dégrammaticalisation: des relations complexes / S. Prévost // Cahiers de praxématique. — 2006. — № 46. — P. 121–140. — URL: <https://journals.openedition.org/praxematique/638> (дата обращения: 03.10.2025).
200. *Quirk, R.* A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik; под ред. И. П. Верховской. — М.: Высшая школа, 1982. — 391 p.
201. *Salaberry, M.R.* Thirty Years of Studying Lexical Aspect in L2 Acquisition: Moving towards an Expansive Research Agenda / M. R. Salaberry // Ampersand. — 2024. — Vol. 13. — 100185. — DOI 10.1016/j.amper.2024.100185. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2215039024000237> (дата обращения: 04.10.2025).
202. *Şahingöz Tsoriti, E.* Ossetic Preverbs / E. Şahingöz Tsoriti // Kavkaz-Forum. — 2020. — № 3 (10). — P. 60–79. — DOI 10.46698/h3735-7702-4400-x. — EDN CTIFKZ.
203. *Smith, C.S.* The Parameter of Aspect. Vol. 43 / C. S. Smith. — 2nd ed. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. — 349 p.
204. *Vendler, Z.* Verbs and Times / Z. Vendler // The Philosophical Review. — 1957. — Vol. 66, № 2. — P. 143–160.
205. *Vendler, Z.* Verbs and Times / Z. Vendler // Linguistics in Philosophy. — Ithaca; New York: Cornell University Press, 1967. — P. 97–121.
206. *Verkuyl, H.J.* A Theory of Aspectuality: The Interaction between Temporal and Atemporal Structure / H.J. Verkuyl. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — 393. — URL: <https://archive.org/details/theoryofaspectua0000verk> (дата обращения: 23.06.2022).

Словари

Осетинско-русский словарь. — 4-е изд. Владикавказ: 1993 - 384 с.

Осетинско-русский словарь.—5-е изд. Владикавказ: 2004 - 540 с —

URL: https://vk.com/wall-33833481_441?ysclid=mmxoedugkx963606697 (дата обращения: 04.10.2025).

[Большой русско-осетинский словарь - Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. - 2011](#)

[Русско-осетинский словарь: 25 000 слов - Абаев В.И. - 1950](#)

[Oxford Advanced Learner's Dictionary at Oxford Learner's Dictionaries | Find meanings and definitions of words](#)

Большой турецко-русский словарь. / Баскаков А.Н. и др. 2-е изд. М: Рус.яз., 1998. –966 с.

<https://sozluk.gov.tr/> (дата обращения 19.03.2026)

Список литературных источников и условных сокращений

НК – *Нарты кадджытæ*. – 2-е изд. – Орджоникидзе: Ир, 1975.

СН – *Сказания о нартах. Осетинский эпос*. Изд. переработанное и дополненное. Пер. с осет. Ю. Либединского– М.: «Советская Россия», 1978. – 512 с.

ОНС *Осетинские нартские сказания. Владикавказ, 2017. – 503 с.*

РНК – *Равзаргæ Нарты Кадджытæ / SNT Selected Nartæ Tales*. Цхинвал: Хуссар Алани, 2007, 216 с.

TN– *Tales of the Narts: ancient myths and legends of the Ossetians* / edited by ohn Colarusso and Tamirlan Salbiev /translated by Walter May, Princenton University Press, 2016.

NOHD – *Nartlar Oset Halk Destanlari*. Translated from French by G. Dumezil; into Turkish by H. Ata. Ankara, OwnPub, 2014. – 254 s.

Корпусы

<https://www.english-corpora.org/bnc/> Британский национальный корпус

http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru осетинский
национальный корпус

<https://www.tnc.org.tr/> турецкий национальный корпус

<https://ruscorpora.ru/> национальный корпус русского языка